

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

**ГРАНИЦЫ И МАРКЕРЫ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
В РОССИИ XVII–XX ВВ.**

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО ВСЕРОССИЙСКОГО
НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Екатеринбург
2014

УДК 94(470)"16/19"
ББК 63.3(2)
Г 77

Рецензенты:

И.В. Побережников, д.и.н., Л.Н. Мазур, д.и.н.

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Издание осуществлено при поддержке гранта РНФ,
проект № 14–18–01873.

Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: Материалы первого Всероссийского научного семинара / Институт истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2014. — 184 с.

В сборник вошли материалы семинара, посвященного проблемам социальной истории России нового и новейшего времени. Особенное внимание при этом уделено динамике и факторам социальных трансформаций, а также социальной стратификации и стратегиям социального поведения. Издание адресовано историкам, филологам, социологам, культурологам и другим гуманитариям, всем тем, кто интересуется историей России XVII–XX столетий.

Редакционная коллегия:

Е.В. Бородина (к.и.н., уч. секр.), Д.А. Редин (д.и.н.),
Н.В. Суржикова (к.и.н., отв. ред.), Д.В. Тимофеев (д.и.н.)

ISBN 978-5-7851-0800-4

© Авторы, 2014
© ИИиА УрО РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Редин Д. А. Фундаментальная проблема гуманитарного знания (Вместо предисловия).....	5

1. ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аракчеев В. А. Дворяне и задворные люди: к исследованию социальной стратификации в России 1646–1678 гг.	11
Бородина Е. В. Сословная идентификация населения Западной Сибири в 1720-е гг. (по материалам Тюменской судебной канцелярии).....	22
Дмитриев А. В. Чинопроизводство офицеров русской армии XVIII в.: основные принципы и эволюция реальной практики.....	42
Нелин Д. В. Использование принудительного труда как условие развития горнозаводской промышленности Урала XVIII в.	60
Семерикова О. М. Развитие промысловой деятельности в среде вятского и пермского крестьянства в конце XIX — начале XX в.....	69
Суржикова Н. В. Российский плен и российское беженство 1914–1918 гг. как факторы реконфигурации социальных границ.....	79
Чевардин А. В. Статус польских граждан в СССР в 1939–1945 гг.	90
Мельникова Н. В. Формирование «атомной общности» в СССР: социальные активы, «фильтры» и контуры стратификации	98

2. СОЦИАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Криворучко А. С. Представления о социальной картине общества в утопических произведениях дворянских авторов конца 50-х — 60-х гг. XVIII в. (по материалам произведений А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова).....	110
Плате А. Восприятие статуса сельских судебных заседателей в России конца XVIII в. (на примере инцидента в нижней расправе Верхотурья).....	119
Тимофеев Д. В. «Чтоб не были закрыты никому пути перехода из одного состояния в другое»: законодательство и практика социальных взаимодействий в России первой четверти XIX в.	129
Келлер А. В. Гендерная стратификация цеховых ремесленников Петербурга в XIX в.	139
Захарченко Е. Ю. Положение приходского провинциального духовенства Российской империи в XIX — начале XX в.	147

Литвинец Е. Ю. Отношение населения Среднего Урала к работе органов правосудия в дореволюционный период (по материалам Екатеринбургского окружного суда).....	154
Кискидосова Т. А. Городской костюм Восточной Сибири второй половины XIX — начала XX в. как маркер социальной идентичности	166
Каменская Е. В. «Мнение нас — рабочих, по этому поводу одно...»: социальная стратификация в пропагандистских внешнеполитических кампаниях второй половины 1960-х — начала 1970-х гг.	174
Список аббревиатур.....	181

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)*

Предисловия и введения — вещи скучные, но жанрово предопределенные. Ритуал обязывает, чтобы с них начиналась любая книга и это обстоятельство делает вводную часть нарратива саму по себе ритуалом: со своей предсказуемой структурой, смысловыми акцентами, тональностью. Если таким образом смотреть на предисловие, то его смысл заключается в том, чтобы быть; его и читать-то не обязательно, ведь самое главное — оно дальше, в основной части.

С другой стороны, каждый ритуал чем-то обусловлен. Действие, явление, прежде чем оно застывает в ритуальной форме, всегда имеет какую-то живую мотивацию. В этом отношении предисловие или введение тоже не исключение: оно должно задавать читателю настрой, в общих чертах раскрывать содержание последующего текста, служить своего рода камертоном, формируя некую целостность повествования. А коли это так, то не важно, будет или не будет потенциальный читатель знакомиться с предисловием — все равно хочется, чтобы оно выглядело как-то пристойно по своей сути, а не просто было. Вдруг все-таки прочитают.

Размышляя таким образом, очень хотелось уйти от банальностей, а они назойливо крутились в голове, материализуясь в хрестоматийное, до неприличия, аристотелевское: «Человек животное социальное». В конце концов мне подумалось: а почему бы и нет? Ведь в этом высказывании каждое слово имеет предельно точный смысл и выводит на главную проблему, определившую и состав представляемого сборника, и то исследование, благодаря которому сборник появился на свет. Значит, эта максима вполне подойдет для начала предисловия.

Человек социален, он всегда находится в системе многообразных взаимосвязей с себе подобными. Эти взаимосвязи формируют различные человеческие сообщества, большие и малые, находящиеся в иерархических взаимоотношениях, динамичные и открытые, относительно замкнутые и инертные, обладающие системной целостностью и являющиеся подси-

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII-XX вв.».

стемами в более крупных системах — тот бесконечный мир, именуемый социальностью. Социальность или социальная интеграция — неотъемлемая черта человеческого бытия. И тогда, когда человек действительно был животным, и позже, когда он стал «животным политическим» (если обыгрывать другой вариант перевода аристотелевского изречения). Различные типы социальной интеграции: от кровнородственных, основанных на биологической гендерно-возрастной дифференциации до сословно-классовых, усложненных и обремененных различными формальными структурами со всеми, не поддающимися учету промежуточными и переходными состояниями, лежат в основе человеческого существования. Они, наряду с другими глобальными явлениями, вроде природно-климатической среды и географического пространства, формируют и определяют все виды человеческой деятельности. Взаимообусловленность этих глобальных явлений и их определяющее значение для понимания картины мира привело немецкого географа Э. Нефа к выработке философской категории социосферы — системной совокупности освоенной человеком природной среды и самого человечества как части географической оболочки Земли. С этой точки зрения экономические процессы, административные структуры, творческая деятельность, религиозность, морально-этические системы оказываются производными социального. В этом смысле изучение социальной организации в пространственно-временном контексте является фундаментальной проблемой гуманитарного знания и одной из фундаментальных проблем науки в целом.

Социальная организация человека — и с точки зрения глобальных процессов, и в конкретно-исторических локациях — давно находится в поле зрения гуманитарных и социально-политических наук. Одна из проблем подобного рода научных исследований сводится к разработке универсальных классификационных систем социальной стратификации. Находясь в приоритетном поле социологии, эта проблема, как известно, решалась по-разному. На сегодняшний день мы располагаем несколькими влиятельными теориями социальной стратификации, сколь соперничающими, столь и дополняющими друг друга. Свой анализ социальной структуры, свои критерии социальной классификации предлагали К. Маркс и Э. Дюркгейм, М. Вебер и Ф. Тённис, П. Сорокин и Г. Спенсер, Э. Гидденс, Э. Валлер-

стайн, П. Бурдье, Ж. Деррида, У. Уорнер и многие другие. Как это обычно бывает, при всей продуктивности объяснительных макротеорий, они обременены одним важным ограничением: их универсальность оказывается мнимой при соприкосновении с эмпирической реальностью. Вполне удовлетворительные для описания больших процессов, они зачастую оказываются неудовлетворительными при изменении масштаба наблюдения и понимания реальности — прошедшей или актуальной. Эта ограниченность чревата для практической деятельности. Анализируя и организуя свои действия, пытаюсь прогнозировать их последствия, человеку необходим более точный инструмент познания действительности. Объясняя процессы, но не понимая их исторически обусловленной сущности, мы обречены на серьезные риски и издержки. Вооруженные классовой теорией Маркса, советские люди, например, были уверены в определенный период истории, что война с гитлеровской Германией, если и начнется, то быстро закончится победой над врагом не только и не столько потому, что Красная армия в техническом и боевом отношении сильнее, столько потому, что армия противника — «одетые в шинели немецкие рабочие и крестьяне» — непременно откажутся воевать с «первым в мире государством рабочих и крестьян», своим классовым союзником. На том же упрощенном и умозрительном представлении о классовой природе общества строились утопические планы мировой революции и поддержка международного «рабочего и национально-освободительного движения» со стороны Советского государства. Полностью разбилась о действительность основанная на тех же классовых представлениях внутренняя политика СССР, игнорировавшая при формировании своей стратегии совершенно иные и различные принципы социальной организации региональных и локальных сообществ, реально существовавших в многонациональной стране. Это все примеры, так сказать, практических просчетов. Но попытки оперировать некими универсальными теориями при научном анализе конкретно-исторических сюжетов оказывались столь же плачевными. Кризис советской исторической науки во многом был обусловлен невозможностью выйти за рамки классовой теории общественной организации при оценке прошлого нашей страны. Очень показательными в этом отношении оказались итоги всесоюзных дискуссий о переходе России от феодализма к капитализму, о крестьянских войнах

в России или об абсолютизме, прошедшие в 1960-х — 1970-х гг.: дискуссии, в которых не было победителей и которые продемонстрировали теоретико-методологическую исчерпанность господствующей научной парадигмы. Не стоит думать, что указанные ограничения присущи только марксистской теории классов (или ее вульгаризированному советскому варианту). В равной мере это касается и немарксистских концепций анализа социальной структуры. Так, например, строгое следование веберовской версии сословной стратификации и попытки применения его идеально-типологической модели сословия приводят современных историков к отказу видеть очертания сословной организации общества в допетровской России.

Таким образом, не отрицая в принципе необходимости макроробъяснительных социальных теорий, их генерализирующей роли в научных исследованиях и формировании мировоззрения, следует признать гносеологическую значимость и эвристический потенциал эмпирического наблюдения, его *не*-второсортность, равноправную роль по отношению к теоретическому моделированию в изучении социального. Ведь, как справедливо писал Ч. Фитьян-Адамс, «то, что мы теперь называем социальной структурой, в конце концов складывалось или должно складываться из бесчисленных регулярностей, наблюдаемых в практике повседневных социальных отношений».

Здесь мы подходим к другой очень важной проблеме исследования социальной природы и социальных отношений, лежащей, по преимуществу, в сфере исторической науки. Что это за «бесчисленные регулярности в практике повседневных социальных отношений»? Каково их происхождение и характер, что является причиной их отношений и каковы они сами по себе? Что, какие силы и обстоятельства конструируют и формируют социальную структуру в этот период времени и в этом месте? На эти вопросы не ответить с помощью заранее готовых универсальных объяснений. Эти задачи содержат так много переменных, что они не укладываются в математически определенные формулы. Но именно их решение позволяет (пусть и ограниченно) не объяснять, а понимать сущность явлений, корректируя и дополняя генерализирующие макротеории.

Таковыми представлениями о взаимной дополнительности микро- и макроисследований руководствовался коллектив историков Института истории и археологии Уральского отделения

РАН, задумывая исследовательский проект «Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.», получивший летом 2014 г. поддержку Российского научного фонда. Достаточно длительный исторический период, в рамках которого мы планируем развернуть свои изыскания, должен позволить реализовать наши наблюдения в динамике развития объекта и с учетом решения еще одной важной проблемы: эволюции социальной стратификации в условиях переходных исторических эпох. К этому побуждал имеющийся у коллектива опыт исследования исторического перехода от Средневековья к Новому времени. К этому побуждало осознание актуальности дополнительно сформулированной проблемы. За указанный период наша страна и наше общество, по меньшей мере трижды оказывались в состоянии скачкообразного перехода, конструирования (подлинного или кажущегося?) «новой России»: в начале XVIII, в начале XX и на рубеже XX–XXI вв. Как переживались эти состояния с точки зрения устойчивости и разрушения социальных институтов? В самом ли деле мы можем говорить о качественных сменах общественных моделей или при всей радикальности преобразований в основе социальной реальности лежали некие константы и континуальность? Очевидно, что все это имеет не только фундаментально-научную, но и практическую значимость. Многочисленные проблемы, стоящие перед исследователем социальной истории, разумеется, невозможно решить в рамках трехлетнего проекта; на это не хватит и более длительного периода. Но возможно и достижимо сформулировать подходы, реализовать ряд взаимосвязанных case-studies и предложить промежуточные обобщенные итоги, которые скорректируют сложившиеся представления и наметят новые перспективы научного поиска. Следуя двум принципам классического исторического исследования: идти ex causa — от источника и обращать внимание на «мелочи», ведь «Der Teufel steckt im Detail» («Черт скрывается в деталях»), мы посвятили наш первый научный семинар в рамках проекта и сборник статей, основанный отчасти на материалах этого семинара, рассмотрению и анализу отдельных сюжетов социального поведения различных групп населения России в заданном хронологическом диапазоне, сгруппировав эти сюжеты в тематически связанные разделы: «Динамика и факторы социальных трансформаций» и «Социальная самоидентификация и стратегии социального

поведения». Авторы статей, объединенных в первом разделе, поделились своими наблюдениями относительно причин формирования различных социальных групп и изменения их социальных статусов, а авторы второго раздела сосредоточили свое внимание на адаптивных практиках и само-восприятии, механизмах идентичности, определявших жизнь тех или иных социальных групп. В поле зрения оказались такие вопросы, как соотношение роли государства и общества в формировании социальных общностей; влияние экстремальных условий на формирование социума; этничность, гендерная принадлежность, род занятий и внешний облик (в частности, костюм) как факторы и маркеры социальной принадлежности; использование темы социальной стратификации в публицистике и в пропагандистских кампаниях; проявление социально обусловленных особенностей поведения в сфере судопроизводства. Проблемная, а не хронологически выстроенная структура сборника позволяет, при сплошном знакомстве с материалами статей, получить определенное представление о константных и переменных чертах российского социума нового и новейшего времени.

*Д. А. Редин**,
доктор исторических наук,
научный руководитель проекта

* *Редин Дмитрий Алексеевич*, доктор исторических наук, заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН, заведующий кафедрой истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), volot@mail.ru.

1. ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

УДК 94(470)«16»

*В. А. Аракчеев**

ДВОРОВЫЕ И ЗАДВОРНЫЕ ЛЮДИ: К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В РОССИИ 1646–1678 ГГ.**

В статье исследовано количество и структура холопов в России по данным переписных книг 1640–1670-х гг. Сделан вывод о различных формах закрепощения задворных людей во второй половине XVII в., в отличие от традиционных форм закрепощения. В заключении подчеркивается, что целью реформы налогообложения 1679–1681 гг. было не только увеличение собираемости налогов, но и увеличение числа налогоплательщиков.

Ключевые слова: социальная структура, крестьяне, холопы, задворные люди.

В современной науке существует развитая исследовательская традиция в изучении писцовых книг. В то же время, переписные книги 1640-х — 1670-х годов изучены не столь обстоятельно. Первой монографией, где история крепостного населения России подверглась систематической разработке, стали «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве» М. А. Дьяконова. Ученый выделил несколько рядов сельского населения, дав детальное описание их правового и хозяйственного положения.

Дьяконов разошелся с В. О. Ключевским в трактовке крестьянской старины, которая, как считал первый, возникла не под влиянием кабальной старины, а из «общей идеи о праве господина и землевладельца на потомство зависимых от него крестьян и людей» [4. С. 74]. Правовое положение задворных людей Дьяконов также был склонен оценивать иначе, чем Ключевский. В

* *Аракчеев Владимир Анатольевич*, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), arakk@rambler.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

составе задворных людей Дьяконов выделил кроме кабальных другие категории холопов, а также выходцев и полоняников. Исследователь произвел выборочный подсчет удельного веса задворных людей по переписным книгам [4. С. 249–269].

В историографии середины XX в. изучение переписных книг занимало периферийное положение. А. Г. Маньков изучал лишь задачи переписей, а Я. Е. Водарского интересовали проблемы полноты учета населения [1; 5]. В 1970–80-х гг. появился цикл работ, вышедших из круга авторов «Аграрной истории Северо-Запада России». Их неоспоримая ценность заключается в том, что в результате статистической обработки данных писцовых и переписных книг были получены надежные выводы о структуре зависимого населения крупного региона. Особое место занимают работы В. М. Воробьева, посвященные изучению холопства в поместьях Северо-Запада в XVII в. [3. С. 113–123]. Изучив переписные книги 1646, 1678 и 1710 гг., автор получил впечатляющие данные о количестве холопов в составе зависимого населения новгородских поместий, о структуре сельского холопства.

По его данным, на протяжении XVII в. удельный вес холопских дворов составлял 14–26 % всех дворов зависимого населения новгородских поместий, а наиболее многочисленной из категорий сельского холопства были старинные холопы, которые в совокупности с придаными, купленными, женатыми на холопках и пленниками составляли 50–60 % всего холопского населения поместий. Кроме того, В. М. Воробьев проанализировал динамику соотношения дворового и задворного холопства, а также размещение холопских дворов в пределах поместий. По его данным, лишь 7,5 % всех помещичьих холопов имели свою запашку, а потому «нет оснований говорить о каком-либо массовом характере слияния холопства с крестьянством. Подавляющее большинство холопов независимо от того, где они жили — в господских или в отдельных дворах, обрабатывали барскую пашню, получая за свой труд месячину» [3. С. 16–17].

Таким образом, концепция исследователей, работавших с новгородскими переписными книгами, содержит вывод о том, что дворовые и задворные люди, находившиеся в особой форме зависимости от землевладельцев, были холопами. Такой подход вступает в разительное противоречие с результатами исследований М. А. Дьяконова и некоторых других ученых. Очевидно,

что в структуре наших знаний по данному вопросу имеются пробелы, восполнение которых упирается в разработку источниковедческих аспектов темы. Поэтому статистической обработке данных переписных книг должен предшествовать источниковедческий анализ их сведений. Определения «дворовые» и «задворные» люди фигурируют в научных текстах на правах термина, но в источниках XVII в. нет однозначной трактовки таких понятий, как дворовый, деловой или задворный человек.

Необходимым предварительным этапом всякой работы по социальной истории должно быть исследование терминов, применяемых в языке для обозначения социальных статусов. Метаязык науки ни в коем случае не должен копировать источник, и создание новых терминов (таких, например, как «крепостной крестьянин») является важной прерогативой научного знания. В то же время, как считает В. Д. Назаров, «представление эпохи о самой себе, отражающееся в совокупности социальных терминов» не всегда адекватно «словесному ученому аппарату, которым общество той эпохи описывается исследователями» [б. С. 568].

Словосочетание «крепостной крестьянин» в отечественной исторической литературе приобрело права термина и активно используется в исследованиях как по истории России XVIII–XIX вв., так и по истории XVI–XVII вв. Общеизвестно, однако, что российское законодательство XVI–XVII вв., в том числе Соборное уложение 1649 г., такого термина не знало. «Крепостными» людьми в допетровской Руси именовались исключительно люди, на владение которыми имелись «крепости» — чаще всего, кабальные записи.

Но если терминология исторических источников, совпадая лексически с научной терминологией, отличается от нее содержательно, появляется настоятельная необходимость уточнить значение терминов в языке современников и в языке науки. В свое время эту работу попытался проделать М. А. Дьяконов, но он использовал источники иллюстративно, не проводя систематический анализ терминологии. Однако, никакие иллюстративные, произвольно выбранные примеры ничего доказать не могут — нужна именно совокупность источников, которая достаточно представительно отражала бы и социальный статус населения, и методы его классификации переписчиками.

В нашем исследовании использованы переписные книги 1646 г. и 1678 г., относящиеся к таким уездам, как Московский,

Пошехонский, Можайский, Вяземский, Великолукский, Пусторжевский, Деделовский, Суздальский, Псковский. Такая совокупность источников обладает определенными преимуществами, поскольку здесь представлены и уезды Замосковского края с крупным светским вотчинным землевладением, и уезды северо-запада России, характеризовавшиеся полным отсутствием светских вотчин и высоким удельным весом (до 40 % в Псковской земле) церковного землевладения. Крепостное население учитывалось не с одинаковой полнотой во всех кадастрах. Причиной этого являлись различия в методах учета населения переписчиками. Так, перед переписчиками Пошехонского уезда в 1646 г. и уездов псковских пригородов в 1678 г. не ставилась задача полной регистрации крепостных людей, и цифры переписных книг по этим территориям не отражали реального положения вещей¹.

Поуездный обзор результатов исследования переписных книг мы начнем с Вязьмы. В переписной книге Вяземского уезда 1678 г. никакой определенности в наименовании дворовых и задворных людей не было, термин «крепостные люди» по отношению к ним тоже не употреблялся. Термин «деловые люди» использовался чрезвычайно широко. Он применялся к людям, жившим во дворе помещика («во дворе деловые люди»), к людям, жившим в отдельном дворе («во дворе деловые полонные люди»). Наконец, термины «деловой» и «задворный» могли совмещаться: «да задворных деловых людей во дворе». Определенно можно сказать лишь то, что термин «деловой человек» противопоставлялся в книге термину «служилый человек», обозначающему холопа-послужильца².

Для переписных книг Московского уезда 1646 г. было характерно смешение терминов «деловые», «задворные» и «кабальные люди». Так, в вотчине Н. И. Одоевского в Горетове стану были зафиксированы 2 двора деловых людей, 1 двор задворного делового человека и 5 дворов кабальных людей, среди которых названы кузнец, сокольники, конюх, псарь. В поместье Я. К. Черкасского в стане Манатъине и Коровъине были описаны 27 дворов задворных кабальных людей. Изредка термин «деловой человек» обозначал человека, жившего во дворе помещика,

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12577. Л. 48, 1227; Д. 8501. Л. 21, 582 об.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 14247. Л. 29 об., 35 об., 40 об.

как, например, в вотчине Н. И. Романова в Ратуеве стану, где был отмечен «двор боярской, а во дворе деловых людей»³.

Термин «дворовые люди» был более определенным. Понятия «дворовые» и «крепостные люди» чаще всего обозначают людей, живших во дворе землевладельца: «двор боярской, а в нем живут всякие дворовые люди», «двор конюшей, да двор скотцкой, а в нем живут всякие крепостные люди». Но иногда дворовые люди могли поселяться и в отдельных дворах. Интересный случай был зафиксирован в вотчине М. Н. Беглецова в дер. Лупаново, где 3 вновь поставленных двора стояли пустыми: «а в новых де дворах жить крепостяном ли, или дворовым, или задворным людем, того не ведают»⁴.

Очевидно, что нечеткая терминология переписных книг дает основания прежде всего не для отождествления понятий, а скорее для выявления противоположных понятий. Можно выделить несколько таких противоположных парных терминов. Переписчики противопоставляли во-первых, дворовых и задворных людей, во-вторых, «крепостных» и «старинных» людей и, в большинстве случаев, дворовых и деловых людей. Ясно, что два противоположных ряда понятий формируются, исходя из разных критериев.

Дворовые, задворные и деловые люди различались, главным образом, по месту своего проживания — во дворе землевладельца или в отдельном дворе. С большой долей уверенности можно сказать, что переписчики отождествляли деловых и задворных людей. В то же время термины «крепостные» и «старинные» люди обозначали разные формы зависимости человека, описывая его правовое положение и зависимость «по крепостям» или «по старине».

С иной ситуацией мы сталкиваемся при исследовании переписных книг Московского уезда 1678 г. Переписчики не выработали четкого критерия, отличающего дворовых, деловых и задворных людей. Деловые люди были зафиксированы как во дворах вотчинников, так и за двором. Но главная особенность переписной книги состоит в том, что дворовые люди жили как во владельческом дворе, так и за двором, а задворные люди фиксировались как за двором, так и во владельческом дворе. Так, в поместье стольника Еропкина в Замыцкой волости в помещичьем дворе в деревне Репниково были отмечены 6 дело-

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12577. Л. 48, 1227; Д. 8501. Л. 21, 582 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 14247. Л. 29 об., 35 об., 40 об.

вых людей, «да за двором дворовые же деловые люди живут»⁵. Дворовый человек, таким образом, по мнению переписчиков не обязательно должен был жить во владельческом дворе, он вполне мог иметь свой двор.

В описании вотчины боярина Куракина сельца Одинцово был отмечен «двор боярский», но дворня жила в собственных дворах. «В том же сельце дворы сокольников, и хлебников, и поваренных людей, и конюхов, и псарей, а задворных людей нет». В поданной переписчикам сказке сочли нужным отметить именно факт отсутствия задворных людей в вотчине. В вотчине боярина Голицына, селе Ерино, дворовые люди также жили за двором. Кроме них в собственных дворах жили деловые люди овчинники и рыбаки, а также коновал, конюхи, псарь, кузнец⁶. В итоге описания вотчины отмечены 11 дворов дворовых людей и 5 дворов деловых людей.

Форма передачи сведений о крепостном населении зависела от сказки, содержащей первичную информацию и подававшейся от землевладельца. Так, во всех описаниях вотчин боярина Одоевского поселения дворовых людей именуется слободками. В селе Богородском стоял «двор боярской», где были отмечены 8 человек, но кроме него стояла «слободка дворовых людей», где в 5 дворах жили кабальные люди, а в 3 — задворные⁷. В селе Вешняково также была отмечена «слободка дворовых людей, насчитывавшая 20 дворов, в двух из которых жили задворные люди, а в 18 — кабальные. В вотчине князя Черкасского в стане Манатьине, Быкове и Коровине переписчики зафиксировали 78 дворов «кабальных дворовых людей»⁸.

Но в конечном итоге описания северной половины Московского уезда «по сю сторону Москвы-реки» все эти «дворовые люди» оказались в числе «кабальных». В итогах же дается и своего рода классификация крепостного населения, представляющая огромный интерес. «На вотчинниковых дворах дворовых и деловых 556 семей, людей 926 человек, поваров и приспешников 19 семей, людей 39 человек, 11 дворов поваров, людей в них 27 человек, 162 двора кабальных, людей в них 341 человек, 24 двора конюхов, людей в них 40 человек, 17 дворов дворовых, людей в них 50 человек, 144 двора задворных, людей

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9811. Л. 561.

⁶ Там же. Л. 520, 568 об.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9811. Л. 473 об.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9813. Д. 333 об.

в них 466 человек, 70 дворов деловых, людей в них 242 человека. Обоего кабальных, и конюхов, и дворовых, и задворных, и деловых 417 дворов, людей в них 1139 человек. Сокольников, и конюхов и псарей и стольников 22 двора»⁹.

Не подтверждается источниками и ставшее аксиомой суждение о том, что дворовые люди в отличие от задворных получали месячину. В описании вотчины боярина Хитрово в селе Братцево был отмечен боярский двор, «а во дворе и около двора живут служивые крепосные кабальные люди и конюхи. Да в том же селе Братцево задворные деловые люди крепосные русские и иноземцы» общим числом 37 человек. В ремарке переписчиков отмечено: «А что в селе Братцево крепосные деловые люди русские и иноземцы, и на мельницах мельники, и в Копнине муковозы, и они едят хлеб боярской месячину»¹⁰.

С другой стороны, задворные люди нередко фиксировались во владельческих дворах. Так, в вотчине думного дворянина Толстого селе Яковлевском помимо «двора вотчинникова» был отмечен «двор скоцкой, а во дворе крепосные старинные задворные люди»¹¹. Вышеотмеченные особенности учета крепостных людей в переписных книгах приводят к вполне определенному выводу. Задворные люди противопоставляются не только конюхам, дворовым и деловым людям, проживавшим в отдельных дворах, но и кабальным. Следовательно, статус задворного человека определялся не только исходя из его хозяйственного положения, но и зависел от формы закрепощения.

Несколько иная картина наблюдается на северо-западе России, и, прежде всего, в Великолукском и Пусторжевском уездах. В отличие от других известных нам кадастров, переписные книги этих уездов, за исключением книги 1678 г. по Ржеве Пустой, имеют уникальную структуру. Первые части этих книг содержат сведения о крестьянском и бобыльском населении поместий, а во вторых разделах книг содержится информация о холопах и близких к ним разрядах несвободного населения. Приведем тексты заголовков разделов этих книг: 1) «Книги Пусторжевскому уезду дворян и детей боярских и вдов и недорослей дворовым их старинным, и крепостным, и кабальным, и задворным людям с детьми и с братьями и с племянниками»¹²; 2) «Книги Луцкого уезду переписи и дозору князь

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9813. Л. 550.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9813. Л. 21 об. – 23.

¹¹ Там же. Л. 309.

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8561. Л. 161.

Дмитрея Трофимовича Сеитова да подъячего Офонасья Березина 154 и 155 году дворян, и детей боярских, и вдов, и недорослей дворовым, кабальным, крепостным и задворным людям»¹³; 3) «Книги Луцкого уезду переписи и дозору Степана Алексеевича Сумарокова да подъячего Соколова 186 году дворян, и детей боярских, и вдов, и недорослей дворовым, кабальным и крепостным задворным их людям»¹⁴. В заголовках категории несвободного населения перечислены произвольно и бессистемно, казалось бы, подтверждая наблюдения, полученные на материалах других уездов. Но сами переписчики были склонны считать всех учтенных во вторых разделах своих книг людей холопами, поскольку эти разделы переписчики однажды назвали «холопскими книгами»: «в деревне живут люди ево дворовые, и те ево люди описаны в холопских книгах, а крестьян и бобылей в том сельце и в деревне нет»¹⁵.

Рассмотрим признаки, долженствующие характеризовать категории несвободного населения. Переписчикам, так же как и составителям «сказок», было свойственно представление о месячине как о неотъемлемой принадлежности дворовых людей, хотя на практике месячина заменялась пашней, как в пустоержевском имении Н. И. Ширяева в 1678 г.: «Деревня, что была пустошь Пришвино, а на ней посажены дворовые люди, а пашня тем людям дана вместо месечины»¹⁶. Таким образом, понимая, что дворовый человек должен получать месячину, и что пашня лишь компенсирует ее отсутствие, переписчики в данном случае твердо придерживались устоявшихся представлений, и не отнесли посаженных на пашню «людей» к числу «задворных».

Как выясняется из исследования переписной книги Великолукского уезда 1678 г., одним из устойчивых критериев для отнесения зависимых людей к числу дворовых было их проживание в селе или сельце, во дворе, или рядом с двором помещика. В связи с ростом населения уезда и освоением пустошей к 1670-м гг. этот критерий начал ощутимо размываться, и в переписных книгах дворовые люди фиксируются и в деревнях. В сельце Бор Большой великолукского поместья Г. И. и К. И. Креницыных размещались 5 семей дворовых людей в помещичьем дворе и 5 «люцких» дворов, в которых жили задворные люди. Однако в деревне Скорняки были зафиксированы два людских двора,

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8393. Л. 1011.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8394. Л. 610.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8561. Л. 155.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8176. Л. 225.

где жили «дворовые люди старинные, выпущены из сельца для тесноты; по допросу помещиков — люди старинные, живут по старине»¹⁷. Очевидно, что на способы учета несвободных людей зависели от того, чье определение — помещика, приказчика или переписчика оказывалось решающим.

Сопоставим категориальные характеристики зависимых людей в актах и переписных книгах. Еще М. А. Дьяконов обстоятельно проанализировал опубликованную им духовную пусторжевского помещика Ковери Ларионова сына Пушечникова от 1 декабря 1688 г. Исследователь отметил, что хозяйственное положение 12 семей дворовых людей, о которых идет речь в духовной, свидетельствует об их по крайней мере частичной хозяйственной самостоятельности. И действительно, в завещании выделены три группы дворовых людей, из которых четыре семьи живут в «усадище», обладают скотом (подаренными господином телятами и лошадьми) и имеют «собинные нивы на пашню». Три семьи «месечных людей», те есть получавших месячину, также обладают необходимыми ресурсами для собственного хозяйства: «Лошадь и весь завод его, и всякая скотина, и всякой его ж хлеб стоячей и молоченой и засевной с тех нив, что у меня, Ковери, даны в сельце Мяхкове им». И, разумеется, вполне самостоятельны 5 семей «пашенных людей, которые живут по деревням» [4. С. 290–292, 338–340].

Поместье Пушечникова с наличным составом несвободного населения было зафиксировано в переписной книге Пусторжевского уезда 1678 г. В сельце Махново («Мяхково тож») были поименно перечислены 36 человек «дворовых людей старинных крепостных и выходцев и полоняников из-за литовского рубежа». Имена 9 из них известны и из духовной 1688 г., но никаких признаков хозяйственной самостоятельности дворовых в переписной книге нет. Даже 5 человек, которые в 1688 г., будучи «пашенными людьми», «жили по деревням», в переписной книге числятся в помещицкой усадьбе. Из этого сопоставления следуют два вывода. Во-первых, система учета несвободного населения в переписных книгах основывалась на «сказках», подававшихся помещиками и их приказчиками, как правило, заинтересованными в том, чтобы не давать избыточной информации фискальным органам. Во-вторых, состояние несвободного населения в XVII в. существенно изменялось.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8394. Л. 679.

На терминологическую неопределенность оказывало влияние и значительное многообразие источников пополнения холопства. Численность холопов стремительно росла в 1650–1670-х гг. исключительно по причине стремительного притока полоняников. Удельный вес пленных в числе холопьего населения некоторых поместий превышал 10 %. Среди пленных абсолютно преобладали «литовские и польские полоняники», но встречались и люди «немецкого полону», привезенные из-под Риги или из Курляндии. Однако рост численности холопов в третьей четверти XVII в. был вызван не только внешними обстоятельствами и, в частности, успешными войнами 1654–1667 гг., но и общим ростом населения страны и, кроме того, интенсивными миграциями. Открытость западной границы приводила не только к бегству крестьян и холопов, но и к притоку «вольных» людей из-за рубежа.

С этими обстоятельствами связан феномен известных еще М. А. Дьяконову ссудных записей на задворных людей. Исследование материалов Дедиловской и Псковской приказных изб подтверждает, что во второй половине XVII в. задворные люди закрепощались особым способом без кабалы. В материалах Дедиловской приказной избы за 1680-е гг. сохранились десятки «сказок» о записи вольных людей, не бывавших «в службе великих государей и в тягле», в задворные люди «с ссудною записью»¹⁸. Таким образом, задворные люди в Дедиловском уезде — это особая категория крепостного населения, чья зависимость не была холопской.

Исследование переписных книг, относящихся к уездам центра и Северо-Запада, убеждает в том, что не все люди, обозначенные в переписных книгах как дворовые и задворные, были холопами. Почему же дворовые и задворные люди, находившиеся в холопской зависимости, фиксировались отдельно от крестьян? В данном случае мы сталкиваемся с особыми формами зависимости сельского населения от землевладельцев, которые в науке пока не получили четкого терминологического определения. В переписных книгах для обозначения дворовых и задворных людей используются термины «деловые люди», «слуги», «разночинцы», «крепостные люди».

Именно последнее определение наиболее точно выражает суть дела, и именно его — «*крепостные люди*» — целесообразно

¹⁸ Архив СПбФИРИАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 699, 704, 740, 741.

но использовать как термин для обозначения той части населения вотчины, которая изначально находилась под юрисдикцией землевладельца и до 1679 г. не платила налогов государству. Крестьяне и социально сливавшиеся с ними бобыли стали крепостными в полном смысле слова только в конце XVII — первой четверти XVIII вв. Таким образом, исследование переписных книг 1640–1670-х гг. обнаруживает изменчивость, текучесть их терминологии, что является зримым подтверждением глубоких социальных изменений в русском обществе середины XVII столетия.

Библиографический список

1. Водарский А.Я. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977.
2. Воробьев В.М. Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII — начала XVIII в.? // История СССР. 1983. № 4. С. 113–123.
3. Воробьев В.М. Холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII — начала XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
4. Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898.
5. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России второй половины XVII в. М.; Л., 1962.
6. Назаров В.Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сборник статей. СПб., 2002. С. 560–570.

Arakcheev Vladimir Anatolievich

Doctor of historical sciences

Associate professor of the Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltzin, Leading researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences

DVOROVYE AND ZADVORNYE LUDI:

THE STUDY OF SOCIAL STRATIFICATION IN RUSSIA IN 1646–1678

The paper analyzes the size and structure of the serfs in Russia, according to the census books 1640s — 1670's. It is found that in addition to the traditional forms of enslavement in the second half of the XVII century, dependence of strata “zadvornye ludi” often make out loan accounts. It is suggested, that the purpose of taxation reform 1679–1681 gg. was not only an increase in tax collection, but also increase the share of taxes of the population.

Keywords: Social structure, peasants, serfs, zadvornye ludi.

*Е. В. Бородина**

**СОСЛОВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1720-Е ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТЮМЕНСКОЙ
СУДЕБНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ)****

Статья посвящена проблеме социальной самоидентификации и идентификации населения Западной Сибири в годы проведения реформ Петра Великого. Анализ документов судебной канцелярии Тюмени позволил реконструировать основные категории населения Тюменского дистрикта и выявить формулу описания социального статуса истцов и ответчиков, используемую в судебном делопроизводстве.

Ключевые слова: реформы Петра I, история Западной Сибири, Тюменский дистрикт, идентификация, самоидентификация, судебная канцелярия.

Первая четверть XVIII в. характеризуется значительными трансформациями общественных и государственных структур. Административные реформы этого времени стали важным этапом в развитии государственно-правовой мысли России. Государство ведет активную политику по созданию условий для всесторонней регламентации жизни общества. В рамках теории «*Polizeistaat*» пишутся новые законы и создаются не существовавшие ранее органы власти.

Государственно-административные преобразования того времени находились в тесной связи с социальной политикой государства. Она характеризовалась как установлением новых взаимоотношений между властью и обществом, в первую очередь выразившихся в усилении контроля государства за всеми межсословными и территориальными перемещениями населения страны, так и изменением социальной структуры России,

* *Бородина Елена Васильевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), sos-novi-bor@yandex.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII-XX вв.».

представленным укрупнением и сокращением числа сословных групп [1. С. 40; 2]. По меткому замечанию Э. К. Виртшафтер, «в Российской империи формальное социальное положение было следствием создаваемых государством правовых определений, а не как в Европе — традиционных прав и привилегий, которые восходили к периоду феодализма и устанавливались корпорациями или признавались по праву традиции» [5. С. 42].

Государство стремится сформировать такую общественную организацию, которая была бы удобна с точки зрения управления. Особое значение приобретают процедуры учета населения путем составления метрических книг, введения паспортной системы, проведения переписей [43. С. 612–622]. В результате переписи и первой ревизии значительная часть населения страны оказалась включена в сословия государственных крестьян и посадских, одним из важных признаков принадлежности к которым становится обязанность по уплате тягла [20. С. V, 4]. Формально определенные законодательством сословные группы и вписанные в них социальные категории, безусловно, не имели возможности прижиться в тот же миг. Люди, населявшие государство в рассматриваемый период, мыслили другими категориями. Требовалось время на то, чтобы новая система координат по определению своего положения приобрела распространение в обществе, а ее понятийный аппарат нашел применение не только в высших, но и низших социальных слоях.

Данная проблема достаточно хорошо рассмотрена как отечественными, так и зарубежными исследователями в рамках научных изысканий и дискуссий о роли государства в формировании сословной структуры имперского общества XVIII — начала XX вв. [28. С. 77–81]. Тем не менее, на материалах по истории России 20-х гг. XVIII в. написано не так много исследований. Первое, на что обычно обращают внимание историки при характеристике социальных трансформаций под влиянием податной реформы конца 1710–1720-х гг., это на формальные изменения границ сословных групп и экономического положения населения страны под бременем новой подати. В частности, указанные аспекты податной реформы были подробно рассмотрены в работах дореволюционных историков. В. О. Ключевский, например, обратил особое внимание на изменение положения холопов после податной реформы в России [22]. Фундаментальный труд П. Н. Милюкова заложил основы изучения темы

влияния введения подушной подати на численность населения страны [25], которая была затем развита в трудах таких советских и российских исследователей, как В. М. Кабузан, В. М. Шепукова, С. М. Троицкий, Я. Е. Водарский и других [7, 16, 18, 44]. Кроме того, ряд перечисленных выше историков, используя материалы переписей и ревизий, обратились к определению социальной структуры общества периода Российской империи [1. С. 135–232; 28. С. 113, 123, 129–133]. На основе вторичных источников они попытались создать более или менее объективную картину, характеризующую не только численность населения страны, но и взаимосвязь между самоидентификацией и классификацией жителей переписчиками и ревизорами [1. С. 135–231; 10. С. 57]. В частности, В. М. Кабузаном рассматривались вопросы о численности и этническом составе населения Российской империи в XVIII и XIX столетиях [16, 17]. Подобной тематикой на примере сибирского региона занимались и другие исследователи, например, Н. Ф. Емельянов [15].

Самостоятельные работы, посвященные проблеме самоидентификации и идентификации представителей различных социальных групп, развивающихся и изменяющихся на протяжении всей имперской истории России, представлены в значительно большем количестве. В некоторых случаях они являются результатом длительной традиции изучения вопроса. Наибольшие успехи в этом направлении были сделаны исследователями формирования и консолидации дворянского сословия. С проблемой идентификации русского дворянства XVIII в. успешно работают Д. Г. Полонский, Н. Н. Петрухинцев, С. В. Польский, М. А. Киселев и другие исследователи [21, 31, 34, 35]. Не менее значимые результаты показывают ученые, специализирующиеся по проблемам истории русского города и городского сословия. Данные о самоидентификации городского сословия в XVII–XIX вв. активно используют в своих трудах Б. Н. Миронов, А. И. Куприянов, Н. В. Серeda и многие другие историки [28. С. 118; 24, 42]. Не менее активно исследуется вопрос формирования крестьянской идентичности. В частности, весомый вклад в изучение представлений об общественном сознании крестьянства XVIII–XIX вв. внесли Н. Н. Покровский, М. М. Громыко, Н. А. Миненко [11, 27, 32]. С. В. Голикова занималась реконструкцией культурной идентификации горнозаводского населения дореволюционного Урала [8].

К проблеме идентичности сословных групп в Российской империи обращались и зарубежные авторы. Так, работа Э. К. Виртшафтер посвящена изучению такой социальной категории, как разночинцы. В ней американская исследовательница выделила для характеристики их самоопределения и идентификации правовой, социальный и культурный аспекты [5. С. 171–189]. Выявлению национально-этнической идентичности населения Сибири XIX — начала XX в. посвятил свои труды В. Сандерланд. На основе источников XIX — начала XX в. правительственную политику идентификации различных сословий Российской империи исследовал Ч. Стейнвелд [38, 43].

Таким образом, на данный момент существует значительный пласт историографии, отражающий различные аспекты социальной истории России имперского периода, касающийся как социальных преобразований Петра Великого, так и характеристики социальной идентичности отдельных сословий и сословных групп. Тем не менее, вопрос о том, каким образом происходило совмещение двух дискурсов: дискурса идентификации населения своей страны государством и мыслительных категорий, позволяющих произвести самоидентификацию представителями различных категорий населения в годы петровских преобразований, — до сих пор остается актуальным.

Цель данной статьи — на примере одного из регионов страны рассмотреть, как происходило изменение социальной идентификации и самоидентификации в обществе эпохи реформ Петра Великого. Понятия «самоидентификация» и «идентификация» мы понимаем в том виде, в каком их использует Б. Н. Миронов [28. С. 76]. Самоидентификация — представление человека о своем месте в обществе. Идентификация (перекрестная идентификация) — понятие людей друг о друге, одних социальных групп о других. Таким образом, идентификация рассматривается нами как процесс отождествления личности с другим человеком или социальной группой, который осуществляется как самой личностью, так и прочими людьми и даже государством.

Ввиду значительной территориальной протяженности России каждый ее регион может представить множество разнообразных форм социальных структур и социальных отношений, обусловленных как этническим многообразием, так и дифференцированными историко-географическими условиями формирования социальных групп. В условиях существования еди-

ной социальной сетки, брошенной на всю территорию страны властью, региональная специфика неминуемо сохранится, предоставляя отличные варианты вписывания в единую систему социальных координат тех или иных общностей. На наш взгляд, представляется важным выяснить, каким образом в условиях административных и социальных реформ происходила трансформация социальных конструкторов, замещение одних социальных структур другими.

Одним из интереснейших регионов для изучения существовавших в нем социальных идентификаций является Западная Сибирь. Ее развитие было обусловлено как активными колониционными процессами, так и транзитным положением между Европейской и остальными частями Азиатской России. Так как территория рассматриваемого региона отличается многогранностью, наше внимание было сосредоточено на изучении идентификации и самоидентификации населения лишь одного из его сегментов — Тюменского уезда/дистрикта — в административно-территориальном делении первой трети XVIII в.

Методики реконструкции процессов идентификации на базе источников личного происхождения, с которыми обычно работают исследователи, оказались нам недоступны ввиду практически полного отсутствия дневниковых записей, воспоминаний и писем, созданных жителями Тюменского уезда в первой четверти XVIII столетия. В основу работы были положены материалы судебно-следственной документации и созданные на их основе вторичные делопроизводственные источники, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО). В поле нашего зрения попали в первую очередь челобитные, которые с наибольшей долей достоверности дают информацию о социальной принадлежности истцов и ответчиков. Ввиду массовости и более или менее устойчивой структуры формуляра данный вид источников часто попадает в поле исследовательского интереса [16. С. 37]. Традиционной причиной составления челобитной являлась конфликтная ситуация, которая могла проявляться как в форме невыполнения или ненадлежащего выполнения гражданско-правовых обязательств, так и в виде «горячих» конфликтов, вызванных прямыми межличностными столкновениями по разнообразным вопросам внутрисемейного быта и соседского сосуществования. Несмотря на то, что большая часть данных источников была составлена в судебных

канцеляриях местными делопроизводителями в лице подъячих младших рангов и, таким образом, содержит в себе наряду с голосом обиженного голос представителя государственного аппарата [43. С. 59–62], челобитья прекрасно отражают социальную архитектуру любого региона. Ни требования к составлению челобитной со стороны власти, ни бытовавшая традиция обращений к государю в ней в уничижительных выражениях, ни стремление со стороны просителя-жалобщика приукрасить суть конфликта не вносили искажений в характеристику социального статуса истца, который подчас был заинтересован в восстановлении порушенных чести и достоинства [33. С. 238–240]. Самоназвание и идентификация статуса истца делопроизводителем являлись важным этапом процесса написания челобитной, в которой в обязательном порядке мы найдем пункт об имени и социальной принадлежности просителя. Следует отметить, что истец называл наиболее важные с его точки зрения показатели социальной принадлежности. Заверение в достоверности зафиксированных данных подписью истца или его свидетелей в этой процедуре также имело большое значение.

Несколько сложнее в данном отношении представляется выделение положения в обществе ответчика. Данное обстоятельство связано с тем, что социальные характеристики, присущие другой стороне конфликта, обычно записывались со слов истца. Они не были четко определены в связи с отсутствием в канцелярии правонарушителя/обидчика. Запись о его социальном статусе велась со слов челобитчика, который, как и большинство представителей традиционного, не слишком мобильного социума, знал подноготную своих соседей, ориентировался в их социальном положении, но мог выделить не все известные ему черты социального статуса обвиняемой стороны, не останавливаясь на тонкостях, мог забыть о мелких деталях. Социальный портрет ответчика не поддается также восстановлению в тех случаях, когда правонарушение, о котором доносил проситель, касалось воровства имущества «неведомыми людьми».

Анализ текстов челобитных, поступивших в Тюменскую судебную канцелярию, показывает, что наиболее активной социальной общностью, чаще всего выступавшей в судебной канцелярии данного уезда/дистрикта в качестве истцов, были служилые люди. Количество челобитных, полученных от представителей данной социальной общности, показательно. Оно го-

ворит нам о большом значении служилых в рассматриваемом регионе в течение всей первой трети XVIII столетия [29. С. 121; 3, с. 75]. Несмотря на утвердившийся в историографии тезис о том, что служилое сословие Российского государства находилось в упадке и разложении со второй половины XVII в. [30. С. 143], оно и в XVIII в. продолжало играть значительную роль на окраинных территориях России. В течение долгого времени служилые продолжали составлять основу сибирского войска и являлись главным источником пополнения кадров на занятие административно-судебных постов новой управленческой машины Петра Великого [37. С. 145; 14. С. 118]. По замечанию Е. В. Анисимова, старая система служилых чинов сохранялась наряду с введением новой военно-бюрократической системой, построенной на бюрократических принципах и никак не соотносившейся с предыдущей системой [1. С. 168]. М. М. Громько установила, что пожалования чинами служилых по отечеству продолжались в Сибирской губернии до 1760-х гг. [10. С. 360–363].

Как и в предыдущем столетии, среди служилых людей можно выделить две группы: служилые по отечеству (дворяне и дети боярские) и служилые по прибору (городовые казаки и солдаты). Среди служилых по отечеству процент сибирских дворян был незначительным, большинство составляли сибирские дети боярские. Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют выявить обращения в суд и участие в судебных процессах в качестве ответчиков детей боярских, пеших и конных казаков, солдат (как на службе, так и отставных), пушкарей, воротников.

Кроме того, зафиксирован один случай идентификации социальной принадлежности к служилому сословию татарина (1720-е гг.), с выделением этнической, а, следовательно, и конфессиональной принадлежности к иной социальной группе. Несмотря на единичность, этот казус свидетельствует о сохранении этносословной общности служилых татар, сформировавшейся еще в XVII в., которая, по мнению С. В. Бахрушина, находилась в состоянии вырождения. Служилые татары превращались в служилых людей «по прибору», получавших небольшое денежное и хлебное жалование» [2. С. 825–826].

При идентификации и самоидентификации истцов и ответчиков в челобитных следует обратить особое внимание на

фактор несения в момент обращения с жалобой государственной службы. Для увеличения своего веса перед городским судьей/судебным комиссаром истцы обязательно упоминали, что их жалоба касается «неверстанного» сына боярского, то есть человека, пока еще мало послужившего на благо государства. Впрочем, и истцы иногда признавали важным элементом, способствующим идентификации своего социального статуса, отсутствие верстания на службу¹. Очевидно, что факт исполнения или неисполнения служебных обязанностей перед государством являлся важным указателем идентификации социального положения в обществе и в других случаях. В частности, при определении социального статуса истцов и ответчиков неоднократно упоминается признак ухода в отставку: отставной солдат, отставной пеший казак, «тюменский отставной боярин» и т.д. Служебное состояние учитывалось и при определении статуса детей обоих полов и жены («салдатская жена Михайлова Шалагинова Ефросинья Андреева дочь», «солдатский сын Фёдор Тверитинов», «казацья Ивановская жена Дворникова Катерина Парфенова дочь», «жена казацкого сына Тихона Ермакова его вдова Ирина Микитина дочь Заякина», «тюменского воротника сын Илья Борисов сын», «сын отставного солдата Никифора Пачина Василий», «казацкий сын» и другие²).

Следует обратить внимание на тот факт, что время от времени идентификация служилых людей (в первую очередь детей боярских) осуществлялась, базируясь на имевшихся у них военных званиях. Так, в разные дни 1726 г. в Тюменскую судебную канцелярию поступили челобитья от тюменского подпрапорщика Федора Старцева, «Тобольского гарнизона Московского полку сержанта» Осипа Ермолина³. Служилые люди более мелких чинов (казацьи дети и казаки) также могли идентифицироваться на основе их войскового чина как десятники, пятидесятники, сотники⁴.

В челобитной 1722 г. высокий для Сибирской губернии социальный статус полковника Д. Угрюмова оказывается возможным определить в первую очередь по косвенным признакам. Поданная от его имени в судебную канцелярию челобитная не сообща-

¹ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 14. Л. 3; Д. 18. Л. 1; Д. 32. Л. 7 об.

² ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 14. Л. 4; Д. 16. Л. 12, 18, 19 об., 29 об., 35; Д. 32. Л. 8, 10; Д. 36. Л. 3, 50; Д. 69. Л. 1.

³ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 20 об. – 21, 27–27 об.

⁴ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

ет нам о его происхождении. Об этом в первую очередь говорит сама процедура поступления его челобитной в судебную канцелярию, которую принес «человек ево Иван Васильев». Сам текст документа содержит информацию о земельном споре, что также говорит в пользу принадлежности полковника к категории служилых людей «по отечеству»⁵. В одной из сказок Д. Угрюмов описывает основные этапы приобретения своего социального статуса следующим образом: ««В прошлых годах отец мой пожалован по Верхотурью в дети боярские, а после отца своего в прошлом 1677 году пожалован по Тобольску в дети боярские. Годового жалования денег 6 рублей, хлеба 6 четвертей, 2 пуда соли и служил всякие службы и степные посылки и береговые службы, да в прошлом 1697 году послан был в Китайской острог на заставу и на той Каменской заставе подстрелили из лука в правой бок и от той их стрельной раны скорбел годы два и больше <...> Да в 1712 году губернатор князь Матвей Петрович Гагарин за мою службу и за взятие языка определил меня в полковники на Тюмени к конным и пешим казакам и татарам, а оклад мне определил 34 рубли, хлеба 18 юфтей, соли двадцать пуд, да вместо погребного питья на господские праздники и на царской ангел 6 ведр вина» [47. С. 38–39]. Другие, более поздние источники информации позволяют увидеть в Д. Угрюмове не только представителя сословной группы детей боярских, но и воеводу Тюменского дистрикта [36. С. 329].

Как было уже отмечено выше, подобные случаи практически полного отсутствия указателей — идентификаторов социального статуса не являются редкостью, когда дело касается известных в округе лиц, занимавших либо недавно покинувших видные военные или административно-судебные должности⁶. В частности, документы, отложившиеся в результате деятельности судебной канцелярии Тюмени, никак не позволяют охарактеризовать социальное положение судебного комиссара А. Текутьева. Лишь расширение круга документальных источников дает возможность говорить о нем как о подполковнике и сибирском сыне боярском [4. С. 216]. Такая же ситуация складывается с бывшим комендантом Сургута Иваном Ильиным сыном Свяновым, пожаловавшимся в Тюмени на «увод» «купленной крепостной дворовой девки»⁷.

⁵ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁶ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 17; Д. 6. Л. 1.

⁷ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.

Наряду с идентификацией по признаку службы жители Тюменского уезда/дистрикта часто использовали идентификацию, основанную на признаке профессиональной принадлежности. В ряде случаев представители того или иного профессионального сообщества получали за свою «работу» денежное и хлебное жалование от государства. Среди таких занятий следует отметить ведение делопроизводства в разнообразных региональных канцеляриях и ямскую гоньбу. Жалобщики, определявшие себя как подьячие или ямщики, имели особый статус, обусловленный как историческими, так и географическими особенностями развития региона и страны в целом.

Безусловно, корпорация приказных служителей имела особое положение в обществе, которое, по мнению Н. Ф. Демидовой, заключалось, с одной стороны, в утверждении ее уникального статуса, с другой, — в ее включенности в сословие служилых людей путем дарования властью ряда общих сословных прав и привилегий [13. С. 89]. К середине XVII столетия внутри этой сословной общности сложилась и иерархическая система чинов, по которой мог пройти снизу вверх как любой член семьи, представляющей корпорацию канцеляристов, так и лицо, происходившее из другой социальной группы. Формирование подьяческой корпорации Западной Сибири к началу XVIII в. уже можно считать завершенным.

Несмотря на активные социальные преобразования, приведших к изменению наименований должностей канцеляристов, часть из которых была законодательно закреплена в Табели о рангах 1722 г., в челобитных и иных делопроизводственных документах этого переходного времени продолжают употребляться «традиционные» наименования⁸. Подписи подьячих нередко можно найти среди удостоверительных рукоприкладств, поставленных на челобитных за неграмотного истца. Именно они позволяют изучить вопрос их самоидентификации более подробно.

Как уже было отмечено выше, первое, что бросается в глаза при анализе скреп делопроизводителей, это разноречивость в наименованиях должностей канцелярского аппарата: «крепостных дел писарь», «таможенный подьячий», «подьячий», «бывшей подьячий», «тюменский подьячий», «канцелярский переплет-

⁸ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 17 об., 21–21 об. и др.

чик», «канцелярии служитель»⁹. Идентификация канцеляристов, во-первых, включает наименование занимаемой должности. Во-вторых, ими указывается место службы, которое отмечается в случае, если подьячий или «писчик» сидел не в главных органах региональной власти. В ряде случаев локализуется название населенного пункта («тюменский»).

Еще одна категория, находившаяся на государственном обеспечении и часто участвовавшая в судебных процессах Тюменского уезда — ямщики. Данная социальная группа, сформировалась в Западной Сибири и соседнем с ней Уральском регионе к середине XVII в. [39, 40, 41] и играла заметную роль в жизни Тюмени даже в середине — второй половине XVIII в. [9. С. 36]. Тюменские ямщики идентифицировались однозначно по сфере своей деятельности и месту проживания¹⁰. В некоторых случаях их обозначали как «ямских охотников».

Среди делопроизводственных документов Тюменской судебной канцелярии один раз встречается идентификация, основанная на роде ремесленной деятельности — плотник¹¹. По всей видимости, этот статус был официально зарегистрирован в переписных книгах Тюмени за 1719 г., где было зафиксировано в общей сложности 982 двора, около 50 % из которых были заняты посадскими, крестьянами и ямщиками [12. С. 397]. Впоследствии, в 1720 г., на основе переписных книг Тюменской воеводской канцелярией были составлены ведомости об имеющихся в городе ремесленниках, кожевенных и мьельных заводах. Обращает на себя внимание, что в этом реестре «о всяких заводах и мастеровых» фигурировали не только посадские, но и дети боярские, конные и пешие казаки, пушкарские головы, бобыли и крестьяне [46. С. 33–36]. Этот источник подтверждает данные Н. А. Миненко, которая установила, что в 1720-е гг. посадские Тюмени занимали только 299 дворов (842 души мужского пола), причем 235 из посадских дворов находились не в городе, а в сельской местности [26. С. 4].

Таким образом, можно говорить о том, что официальное закрепление вида ремесленных занятий в указанном случае было важным элементом для самоидентификации и идентификации

⁹ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 9. Л. 25–25 об.; Д. 36. Л. 74; Д. 14. Л. 3 об.; Д. 16. Л. 17 об. – 19, 20 об., 21–21 об., 28; ГАТО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

¹⁰ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 32. Л. 11; Д. 15. Л. 3–3 об.; Д. 16. Л. 9–9 об., 15 об. – 16 об., 17, 19 об., 28, 29; Д. 36. Л. 50.

¹¹ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 11–11 об.

лица, не имевшего, в отличие от служилых людей и ямщиков, иных источников дохода, кроме выбранного в качестве основного вида деятельности столярного ремесла. Для большей части населения Тюменского уезда (вне зависимости от сословного статуса) главным занятием оставалось хлебопашество. Это во многих отношениях уравнивало в положении как служилых и посадских людей, так и крестьянство. Отделение себя от основной массы земледельцев также могло производиться за счет указания вида своей ремесленной деятельности [26. С. 5].

Тенденция упоминать род своих ремесленных занятий могла быть также вызвана и политикой правительства, направленной на создание городского сословия «регулярных» граждан, пользовавшихся в соответствии с законом правами самоуправления. В сословие вошли купцы и цеховые ремесленники [28. С. 111; 33. С. 664–665].

Прочие жители Тюмени, записанные в посад, называются в челобитных и иной судебно-следственной документации и бумагах текущего делопроизводства тюменскими посадскими или посадскими людьми (тюменскими посадскими людьми)¹². Однажды в качестве ответчика по судебному делу, возбужденному из-за пьяной драки в Знаменском кабаке, проходил «купецкий человек»¹³. При невозможности определить статус участника судебного разбирательства, проживавшего в городе, его именуют как жителя («тюменский житель», «кунгурский житель» и др.)¹⁴.

Приведенные данные не позволяют подтвердить выводы Б. Н. Миронова, сделанные на основе изучения самоидентификации посадских XVII — первой половины XVIII в., проживавших в европейской части России. На основе признаков владения имуществом и доходах они подразделялись на «лучших», «средних», «молодших» и «самых худых» [28. С. 113, 118]. Данная классификация была актуальна в случае раскладки налогов и повинностей, но не играла роли при обращении городских жителей в судебные учреждения.

Что можно сказать об идентификации других, «негородских» категорий населения? Самоидентификация истцов и идентификация ответчиков представляет большое разнообра-

¹² ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–3 об.; Д. 16. Л. 15–16 об., 23 об., 29 об. 30; ГАТО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Д. 10. Л. 1.

¹³ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 9. Л. 25–25 об.

¹⁴ ГАТО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Д. 3. Л. 1.

зие категорий крестьянства, проживавших в западносибирском регионе. Среди них можно назвать оброчных крестьян, пашенных крестьян и бобылей¹⁵. Следует отметить, что ключевыми характеристиками для идентификации являются вид повинностей перед государством (оброчные или пашенные) или уровень зажиточности. Обращает на себя внимание, что статус крестьянина тщательно прописывается даже в том случае, когда он является ответчиком по делу.

Самоидентификация женщин-крестьянок обычно происходит без указания на способ, которым крестьяне отрабатывали свои повинности перед государством. Здесь достаточно указания на происхождение и имя отца: «крестьянская дочь девка Марья Петрова Костылевых», «крестьянская дочь девка Марфа Исаева дочь Малцовых», «бобыльская дочь девка Офимья Иванова дочь Шарина»¹⁶.

В ряде случаев описание характера крестьянской зависимости от государства оказывается замещено названием населенного пункта, в котором проживал участник судебного процесса, например, «Буткинской слободы крестьянин Семен Кузнецов»¹⁷. Время от времени для идентификации ответчика употребляется только обозначение его места жительства: «Княшиной деревни на жителя Василья Кочнева». В некоторых случаях в челобитной об идентификации ответчика говорили только имя¹⁸. Правда, показательны и другие случаи, когда в челобитной, написанной от имени крестьянина, могли указываться как его место жительства, так и социальная принадлежность. Особенно это касалось крестьян, попавших по делам в другой уезд/дистрикт («Туринаского города пашенный крестьянин Дмитрий Урусов», «Краснослободской деревни крестьянин Тимофей Рохин»¹⁹).

Среди поданных челобитных нам не встретилось ни одного прошения от владельческих (монастырских или архиерейских) крестьян. Правда, представители клира и служащие при церквях миряне нашли упоминание на страницах документов. В частности, среди истцов встречаются наместник Тюменского Святотроицкого монастыря Гавриил «с братиею» и «Успенской

¹⁵ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–3 об.; Д. 16. Л. 11 об. – 12, 14–14 об., 27.

¹⁶ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 11 об., 28 об.; Д. 32. Л. 8.

¹⁷ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 17 об.

¹⁸ Там же. Л. 22–22 об., 27.

¹⁹ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; Д. 36. Л. 32, 45.

церкви староста Иван Таратуин»²⁰. Обращает на себя внимание факт, что миряне, так или иначе связанные с организацией духовной жизни округа, также предпочитают делать акцент на это обстоятельство при самоидентификации.

Особняком от русских селян стоят нерусские жители — «аборигенное население» региона. Для Тюменского уезда характерно преобладание поселений тюркоязычных народов — татар и бухарцев [9. С. 28–30]. К началу XVIII в. большинство из них было включено в ту или иную уже существовавшую в предыдущем столетии или находившуюся на этапе складывания этнословную группу: бухарцев, служилых татар, ясачных татар и др. [48. С. 233–269; 23. С. 21–23]. Ввиду социальной неоднородности татарско-бухарской общности среди них встречаются обедневшие татары, находившиеся в зависимости от более обеспеченных соседей. В источниках они именуются как татары-захребетники.

Таким образом, челобитные и иные документальные источники позволяют выявить следующие конструкты, использовавшиеся для самоидентификации или идентификации представителей тюркоязычного населения уезда. Это слова или словосочетания «ясачный татарин», «захребетниковый татарин», «бухаретин», которые применялись с последующим указанием на родные юрты проходивших по суду татар и бухарцев, а также названия «татарин», «татары» в сочетании с их юртовой принадлежностью²¹. Факт перехода тюркского населения региона из одной конфессии в другую также особо отмечался в источниках. Для идентификации недавно перешедших в православие употреблялся термин «новокрещенные татары»²².

В судебной практике начала 1720-х гг. попадаются упоминания о такой категории, как гулящие люди. Наряду со всеми другими социальными группами в судебных процессах они являлись и истцами, и ответчиками. Несмотря на отсутствие прикрепления к определенной территории, гулящие люди выступали и в качестве блюстителей спокойствия, осуществляя приводы подозреваемых лиц и преступников²³. Их идентификация происходила не только по имени (например, «Иван Харитонов сын

²⁰ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 14–14 об., 22–22 об.

²¹ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 2. Л. 32; Д. 16. Л. 9–9 об., 10, 27–27 об.; Д. 17. Л. 11 об.; Д. 20. Л. 1 об.; Д. 36. Л. 74.

²² ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 12. Л. 7; Д. 16. Л. 21–21 об.

²³ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1650. Л. 46; Ф. И-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3.

Куликов», «Василей Федоров сын Ермаков с сыном Петром» или «Фёдор Клопов»), но и по статусу — «гулящий человек».

Таким образом, изучение челобитных и других материалов судебного делопроизводства позволяет нам выделить ключевые социальные группы, наиболее часто являвшиеся акторами социальных взаимодействий в рамках ведомства Тюменской судебной канцелярии, и набор признаков, необходимых для их характеристики. Статистика обращений в суд представителями различных социальных групп являлась неравномерной. Как уже было отмечено выше, наибольший процент судебных тяжб происходил с участием служилых людей. Все прочие социальные категории обращались в судебную канцелярию в меньшей степени.

Данная ситуация может быть объяснена, во-первых, степенью сохранности судебно-следственных документов, которые, например, не могут дать нам много информации об уровне активности обращений «городского сословия» в существовавшие в то время в Тюмени органы городского управления. Именно они, в соответствии с законодательством, должны были разбирать судебные дела посадских. Во-вторых, сохранявшиеся в крестьянской среде традиции мирского самоуправления также не способствовали частому использованию ими коронных судов [27. С. 125–134]. Обе категории населения обращались в судебную канцелярию Тюмени только в случае крайней необходимости, обусловленной «сложностью» рассматриваемого дела (то есть степенью тяжести правонарушения), невозможностью решить его миром или вовлеченностью в судебный конфликт представителей других социальных категорий населения. То же можно сказать и об аборигенном населении западносибирского региона, которое предпочитало решать свои проблемы внутри общины на основе норм шариата или обычного права. В данной ситуации именно служилые люди, фактически не имевшие специальных органов самоуправления и накопившие длительный опыт взаимодействия с властными структурами, являлись основными посетителями ведомства тюменского судебного комиссара.

Несмотря на то, что идентификация и самоидентификация служилых людей поддается более детальной реконструкции, нельзя говорить о полном отсутствии возможности выявления идентификационных данных других сословных групп. Обраща-

ет на себя внимание общая закономерность: социальная идентификация имеет гендерные различия. При идентификации женщины, как и прежде, использовались указания на происхождение ее отца или/и мужа. Идентификация мужчин включала принадлежность к той или иной социальной группе (в разных рассмотренных выше вариациях) и место жительства.

Последнее обстоятельство, на наш взгляд, объясняется влиянием на процесс самоидентификации и идентификации требований государства, стремившегося контролировать перемещения населения по территории страны. Прикрепленность к тому или иному сообществу являлась важной характеристикой, позволявшей понять, какова численность обложенного податями или обязанного служить населения в уезде. Для судебного комиссара этот признак был также важен, когда требовалось найти и доставить к началу судебного разбирательства истца или ответчика, организовать повальный обыск, необходимый для установления морального и социального облика лица, попавшего в жернова судебной машины.

Включенность в то или иное сообщество была также важна для истцов и ответчиков, которые могли получить поддержку со стороны общины в случае неблагоприятной ситуации. Не случайно при характеристике любого лица использовалась следующая формула: место жительства — «чин» — имя — имя отца (отчество)²⁴ — фамилия. Все элементы идентификации следовали по степени значимости. В некоторых случаях, когда идентификация была невозможна, средняя часть формулы опускалась. Оставались только название населенного пункта и имя /имя и фамилия/, имя отца и фамилия.

Тюменское общество 20-х гг. XVIII в. представляется «разночинным», что хорошо отражается в документации Тюменской судебной канцелярии за 1720-е гг.²⁵. Многосоставность и сложность общественных отношений еще долгое время будет характеристикой социума Тюменского дистрикта и города Тюмень.

Библиографический список

1. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Ленинград, 1982.

²⁴ В некоторых случаях отчество не указывалось.

²⁵ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 9. Л. 25 об.; Д. 13. Л. 24.

2. Бахрушин В. С. Тюркские народы Западной и Южной Сибири // Очерки истории СССР. Т. VI: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 824–831.
3. Бородина Е. В. Служилые люди Урала и Западной Сибири в судебных конфликтах (1720-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3(32). С. 73–79.
4. Она же. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург, 2012.
5. Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
6. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
7. Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Территория и население России в XV–XVIII веках // Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. // История государства: Электронный ресурс. URL: http://statehistory.ru/books/kollektiv-avtorov_Rossiyskaya-Imperiya-ot-istokov-do-nachala-XIX-veka---Ocherki-sotsialno-politicheskoy-i-ekonomicheskoy-istorii/16 (дата обращения – 17.10.2014).
8. Голикова С. В. «Люди при заводах»: о культурной идентификации горнозаводского населения дореволюционного Урала // Горнозаводские люди и крестьяне России в XVIII — начале XX в.: Общественное сознание и быт: сборник науч. статей. Екатеринбург, 2006. С. 3–15.
9. Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.
10. Она же. К характеристике сибирского дворянства XVIII века // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): сборник статей памяти чл.-корр. АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М., 1973. С. 350–363.
11. Она же. Некоторые вопросы истории крестьянства периода феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири (Материалы ноябрьского 1969 года симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири). Вып. II: История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1970. С. 4–37.
12. Она же. Развитие Тюмени как ремесленно-торгового центра в XVIII в. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 397–409.
13. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
14. Дмитриев А. В. Офицеры русской армии на сибирской службе в 30-х гг. XVIII в. (По материалам Якутского пехотного полка) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов II регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 117–126.
15. Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980.

16. Кабузан В. М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990.
17. Он же. Народы России в первой половине XIX века: Численность и этнический состав. М., 1992.
18. Кабузан В. М., Шепукова Н. М. Табель первой ревизии народонаселения России (1718–1727 гг.) // Исторический архив. 1959. № 1–3. С. 126–165.
19. Каменский А. Б. Повседневная жизнь городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.
20. Кизеветтер А. А. Посадская община России XVIII ст. М., 1903.
21. Киселев М. А. Развитие самосознания «дворянского сословия» в первой трети XVIII в. и междуцарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильное шляхетство»? // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 284–319.
22. Ключевский В. О. Подушная подать и отмена холопства в России // Сочинения: В 8 т. Т. VII: Исследования, рецензии, речи (1866–1890). М., 1959.
23. Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск, 2011.
24. Куприянов А. И. Культура городского самоуправления русской провинции. 1780–1860-е годы. М., 2009.
25. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
26. Миненко Н. А. Посадский мир XVIII века: по материалам г. Тюмени // Уральский город XVIII — начала XX в.: проблемы социальной истории: Сборник науч. статей. Екатеринбург, 2004. С. 3–42.
27. Она же. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII — первая половина XIX века. Новосибирск, 1991.
28. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. Т. 1. СПб., 1999.
29. Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010.
30. Новосельский А. А. Феодалное землевладение. Боярство, дворянство и церковь // Очерки истории СССР. Т. VI: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 139–163.
31. Петрухинцев Н. Н. Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 256–283.
32. Покровский Н. Н. Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
33. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 6.

34. Полонский Д. Г. Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII — начало XVIII в.) // Правящие элиты и дворянство России... С. 234–255.
35. Польской С. В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России... С. 320–367.
36. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.
37. Он же. Петровские реформы и их восприятие провинциальным чиновничеством Сибири // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сборник статей. СПб., 2013. С. 143–152.
38. Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 199–227.
39. Семенов О. В. Восстановление системы регулярного сообщения в Тюменском уезде в конце 20-х гг. XVII в. // Известия Уральского государственного ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. № 3(79). С. 63–72.
40. Он же. История Демьянского Яма в XVII в.: возникновение и первые годы существования // Известия Уральского государственного ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 3(65). С. 152–159.
41. Он же. Система регулярного сообщения на территории Тюменского уезда в первой четверти XVII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 75–81.
42. Середа Н. В. Термины «гражданство», «мещанство», «купечество» и «посад» в документах городских магистратов Тверской губернии // Историческое краеведение: вопросы преподавания и изучения. Тверь, 1999. С. 65–74.
43. Стейнвелд Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: Идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии... С. 610–633.
44. Сэбиан Д. У. Голоса крестьян и тексты бюрократов: нарративная структура в немецких протоколах начала Нового времени // Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 58–89.
45. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.
46. Тюмень — ворота Сибири: Хроника, документы, 1586–1986. Свердловск, 1986.
47. Тюмень восемнадцатого столетия. Материалы для истории оружейного производства: Документы. Тюмень, 2005.
48. Файзрахманов Г. Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. Казань, 2007.

Borodina Elena Vasilievna
Candidate of historical sciences

Senior researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences

Associate professor of the Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltzin

**ESTATE IDENTIFICATION OF WESTERN-SIBERIAN POPULATION
IN 1720s (BASED ON THE SOURCES OF THE TUMEN COURT)**

The article is devoted to the problem of estate identification and self-identification of the Western-Siberian population during the reforms of Peter the Great. The analysis of the Tumen court's documents revealed the social structure of the Tumen district and displayed the basic formula used for description of complainants' and defendants' social statuses within the judicial paperwork.

Keywords: reforms of Peter the Great, history of Western Siberia, Tumen district, identification, self-identification, court registry.

*А. В. Дмитриев**

ЧИНОПРОИЗВОДСТВО ОФИЦЕРОВ В РУССКОЙ АРМИИ XVIII В.: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Статья посвящена анализу механизмов повышения в чинах офицеров русской армии на протяжении XVIII в. Используя источниковые материалы, относящиеся к службе в воинских частях, дислоцировавшихся в Сибири, автор установил, что жесткий порядок чинопроизводства, введенный Петром I и включавший обязательное прохождение военной службы в рядовых и унтер-офицерских чинах даже дворянами, фактически утратил силу во второй половине XVIII в. В правление Екатерины II производство в офицерские чины в целом ряде случаев стало осуществляться ускоренными темпами, без соблюдения принципа выслуги лет. Наряду с повышением в чинах за боевые заслуги, массовыми явлениями стали запись на службу в несовершеннолетнем возрасте и получение обер-офицерских званий сразу после реального начала военной карьеры.

Ключевые слова: офицерский корпус, чинопроизводство, русская армия, Сибирь, XVIII в.

При изучении истории русской армии периода империи (XVIII и XIX столетий) исследователи, как правило, обращают внимание на вопросы, относящиеся к организационной структуре воинских частей или отдельных родов войск, их вооружению и обмундированию, служебным функциям и эффективности выполнения боевых задач в той или иной оперативной обстановке, в ходе конкретных военных кампаний. Гораздо меньше изучены аспекты, связанные с количественным и качественным составом вооруженных сил страны на протяжении этих двух веков, почти не затронуты сюжеты персонально-биографического уровня. Однако без привлечения данных о лицах, состоявших на воинской службе, особенно на протяжении XVIII в., и статистической обработки достаточного их массива

<?> *Дмитриев Андрей Владимирович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия), khaldeus@academ.org.

невозможно составить сколько-нибудь ясное понимание о том, что представляла собой русская армия этого периода, какие люди носили военный мундир в Российской империи, и чьими руками добывались грандиозные победы, прославившие силу русского оружия за времена от Петра I до Екатерины II.

Поэтому, в частности, нам хотелось бы в рамках данной публикации остановиться на господствовавшем в русской армии XVIII столетия порядке чинопроизводства и присвоения офицерских званий, тех правилах, которые регулировали продвижение по служебной лестнице, тех факторов, что определяли успешность военной карьеры офицеров. Нельзя сказать, что этому сюжету совсем не уделялось внимания в историографии. Еще в конце XIX в. русский военный историк Н. П. Глиноецкий в одном из своих очерков специально осветил историю развития данного порядка в армии со времен Петра Великого [5]. В классическом труде Л. Г. Бескровного этот вопрос также охарактеризован, пусть и довольно бегло [2]. Современные исследователи уделяют ему заметное внимание [4, 8, 9]. Однако в перечисленных изданиях речь идет почти исключительно об общих тенденциях, иллюстрируемых немногими примерами, что, на наш взгляд, не позволяет сделать достаточно аргументированных выводов по интересующей нас проблеме.

Разумеется, мы не претендуем на подробный разбор всех указанных параметров только в одной статье. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы формулярных списков офицеров из состава большинства воинских частей, дислоцировавшихся на восточной окраине империи, от Урала до Забайкалья, на протяжении более полувека, в 1730–1780-х гг., позволяют все же проследить некоторые закономерности в сфере чинопроизводства, а также определить, насколько точно выполнялись официальные нормы на практике. Особенности содержания этих материалов и их источниковедческую ценность совсем недавно подробно охарактеризовал К. В. Татарников в предисловии к своему фундаментальному справочнику по фондам Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) [10]. В частности, необходимо отметить, что в формулярных списках вплоть до начала 1760-х гг., к сожалению, не указывались все предыдущие воинские звания, полученные тем или иным офицером с момента начала службы. Однако применительно к этим десятилетиям мы располагаем данными не

только по штаб- и обер-офицерам, но также и по унтер-офицерам интересующих нас воинских частей, которые позволяют проследить начальные этапы военной карьеры лиц, поступавших на службу в первой половине XVIII в.

Установленный Петром I порядок выслуги на военной службе предписывал обязательно провести несколько лет в рядовых и унтер-офицерских чинах до получения первого обер-офицерского чина прапорщика (XIV класс согласно Табели о рангах). Данное предписание распространялось на выходцев из всех сословных групп населения страны, в том числе и представителей дворянского сословия. Конечно, для последних была оставлена «лазейка» в виде возможности послужить рядовыми в лейб-гвардии до получения офицерского чина. Однако ясно, что воспользоваться этой возможностью могли весьма немногие, большинству же приходилось «тянуть ляжку» в составе обычных армейских полевых (или гарнизонных) частей. Об этом свидетельствует множество примеров.

Так, дворянский сын Петр Дружинин был взят на службу в 1736 г. в 19-летнем возрасте, но даже первого унтер-офицерского чина (подпрапорщика) достиг лишь в 1748 г., когда был произведен из капралов в Оренбургском гарнизонном драгунском полку¹. Василий Федотьев, дворянин и владделец 22 душ крепостных в Московской губернии, начавший карьеру с 1722 г. в 18 лет, только в 1741 г. получил чин прапорщика, перейдя в Тобольский гарнизонный пехотный полк из рядовых лейб-гвардии Семеновского полка². Константин Деграв, сын подполковника Сибирского гарнизонного драгунского полка Якоба Деграве (из лифляндских дворян), хотя и был записан отцом на службу еще в 12-летнем возрасте (с 1730 г.), однако вынужден был не менее шести лет (с 1738 по 1744 гг.) провести унтер-офицером, пока не был пожалован в прапорщики³.

Аналогичным образом складывались и судьбы уроженцев Сибири, даже принадлежавших к верхушке местного служилого сословия. Типичной выглядит карьера Ивана Злобина, сына боярского из Красноярска. В 1738 г., когда ему исполнилось 19 лет, он был зачислен во вновь сформированный Новоучрежденный гарнизонный драгунский полк, правда, не рядовым, а сразу же в унтер-офицерском чине (каптенармусом). В 1740 г. его произвели в вахмистры, в 1744 г. пожаловали прапорщиком.

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 315. Л. 31 об., 32.

² РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 186 об., 187.

³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 241. Л. 100 об., 101; Д. 281. Л. 114 об., 115.

Однако затем его продвижение по служебной лестнице замедлилось: хотя через десяток лет Злобин сделался капитаном, но после того в течение еще 30 лет (судя по всему, вплоть до смерти) он так и не получил повышения⁴. Впрочем, достигать обер-офицерских классов могли также и сыновья рядовых солдат, поскольку за время обучения в гарнизонных школах уже считались в детские годы зачисленными на службу. Так, уроженец Тобольска Василий Заполев попал в гарнизонные школьники в 1740 г., когда ему исполнилось только 13 лет, а по окончании обучения довольно быстро прошел все унтер-офицерские чины: в 1745 г. он был произведен в подпрапорщики, в 1748 г. — в сержанты Тобольского полка. В 1750-х гг. он последовательно сделался прапорщиком и поручиком, в 1764 г., в возрасте 37 лет, был уже произведен в капитаны⁵. Образовательный «ценз» вообще играл довольно значимую роль в военном чиновничестве на всем протяжении первой половины XVIII в., не зря специальным указом императрицы Анны Иоанновны запрещалось производство в офицеры неграмотных.

Точно так же осуществлялось повышение в чинах до середины XVIII столетия и в полевых армейских частях. Иван Калмыков, сын дворянина-помещика из Зубцовского уезда, начал службу рядовым в Луцком драгунском полку в 1741 г. по достижении 20-летнего возраста. На прохождение всех унтер-офицерских званий ему понадобилось более 10 лет, в прапорщики он был произведен только в 1752 г.⁶ Дворянин из Боровского уезда Московской губернии Семен Ларионов в 21 год попал в тот же полк и первые четыре с половиной года прослужил там рядовым драгуном и капралом, затем еще семь лет (с 1747 г. по 1754 г.) провел унтер-офицером и только потом достиг чина прапорщика с переводом в Вологодский драгунский полк⁷. Уроженец Симбирского уезда Максим Сумароков поступил в ряды Вологодского полка 19-летним юношей в 1743 г. Через три года его произвели в капралы, затем (с 1748 по 1757 гг.) он получал унтер-офицерские чины. Первый обер-офицерский ранг Сумароков выслужил, таким образом, спустя 14 лет с момента начала своей карьеры. Впоследствии, на протяжении первой поло-

⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 241. Л. 116 об., 117; Д. 367. Л. 2 об., 3, 138 об., 139; Д. 439. Л. 163 об., 164; Оп. 5. Д. 324. Л. 465 об., 466; Д. 508. Л. 787 об., 788.

⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 156 об., 157; Оп. 5. Д. 324. Л. 469 об., 470.

⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 57 об., 58; Д. 492. Л. 112 об., 113.

⁷ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 90 об., 91; Д. 491. Л. 63 об., 64, 96 об., 97.

вины 1760-х гг., он прошел путь от подпоручика до капитана, а в 1772 г. ему был присвоен чин секунд-майора⁸. Как видим, даже лица, достигавшие штаб-офицерских званий, начинали свое восхождение по карьерной лестнице с самых низших ступеней.

Конечно, из этого правила бывали исключения, однако в основном службу начинали рядовыми в возрасте от 15 до 25 лет, независимо от того, шла ли речь о дворянских отпрысках или о рекрутах из крестьян. Упоминавшаяся мемуаристами-современниками практика фиктивного зачисления дворянских сыновей на военную службу с раннего детства к середине XVIII в. еще не получила особенного распространения [З. С. 42, 43]. Пользовались этой возможностью, как правило, лишь выходцы из более-менее обеспеченных семей или знатных аристократических фамилий. Классическим примером, на который всегда ссылаются исследователи, является в этом плане биография будущего фельдмаршала А. В. Суворова [9. С. 67; 11. С. 54, 58, 59]. Кроме того, давало шансы на чрезвычайно быстрое повышение родство с полковым или корпусным командиром. Так, Александр Ифланг, сын командира Вологодского полка полковника Николая Ифланта, родился в 1732 г., поступил в полк своего отца в 1750 г. и всего за несколько месяцев успел «проскочить» почти все унтер-офицерские чины, к 1752 г. сделавшись уже вахмистром⁹. А Петр Киндерман, сын первого командующего Сибирским корпусом генерал-майора Христиана Киндермана, начал службу в 14-летнем возрасте и к 32 годам уже сделался секунд-майором¹⁰. Однако вплоть до 1760-х гг. такие случаи для офицерского корпуса сибирских частей выглядели скорее исключением, нежели нормой.

Зато массовой становится практика ускоренного повышения в чинах (заметим, отнюдь не за боевые заслуги), равно как и возможности начинать службу уже не рядовыми, а как минимум унтер-офицерами, в царствование императрицы Екатерины II. Замечательным образом смог получить обер-офицерский чин, еще даже не начиная реальной воинской службы, француз Жан де Вильнев, сын полковника и коменданта г. Томска Томаса де Вильнева. Жан родился в 1754 г., а

⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 393. Л. 139 об., 140; Оп. 3. Д. 83. Л. 186 об., 187; Оп. 5. Д. 324. Л. 560 об., 561.

⁹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 393. Л. 9 об., 10, 27 об., 28. О Н. Ифланте см.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 314. Л. 2 об., 3; Д. 393. Л. 1 об., 2.

¹⁰ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 393. Л. 2 об., 3.

записан был отцом на службу в Вологодский полк в сентябре 1762 г. — сразу в чине ротного квартирмейстера. В ноябре того же года он уже оказался произведен в вахмистры и числился в полку с этим чином полтора года, до мая 1764 г. После того, как сказано в его формулярном списке, Жан «по указу Военной коллегии из полка выключен и отпущен к отцу для обучения наукам <...> а сверх того исправлял сержантскую должность при томских батальонах»¹¹. А в 1771 г., когда ему исполнилось 17 лет, он действительно вступил в ряды армии, но уже сразу с чином прапорщика. Подобных случаев можно насчитать десятки, если не сотни. Это свидетельствует фактически об утрате властями всякого контроля за порядком поступления на военную службу и соблюдением правил чинопроизводства. Более того, в армейские офицеры стали производить лиц, вообще ранее не имевших отношения к военному делу. Так, Алексей Бахтеев, став в 8-летнем возрасте пажом при императорском дворе, в 1764 г., когда ему исполнилось 16, был зачислен на службу сразу в чине поручика, а через пару лет уже сделался капитаном!¹² Николай Ераков, по достижении 15-летнего возраста взятый писарем в штаб генерал-фельд-маршала князя Потемкина-Таврического, через пару лет, будучи уже канцеляристом, получил в 1779 г. чин прапорщика, еще через восемь лет стал капитаном¹³.

Быстро продвигаться по лестнице чинов могли не только выходцы из дворян, но и представители «неблагородных» сословий. Например, едва ли не рекордными темпами прошел все унтер- и обер-офицерские звания солдатский сын Яков Микишенков. Зачисленный на службу в 1759 г. еще во время обучения в гарнизонной школе, когда ему исполнилось 14 лет, он с интервалом в год, максимум два, производился в капралы, подпрапорщики, каптенармусы, квартирмейстеры и вахмистры, после чего в возрасте 24 лет сделался прапорщиком, а еще спустя 11 лет, пройдя чины подпоручика и поручика, дослужился до капитанского звания¹⁴. Подобная карьера выглядит тем более удивительной, что Микишенков не имел никаких боевых заслуг и отличий, числясь в составе гарнизонных частей Сибирского

¹¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 407 об., 408. Чин сержанта в пехотных частях был равен чину вахмистра в кавалерии.

¹² РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 213 об., 214.

¹³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2562. Л. 127 об., 128.

¹⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 338 об., 339.

корпуса, где повышение офицеров традиционно происходило медленнее, нежели в полевых армейских частях.

Еще одной интересной особенностью оказывается следующее обстоятельство. Как правило, в середине XVIII столетия ускоренное производство в унтер-офицерские чины начиналось с должности ротного писаря. В составе гарнизонных подразделений Сибирского корпуса на протяжении 1770–1780-х гг. нами обнаружены почти 120 человек, в чьих формулярных списках зафиксирован именно такой вариант начала продвижения по службе. Должность ротного писаря была достаточно значимой, поскольку через его руки проходила вся текущая делопроизводственная документация по таким делам, как выдача жалования, вещевое довольствие, провиантское снабжение и т. д. Поэтому можно предположить, что, хотя назначали писарями рядовых, но человек, хорошо зарекомендовавший себя на этом поприще, мог уже через короткое время стать капралом или сразу получить унтер-офицерское звание. Драгунский сын Дмитрий Вязьмин начал службу в 16 лет в 1751 г. и через три года получил должность ротного писаря. Спустя еще три года ему стали присваивать один за другим унтер-офицерские чины, а в 1764 г. он сделался прапорщиком, в 1772 г. — уже капитаном¹⁵. Почти так же складывалась карьера дворянина Алексея Евдокимова: поступив в армию рядовым в 1750 г., он занял должность ротного писаря в 1753 г., за последующие четыре года «проскочил» все унтер-офицерские звания, стал прапорщиком в 1758 г., капитаном в 1765 г.¹⁶

Частым явлением сделалось в период 1760–1770-х гг. поступление на военную службу сразу с чином унтер-офицера, особенно для дворян, освобождавшихся таким образом от необходимости даже недолгое время числиться рядовыми. Так, Николай Юмашев, сын помещика из Ряжского уезда, в 1776 г., когда ему только исполнилось 16 лет, был зачислен в полевую службу сержантом. Аналогичным образом начал свою карьеру сын помещицы из Переяславля-Залесского Семен Ченцов¹⁷. Другие определялись в капралы или подпрапорщики: Алексей Рыженков (из «малороссийского шляхетства») в 1772 г. начал в 17 лет службу именно подпрапорщиком, через два года стал сержантом, в 1780 г. дослужился до обер-офицерского звания;

¹⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 552 об., 553; Д. 494. Л. 330 об., 331.

¹⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 139 об., 140; Оп. 5. Д. 324. Л. 472 об., 473.

¹⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 90 об., 91; Д. 1989. Л. 34 об., 35.

Петр Смолков (из самарских дворян) в 1781 г. сразу получил чин капрала еще в 14-летнем возрасте, затем каждый год производился в очередной унтер-офицерский чин, так что уже в 1786 г., когда состоял на действительной службе, сделался прапорщиком¹⁸. Нужно заметить, что практика фиктивного зачисления на службу несовершеннолетних дворян именно в эти последние десятилетия XVIII в. стала буквально общераспространенной. Причем использовались для этого не только армейские полевые и гарнизонные части, но и подразделения лейб-гвардии.

Скажем, по данным за 1788 г. только в двух полевых мушкетерских батальонах Сибирского корпуса среди обер-офицеров лиц, формально начинавших карьеру с зачисления в гвардию, насчитывалось 29 из 46 человек, в двух егерских батальонах — 19 из 47 человек. Это явилось результатом уже сложившейся практики производства в офицерские чины дворянских отпрысков, позволявшей избежать тягот полевой службы, «проскочив» соответствующие ступени лестницы чинов и нередко даже реально не появляясь в столице, а получая новые звания за выслугу лет. Современные исследователи так характеризуют эту практику: «Непомерные злоупотребления этой системой происходили в гвардии, куда стремилось попасть множество молодых дворян. Снабженные весомыми рекомендациями зачастую сразу получали звание капрала или даже сержанта, другие служили рядовыми <...> Наиболее деятельные быстро становились армейскими офицерами; большинство же и не стремилось покидать уютный гвардейский мирок» [5. С. 127, 128]. Конечно, примеры перевода в армейские части с присвоением обер-офицерских чинов из рядовых или унтер-офицеров гвардии встречались и ранее, однако не носили массового характера. Скажем, в составе Луцкого и Вологодского драгунских полков на протяжении конца 1740–1750-х гг. мы находим лишь нескольких бывших гвардейцев. Дворянин из Белгородской губернии Осип Шатов в 1747 г. был причислен в полковые адъютанты (в чине прапорщика) Луцкого полка из капралов лейб-гвардии Преображенского полка; помещик Михаил Терпигорев был пожалован в поручики Вологодского полка в 1751 г. из вахмистров конной гвардии; Авраам Полянский, бывший рядовой лейб-гвардии Семеновского полка, был переведен в Луц-

¹⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 74 об., 75; Д. 1985. Л. 52 об., 53; Д. 2366. Л. 18 об., 19.

кий полк с чином прапорщика тоже в 1747 г.¹⁹ Однако следует заметить, что эти люди к моменту перевода в полки находились отнюдь не в юном возрасте: им было более 30 или даже более 40 лет, в гвардии они служили довольно продолжительное время.

С начала 1760-х гг. не редкостью стали случаи, когда лица, ранее служившие в лейб-гвардии, сразу получали капитанские звания, минуя, таким образом, чины прапорщиков и поручиков. Так, Евграф Белов на протяжении восьми лет, с 1754 по 1762 гг., состоял в полку конной гвардии, последовательно повышаясь в чинах от рядового до вахмистра, после чего был сразу же произведен в капитаны при определении в Ревельский драгунский полк. Алексей Сверчков, помещик из Шацкого уезда, в 1754 г. зачисленный рейтаром в конную гвардию, через пять лет перешел в гренадеры лейб-компании с чином армейского поручика, а в 1763 г. был выпущен капитаном в Азовский драгунский полк. Точно так же складывалась карьера братьев Михаила и Семена Глядковых, в 1765 г. вместе перешедших из лейб-компании в капитаны Олонецкого драгунского полка²⁰. Подобные случаи, на наш взгляд, свидетельствуют о некоторой «девальвации» ценности обер-офицерских чинов, при получении которых, не забудем, присваивалось и дворянское достоинство. Но и упомянутые выше лица с самого начала состояли на действительной службе, так что обвинить их в получении соответствующих чинов без надлежащих заслуг вряд ли возможно.

Зато уже на протяжении 1770–1780-х гг. мы наблюдаем множество случаев, аналогичных описанному А. С. Пушкиным в первых строках «Капитанской дочки», когда дворянских отпрысков фиктивно зачисляли на службу в гвардии задолго до достижения ими совершеннолетия. Такой же пример приводит Л. Е. Шепелев, указывая при этом, что «по Табели о рангах офицеры гвардии получали преимущество в два чина перед армейскими офицерами» [12, с. 79]. Это позволяло сыновьям дворян сразу получать обер-офицерские чины, фактически начиная именно с них реальную службу. Александр Охлябинин (из пензенских дворян) был зачислен на службу капралом лейб-гвардии в 1783 г., когда ему исполнилось только 14 лет, уже через полгода получил чин сержанта, а в 1787 г. был выпущен в по-

¹⁹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 2 об., 3, 57 об., 58; Д. 393. Л. 75 об., 76.

²⁰ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 180 об., 181, 185 об., 186.

левую армию с чином поручика и записан в 5-й мушкетерский батальон Сибирского корпуса. Аналогичным образом получил чин прапорщика в том же батальоне Илья Подольский (сын курского помещика, капрал лейб-гвардии с 1782 г., записанный на службу в 13-летнем возрасте). Поручик 1-го егерского батальона Ишполит Греченинов (из дворян Калужской губернии) также сделался гвардейским капралом в 12 лет (в 1782 г.), а через пять лет, уже сержантом гвардии, был выпущен в армию. Николай Плохов, сын помещицы из Пошехонского уезда, зачислился в гвардию подпрапорщиком в 1783 г. по достижении 15-летнего возраста, через три года был уже сержантом, а в 1787 г. перешел в полевую службу поручиком²¹.

Правда, среди таких офицеров встречались отнюдь не только представители «благородного шляхетства». Скажем, поручик Дмитрий Щелканов (из обер-офицерских детей)²² прослужил в лейб-гвардии 11 лет (с 1776 по 1787 гг.), достигнув сержантского чина, после чего, подобно сослуживцам, получил чин армейского поручика, но уже в возрасте почти 30 лет. Андрей Соловьев, бывший дворовый человек, пошел на службу вольноопределяющимся в 1781 г., через пять лет был взят в лейб-гвардию капралом, а еще через год отправился прапорщиком в 1-й егерский батальон Сибирского корпуса. Петр Ставровский, сын церковнослужителя, начал военную карьеру в 1784 г. в рядах Тульского пехотного полка, через полтора года был зачислен рядовым в Преображенский полк, а в 1787 г. снова вернулся в полевую службу, но уже с чином прапорщика. Иван Медведев, сын протоколиста (рядового чиновника, должность которого даже не входила в Табель о рангах), пошел на службу в 17 лет сержантом Санкт-Петербургского пехотного полка в 1785 г., но через год перешел в гвардию фурьером, еще через год вернулся в армию прапорщиком²³. Эти примеры опровергают традиционное представление о том, что гвардейские полки комплектовались исключительно дворянами, заставляя скорее предположить, что к концу XVIII в. они сделались средством для ускоренного получения обер-офицерских чинов, доступным выходцам из разных сословных групп.

²¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 46 об. – 48, 53 об., 54; Д. 1989. Л. 30 об., 31

²² Обер-офицерскими детьми назывались сыновья офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство [4. С. 55].

²³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 46 об., 47, 91 об., 92; Д. 1989. Л. 36 об., 37, 91 об., 92

Наконец, существовал еще один способ чинопроизводства, связанный с так называемыми должностями «унтер-штаба»: адъютантов, аудиторов и др., на которые офицеры назначались, периодически сменяя друг друга. Но если вплоть до середины столетия эти назначения имели ежегодный характер, то во второй половине XVIII в. срок пребывания на таких должностях был увеличен, при этом занимавшим их лицам продолжали засчитываться в стаж службы годы пребывания в унтер- или даже обер-офицерских званиях. Поясним это положение на ряде примеров. В формулярном списке поручика 2-го Тобольского гарнизонного пехотного батальона Ивана Каргаполова за 1772 г. указаны следующие сведения: «На службе с 1 января 1748 г., из солдатских детей <...> подпрапорщик с 1 мая 1761 г., каптенармус с 1 января 1762 г., ротный квартирмейстер с 11 апреля 1764 г., полковой писарь с 1 мая 1764 г., полковой аудитор с заслугой унтер-офицерского 8-летнего срока, и по миновании его прапорщичьего чина 2 лет с 1 января 1766 г., в подпоручичьем чине с 1 мая 1771 г., поручик с 1 февраля 1772 г.»²⁴ Из этих данных явствует, что Каргаполов занимал должности полковых писаря и аудитора, будучи в унтер-офицерском чине ротного квартирмейстера. Однако ему засчитали в стаж службы восемь лет, проведенных с 1761 г. в унтер-офицерах, после чего с 1769 г. по 1771 г. также были зачтены и два года уже с чином прапорщика, в который он, хотя и не был произведен, но получил просто по выслуге лет. Именно за счет этой выслуги он в дальнейшем, когда полки Сибирского корпуса расформировывались в легкие полевые команды и гарнизонные батальоны в 1771 г. [1. С. 121–122; 7. С. 23], сразу получил чин подпоручика, а через год после этого сделался уже поручиком.

Поручик Семипалатинского гарнизонного линейного батальона Арефий Незнаев и вовсе «проскочил» благодаря подобному назначению унтер-офицерские ступени всего за несколько лет. Как гласил его послужной список: «На службе с 12 сентября 1752 г., из солдатских детей <...> каптенармус с 25 апреля 1762 г., квартирмейстер с 26 мая 1764 г., провиантмейстер с 26 июня 1764 г., прапорщик с 1 января 1766 г., не выслужив унтер-офицерских лет, которые минули 1 апреля 1770 г., а 1 января 1771 г. по особому достоинству произведен в полковые квартирмейстеры с заслугой против сверстников, по-

²⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 507 об., 508.

чему и в чине поручичьем счисляется»²⁵. Пробыв полтора года полковым провиантмейстером с чином унтер-офицера, он стал прапорщиком за четыре года до выслуги лет, а с произведением в полковые квартирмейстеры не только сделался поручиком ранее положенного ему срока, но и сохранил этот чин при переводе в гарнизонный батальон. Адъютант Бийского гарнизонного линейного батальона Александр Образцов занял эту должность в 1772 г., будучи ранее драгунским вахмистром: «Вахмистр с 1 марта 1771 г., адъютант с заслугой унтер-офицерского 4-летнего срока, а по миновании его и прапорщикьего ранга указанных лет с 1 февраля 1772 г., в прапорщикьем чине счисляется с 1 марта 1775 г., а как и в том чине 3-летней заслуга миновала, в подпоручичьем чине показывается с 1 марта 1778 г.»²⁶ Таким образом, мы обнаруживаем, что срок выслуги лет для пребывания в каждом из унтер-офицерских чинов был установлен в два года, для обер-офицерских чинов — три года. Следовательно, за два десятка лет прохождения воинской службы теоретически каждый, выслужившийся из рядовых, мог рассчитывать достигнуть капитанского звания, а в перспективе — и штаб-офицерского чина. Существование же сразу нескольких способов ускорить подъем по ступеням чиновной лестницы давало шанс облегчить свое продвижение.

Все рассмотренные нами выше аспекты касались чинопроизводства в мирное время. Однако вполне понятно, что участие в тех многочисленных военных кампаниях, которые вела Россия в середине и второй половине XVIII столетия, предоставляло множество возможностей отличиться и заслужить повышение за боевые заслуги. Даже в войсках Сибирского корпуса, непосредственно не принимавших участия в конфликтах на европейском и османском театрах, насчитывалось немало офицеров, успевших приобрести значительный боевой опыт до перевода сюда. А жаловали за боевые отличия в русской армии XVIII в. достаточно широко и охотно. Обратившись к биографиям штаб-офицеров полков Сибирского корпуса за 1760-е гг., можно в этом убедиться.

Премьер-майор Сибирского драгунского полка Никита Копотов и его сослуживец в том же чине из Олонецкого полка Василий Арбеков (оба — сыновья солдат) успешно зарекомен-

²⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 540 об., 541; Д. 494. Л. 378 об., 379.

²⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 549 об., 550; Д. 494. Л. 347 об., 348.

довали себя в главных сражениях Семилетней войны 1756–1762 гг. Первый участвовал в сражениях при Цорндорфе 1758 г. и Кунерсдорфе 1759 г., состоя дежур-майором при командире дивизии, «употребляем был в самый жестокий огонь с повелениями»²⁷. Начав кампанию поручиком в 1757 г., он уже в 1760 г. сделался секунд-майором, когда ему исполнился только 31 год. Второй был ранен пулей в бок под Цорндорфом, а в 1761 г. во время осады Кольберга при взятии неприятельской батареи получил пулю в левую руку²⁸. Отправившись на войну подпоручиком, он через шесть лет (в 1763 г.) также успел дослужиться до секунд-майора. Подполковник Томского пехотного полка Василий Волков (из обер-офицерских детей) начал войну поручиком, а в 1762 г. уже был произведен в премьер-майоры. В его формулярном списке специально отмечалось, что он был «во всей прусской кампании в Брандебурии (Бранденбурге — А. Д.), в Померании, в Силезии, и во многих партиях при легких войсках, и на акциях в сражениях с неприятелем, при осаде городов Бреславля, Берлина, Кольберха и других местечек, и при взятые тех городов Берлина и Кольберха <...> за отличные службы пожалован»²⁹.

Способствовала ускоренному повышению в чинах и русско-турецкая война 1768–1774 г. Ряд лиц из числа занимавших должности командиров полевых батальонов Сибирского корпуса в середине 1780-х гг., как раз в ходе этой кампании, начав войну обер-офицерами, успешно продвинулись по карьерной лестнице. Лаврентий Калантаев, в 1768 г. выпущенный из гвардии в армейские части поручиком, уже в 1770 г. стал капитаном, а потом «за отличные и храбрые поступки, оказанные за Дунаем» в нескольких сражениях с турками, в 1771 г. был произведен из капитанов в секунд-майоры и «рекомендован к ея императорскому величеству». Василий Буйносов, дивизионный квартирмейстер в чинах поручика (1768 г.) и капитана (1770 г.), с 1771 по 1774 гг. находясь в Крыму, в 1773 г. также был «произведен за многия с неприятелем в действиях оказанныя отличности» секунд-майором³⁰. Многочисленность подобных примеров объясняется политикой комплектования частей Сибирского корпуса, которой придержи-

²⁷ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 166 об., 167. Дежур-майор — в русской армии XVIII в. штаб-офицер при командующем, назначающий дежурства и караулы.

²⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 169 об., 170.

²⁹ Там же. Л. 136 об., 137.

³⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 65 об., 66; Д. 1989. Л. 21 об., 22.

валась императрица Екатерина II с первых лет своего царствования, включавшей, в том числе, повышение среди личного состава доли офицеров и командиров, имевших опыт ведения боевых действий [6. С. 106, 107].

Наконец, во второй половине XVIII столетия получила распространение и весьма своеобразная практика временного ухода с воинской службы «к статским делам» или вообще в отставку с последующим возвращением в армию с повышением в чине. Любопытный пример в этом отношении представляет собой карьера подполковника Селенгинского пехотного полка Козьмы Пекурина. Родившись в 1726 г. в семье рядового солдата, он в возрасте 16 лет поступил для обучения в Инженерный корпус, быстро получил чин кондуктора (инженерный специалист унтер-офицерского ранга), в 1751 г. перевелся во 2-й гренадерский ландмилицейский полк на Украине уже с чином поручика, с началом Семилетней войны в 1756 г. поступил капитаном в 5-й мушкетерский полк Обсервационного корпуса. В 1758 г. Пекурин вышел в отставку с чином коллежского асессора (равным майорскому), но уже в 1762 г. вернулся на военное поприще, получив назначение в формируемый Якутский конный ландмилицейский полк в чине премьер-майора, а затем, в 1764 г., был причислен к Селенгинскому полку с производством в подполковники³¹. Столь быстрым возвышением он, вероятно, не в последнюю очередь был обязан полученному им специально инженерному образованию: в его формулярном списке специально подчеркивалось, что он, помимо умения читать и писать, «инженерной науки и часть фортификации знает», а при выходе в отставку определился «в Новгородскую губернию к межевым делам».

Ермолай Великопольский вышел в отставку в 1772 г. с чином капитана от артиллерии и был определен «к статским делам», в 1778 г. стал надворным советником, а в 1780 г. снова был принят на военную службу уже в чине подполковника. Секунд-майор Михаил Павлуцкий в 1775 г. получил отставку из гарнизонных батальонов Тобольска «в дом его на собственное пропитание с награждением премьер-майорским чином», но уже через год снова поступил в Кольвано-Воскресенский полевой пехотный батальон на вакансию капитана, «и старшинством счислять его велено по капитанскому чину, но как уже в полевой службе капитаны того старшинства все поступили в секунд-майоры,

³¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 207 об., 208.

то указом Военная коллегия определила его в сравнение сверстников считать в секунд-майорском чине с 1 января 1780 г.», к 1786 г. он был уже премьер-майором Семипалатинского полевого пехотного батальона³².

Подобным же образом могли действовать и обер-офицеры. Сержант Бийского гарнизонного пехотного батальона Тимофей Юдин «на основании о вольности дворянства именного указа был отставлен на собственное его пропитание с награждением прапорщичьим чином с 1 января 1776 г.», после чего в том же году вновь зачислился в армию, причем с сохранением обер-офицерского ранга: «Снова принят в службу, и старшинством повелено его счислять». Аналогичным образом выслужил чин прапорщика Иван Тимирязев. Выйдя в отставку в 1785 г. из сержантов Кольвано-Воскресенского горного батальона, он был награжден обер-офицерским чином и сохранил его при повторном поступлении в полевые мушкетерские батальоны Сибирского корпуса в 1787 г. Петр Абаза, служивший в лейб-гвардии, был «за болезнью отставлен поручиком с 1 января 1787 г.», а через полтора года снова числился в мушкетерских батальонах с тем же чином³³. Как видим, даже прерванный стаж службы не препятствовал чинопроизводству как в штаб-офицерских, так и в обер-офицерских рангах. И это при том, что, скажем, иностранцы, переходившие в русскую армию из других европейских государств, начинали карьеру в России с обязательным понижением на один офицерский чин по отношению к тому статусу, в котором они прибывали сюда.

Исходя из приведенных выше данных, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, если вплоть до 1750-х гг., как правило, все же соблюдался достаточно жесткий порядок прохождения военной службы и чинопроизводства, установленный еще Петром I, то во второй половине XVIII в. произошло фактически массовое отступление от его норм. Запись на службу несовершеннолетних, начало карьеры с унтер-офицерских чинов или сразу с поступления в гвардию, несоблюдение даже тех коротких сроков выслуги лет, которые считались официально действующими — все эти феномены приобрели широкое распространение во всех частях русской армии с 1760-х гг., и подразделения Сибирского корпуса в этом отношении не являлись исключением. Во-вторых, изменилась роль гвардейских

³² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1985. Л. 8 об., 9, 10 об., 11.

³³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 85 об., 86, 94 об., 95; Оп. 5. Д. 494. Л. 357 об., 358.

частей. Если до середины столетия они, в основном, оставались привилегированными подразделениями, слабо связанными с полевой службой, то в дальнейшем стали превращаться в один из каналов стабильного пополнения офицерского корпуса полевой армии благодаря той схеме, которая была охарактеризована нами выше: зачисление на несколько лет в гвардию с прохождением там унтер-офицерских чинов, а затем выпуск в полевые части уже в обер-офицерском звании. Интересно отметить, что воспользоваться этой схемой получали возможность не только дворяне, но и представители других сословных групп, попадавших на службу.

Несомненно, среди лиц, пополнявших офицерский корпус русской армии на протяжении 1750–1780-х гг. и успешно продвигавшихся по карьерной лестнице, была значительная доля отмеченных наградами и отличиями за боевые заслуги в ходе таких кампаний, как Семилетняя война 1756–1762 гг. или русско-турецкие войны 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. Однако характеристика их производства в чины затруднена тем обстоятельством, что в составе Сибирского корпуса таких людей насчитывалось не столь много, как в дивизиях, дислоцировавшихся в Европейской России. Большинство же офицеров сибирских частей на всем протяжении рассматриваемого периода несли службу в условиях мирного времени и получали повышения либо за выслугу лет, либо одним из тех способов, которые указаны нами выше. Во всяком случае, исследованные нами данные позволяют лучше понять, почему преемник Екатерины Павел I сразу после своего вступления на трон занялся наведением порядка в армии и «закручиванием гаек». Кроме того, мы можем лишний раз отметить актуальность и необходимость разработки на конкретно-историческом уровне проблематики, относящейся к выяснению места военнослужащих в сословной структуре Российской империи XVIII столетия и их роли в повседневной жизни страны.

Библиографический список

1. Андрейчук С. В. Особенности укомплектования и снабжения Сибирского корпуса в начале 1770-х гг.: опыт и проблемы // Вестник алтайской науки. 2009. № 3(6). С. 121–129.
2. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958.

3. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986.

4. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

5. Глиноецкий Н. П. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 23–38.

6. Дмитриев А. В. Боевой опыт офицеров гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг.: опыт анализа данных послужных списков // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов III Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 100–107.

7. Зуев А. С., Дмитриев А. В. Армейские регулярные части в Сибири в XVIII — начале XIX в.: численность, состав, дислокация // Вестник Новосибирского государственного ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1: История. С. 17–29.

8. Кипнис Б. Г. О социальном составе и боевом опыте офицерского и унтер-офицерского корпуса российской армии в XVIII столетии // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. СПб., 1992. С. 44–62.

9. Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995.

10. Татарников К. В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель / Сост., вступ. статья, оформл. К. В. Татарников. М., 2013. Т. 1. С. 3–42.

11. Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

12. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991.

Dmitriev Andrei Vladimirovich
Candidate of historical sciences

Associate professor of Russian history department, Novosibirsk national research state university

**RUSSIAN ARMY OFFICERS' PROMOTION IN RANK
IN 18th CENTURY. BASIC PRINCIPLES AND DEVELOPMENT
OF REAL PRACTICE**

The article is devoted to the analysis of promotion in rank's mechanisms for Russian army's officers during the 18th century. Using some archival sources, concerning the service in military units stationed in Siberia, the author has established that the order of promotion in ranks, which had

been introduced by Peter I and included mandatory passing soldiers' and non-commissioned officers' ranks even for the nobles, actually lost its validity in the 2nd half of the 18th century. During the reign of Catherine II promotion in officers' ranks in many cases had begun to be carried out by accelerated rates, without keeping the principle of long service. Side by side with promotion for war services, admission to army of the under-aged and receiving chief officers' ranks right after the real start of military career had become a mass phenomenon.

Keywords: officer corps, promotion in rank, Russian army, Siberia, 18th century.

*Д. В. Нелин**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА XVIII В.

В работе рассматриваются проблемы необходимости использования принудительного труда в горнозаводской промышленности Урала XVIII в. Указывается, что это было необходимым для обеспечения развития отрасли.

Ключевые слова: Урал, горнозаводская промышленность, функционирование, принудительный труд, наемный труд.

Наиболее часто негативные оценки экономических реформ начала XVIII в. основываются на том, что использование труда крепостных и отсутствие условий для возникновения рынка рабочей силы, выведя страну из кризиса, не создали базу для благоприятного и конкурентоспособного по сравнению с Западной Европой развития экономики в дальнейшем, ликвидировали предпосылки развития экономики по капиталистическому пути. Указывается, что крепостническая основа промышленности обрекала ее на низкие темпы развития, отсутствие стимулов роста производительности труда, постоянную нехватку кадров рабочих и специалистов. Однако данные оценки исходят из абстрактного тезиса о безусловном преимуществе рыночных отношений для стимулирования экономического роста и не учитывают особенностей материально-технологической среды России.

С институциональной точки зрения оптимальным будет такой набор неформальных и формальных норм (институтов), который бы обеспечил долгосрочный экономический рост. Следует также учитывать, что эффективность институтов зависит от характера технологического развития общества. Поэтому оценку экономических реформ Петра I можно дать с двух позиций: 1) насколько созданная им институциональная среда обеспечивала развитие промышленности; 2) возможно ли было в условиях специфической материально-технологической среды России развитие промышленности, основанной на наемном, а не принудительном труде. Важность

* *Нелин Дмитрий Владимирович*, кандидат исторических наук, доцент Института экономики, торговли и технологий Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия), nelindv@yandex.ru.

развития горнозаводской промышленности для государства объясняется следующими причинами: необходимостью обеспечения металлом военной промышленности; снабжением казны медью для денежной эмиссии; получением доходов от экспорта металла.

В условиях России использование принудительного труда может быть объяснено в рамках понятия служебного труда, предложенного О. Э. Бессоновой [2. С. 88]. Служебный труд носит обязательный характер, обусловленный внешними по отношению к каждому субъекту условиями, и означает выполнение ими определенных, предписанных обществом функций и обязанностей. Разработку понятия института служебного труда продолжила С. Г. Кирдина в рамках ее концепции X- и Y-экономик. Служебный характер труда означает, что действуют категорические правила исполнения трудовых обязанностей на различных объектах верховной условной собственности. Трудовые отношения в этом случае регулируются механизмами редистрибуции, что предполагает наличие порядка аккумуляирования труда в масштабах национального хозяйства и его распределение на основе согласования потребности в использовании рабочей силы. Наличие служебного труда характеризуется централизованным механизмом регулирования трудовых отношений со стороны верховной власти. Другим важным атрибутом служебного труда является модель полной занятости, одним из внешних проявлений которой являлось крепостное право. Характерной чертой служебного труда является то, что трудовое вознаграждение в его условиях носит смешанный денежно-материальный характер [6. С. 92–93, 138–141]. Объем выпуска в экономике, основанной на принудительном труде, зависит от усилий производителей, а пропорции его распределения между хозяевами и производителями — от уровня и характера принуждения, применяемого принципами [11. С. 120–141].

Значительную роль государство играло в создании институтов снабжения заводов рабочей силой, что проявлялось в следующих мероприятиях: поощрении использования наемного труда; создании института приписных крестьян; разрешении покупать крестьян к заводам недворянам.

Можно выделить следующие основные категории рабочих в горнозаводской промышленности XVIII в.: наемные работники; крепостные владельцы заводов; приписные — государственные крестьяне, обязанные отрабатывать подушевой оклад (налог) на государственных или частных заводах.

Отличительной чертой институционального оформления отношений труда на горных заводах Урала было использование принудительного труда — частновладельческих крепостных и приписных (как к казенным, так и к частным заводам) крестьян. Принудительный труд на уральских горно-металлургических заводах был неизбежен в связи с быстрым исчерпанием резерва свободной рабочей силы; дороговизной наемного труда; малонаселенностью Урала; высокими транзакционными издержками найма; наличием у дворян-заводчиков большого числа собственных крепостных.

Для обеспечения снабжения заводов рабочей силой принимались следующие меры по прикреплению работников.

Прикрепление к заводам, принадлежащим как купцам, так и дворянам, «пришлых» людей. Этот метод как правило не находил поддержки со стороны центральных властей, которые требовали высылки пришлых на прежнее место жительства, однако местные органы управления сопротивлялись этому. В частности В. де Геннин приводил следующие аргументы против высылки: крестьяне давно переселились, платят подати, приносят прибыль работой на заводах, высылка приведет к остановке заводов. Также он предлагал оставлять при заводах крестьян, пересылаемых из Сибири на прежнее место жительства, с возмещением помещикам их цены. Это обосновывалось тем, что в таком случае приписным не придется далеко ходить к заводам и одновременно будут заселены пустующие земли [3. С. 56–57]. В 1732 г. Демидовы и Осокины направили прошение в Сенат об оставлении при заводах всех пришлых после I ревизии, мотивируя это тем, что они могут остаться без надежного количества рабочих и не гарантировать выполнение государственных заказов [1].

Аргументы против высылки оказались убедительными и в 1722 г. Петр I во избежание остановки в работах повелел не возвращать с заводов учеников и работников, которые окажутся беглыми помещичьими людьми. Указом от 25 сентября 1732 г. было запрещено отсылать с заводов пришлых, зафиксированных при переписи. Указ от 7 января 1736 г. прикреплял к фабрикам мастеров (но не чернорабочих), бежавших от помещиков, приписывал к фабрикам на пятилетний срок лиц несостоятельных, бродяг и нищих, но не позволял принимать новых рабочих на фабрики без «пашпортов». Этот процесс закрепился указом от 12 ноября 1736 г. об оставлении всех пришлых при частных заводах [1].

Разрешение покупки деревень к заводам дворянам и «купецким людям» (последние до того не имели права покупать крестьян) с позволения Берг- и Мануфактур-коллегии согласно указу от 18 января 1721 г. Данные деревни считались нераздельными от заводов. В 1752 г. было точно определено, в каком количестве недворяне могут покупать крестьян к заводам. Покупка крестьян к заводам была запрещена Петром III, но поскольку заводчики всячески обходили это запрещение, то Павел I в 1798 г. вновь разрешил покупать крестьян в указанных прежде размерах.

Разрешение дворянам переводить собственных крепостных на заводы. Активное горнозаводское строительство 50–60-х гг. XVIII в. привело к росту числа крепостных крестьян за счет переселения заводчиками из других районов. Данные представлены в табл. 1 [5. С. 116].

Таблица 1

Число крепостных среди населения

Год	Число крепостных, человек	В процентах к населению, %
1744	3625	2,58
1762	34932	14,8

В 1760 г. вышел указ, дозволивший помещикам отправлять своих людей на поселение в Сибирь с зачетом в рекруты, в 1763 г. он был распространен и на заводчиков, но для такой отправки требовалось всякий раз разрешение центральной власти.

Формирование института приписных крестьян, обязанных отрабатывать на заводах оброчные и подушные деньги. При этом приписные крестьяне должны были отрабатывать не только за себя, но и за все ревизские души, в том числе за стариков, малолетних, умерших после ревизии. После того как практически все крестьяне, жившие вблизи заводов, попали в разряд приписных, к заводам стали приписывать крестьян, живших достаточно далеко от них. Можно обозначить следующие этапы формирования института приписных крестьян.

Первые приписки состоялись в 1703 г., когда к заводам Н. Демидова было приказано приписать Аятскую и Краснопольскую слободы и монастырское село Покровское с деревнями. Н. Демидов должен был вносить в казну железом подати, хлеб и пр. За вносимую сумму он мог требовать от крестьян работу на заводах. Размер оплаты приписных был определен указом («Плакато́м») от 29 мая 1724 г. За переработки Н. Демидов должен

был платить крестьянам деньгами «по правому рассмотрению, чтобы обиды и жалобы дельной от них не было». За крестьянские провинности Н. Демидову разрешено было наказывать их батогами и плетью и надевать оковы. В 1725 г. в Сибирском обер-бергамте рассматривалась примемория из Тобольской казенной палаты «о невзыскании с приписных к заводам крестьян подушных денег в натуре, а о зарабатывании ими заводскою работою по плакатам». Согласно ей возможность откупиться от работы была ликвидирована, казенные заводы получили гарантированную рабочую силу [8. С. 66].

Берг-регламентом 1739 г. было разрешено переселение приписных крестьян на заводы, но на практике допускалось не иначе, как с особого разрешения, причем не безусловно и не навсегда. Согласно указу от 8 августа 1740 г., изданному по докладу берг-директора К. А. Шёмберга, содержателю завода было предоставлено право в случае, если вольнонаемные работники будут просить высокой оплаты, *принуждать* приписных крестьян к дополнительной работе, выплачивая им за это деньги по установленным расценкам. После раздачи казенных заводов в частные руки в 1754–1763 гг. по ходатайствам новых владельцев, которые занимали высокое положение при дворе, состоялись массовые приписки крестьян, причем их постоянные места жительства могли находиться в сотнях километров от заводов. Нормы выработки были увеличены, крестьян заставляли работать неурочное число дней, фактически крестьяне из вольных попадали в полнейшую зависимость от приказчиков.

При Екатерине II отдача крестьян к заводам прекратилась, был предпринят ряд мер, несколько улучшивших положение приписных крестьян. В частности, Манифестом от 21 мая 1779 г. плата за работу была удвоена по сравнению с указом 1724 г., были точно определены объемы работ приписных.

Вместе с тем, необходимо отметить, что наемный труд играл существенную роль в горнозаводской промышленности и органы государственного управления прилагали достаточные усилия для стимулирования применения наемного труда:

– один из основателей казенного металлургического производства на Урале В. де Геннин неоднократно выступал за использование наемного труда [3. Письма № 10, 14, 84, 85];

– переселение приписных крестьян на заводы хотя и было дозволено Берг-регламентом 1739 г., но на практике допуска-

лось не иначе, как с особого разрешения, да и то не безусловно и не навсегда;

- в 1752 г. было точно определено, в каком количестве недворяне могут покупать крестьян к заводам;

- покупка крестьян к заводам была воспрещена Петром III;

- со вступлением на престол Екатерины II (1762 г.) отдача на заводы по указам прекратилась;

Манифестом 21 мая 1779 г. были в точности определены работы, которые могут возлагаться на приписных к казенным и частным заводам крестьян.

Использование рыночных норм привлечения к труду было детально проанализировано в свое время В. Я. Кривоноговым [7]. В частности данный автор указывал на следующие аспекты использования наемного труда:

- широкое применение наемного труда на начальном этапе развития горнометаллургической промышленности; наличие в первой четверти XVIII в. относительной свободы рынка труда; борьба заводчиков за наемную силу из-за дефицита рабочей силы в это время;

- с момента возникновения крупных казенных, посессионных и владельческих горнозаводских предприятий вопрос о регламентировании наемного труда являлся *самостоятельным* разделом законодательной и административной деятельности властей в центре и на местах;

- абсолютный рост числа наемных во второй четверти XVIII в. несмотря на их небольшой удельный вес;

- основание заводов, основанных преимущественно на наемном труде (особенно характерно для 1750-х гг.);

- широкое использование наемного труда через подрядные работы во второй половине XVIII в.

Таким образом, несмотря на преобладание принудительного труда, и со стороны центральной власти, и со стороны местных органов управления, и со стороны заводчиков проводились различные мероприятия, направленные на формирование системы наемного труда. Возникает вопрос — возможно ли было изначально формирование горнозаводской промышленности, основанной преимущественно на наемном труде? Ответ будет однозначно отрицательный, в пользу чего можно привести следующие аргументы.

Во-первых, государственные потребности (прежде всего в сфере производства вооружений) предполагали форсиро-

ванное развитие горнозаводской промышленности. Это вело к превышению спроса на рабочую силу над ее предложением, вызванное слабой заселенностью Урала, господством крепостного права в России в целом, ограничивающим мобильность рабочей силы, отсутствием *необходимости* вступать в отношения найма у значительной части крестьян. Данные факторы приводили к значительному росту заработной платы, и в результате цены на наемную рабочую силу были выше официально установленных (для приписных). Это не могло не вызвать уже к 30-м гг. XVIII в. тенденции к закреплению приписных и беглых, стремления заводчиков к приписке.

Во-вторых, высокие транзакционные издержки, связанные с наймом рабочей силы. Можно привести следующие их примеры. Уже при начале основания заводов Н. Демидов указывал, что сибирские плотники и работники ненадежны, «потому что в Сибири хлеб вельми родится и скоту довольно и живут на воли <...> и затем коли которой придет наняться поработать и они работают дни по два и по три, то и много что неделю <...> А буде которого за худую работу молвишь жестокое слово, и он ис полудни покинув работу пойдет» [4. С. 10]. Н. П. Рычков в 1770 г. писал, что оренбургские промышленники «в известное время посылают они туда (во внутреннюю Россию) своих прикащиков, снабдя их довольном числом денег, дабы оные давать в задаток в наем подряжающимся работникам. Сими деньгами жертвуют они: ибо большая часть нанявшихся работников, забрав деньги не является в те места, куда они по данным от них обязательствам для работ назначены. Да и самые те, кои явились на завод, иногда служат к вящему убытку заводчиков: ибо они пришед, забирают еще большее число денег, а после уходят в такие места, где их совсем не сыщут, или найдут с превеликим трудом и убытком». Эти расходы составляли примерно одну четвертую часть стоимости металла [4. С. 42].

В-третьих, также следует указать, что использование различных форм внеэкономического принуждения к труду было достаточно характерным для мануфактурной стадии развития промышленности. В частности, К. Поланьи указывал на то, что о создании свободного рынка труда не было и речи вплоть до 1790-х гг. даже в Англии и во Франции [9. С. 85].

Можно сделать вывод, что применение в основном принудительного труда в XVIII в. было объективным и в принципе

допускало возможность дальнейшего развития промышленности, основанной преимущественно на наемном труде. Это было особенно необходимо в первой половине XIX в. при изменении технологии производства, внедрении сложной техники. На рубеже XVIII–XIX вв. рост масштабов заводов, их мощности, усложнение горнозаводских работ, рост трудоемкости заготовки топлива привели к необходимости увеличения числа используемой рабочей силы. Вместе с тем, массовые движения против крепостничества сделали невозможным применения старых методов внеэкономического принуждения (использование приписных крестьян).

Существовали следующие предпосылки к развитию наемного труда на микроуровне:

- появление новых потенциальных резервов наемной рабочей силы из-за роста имущественной дифференциации крестьян;

- многие заводские конторы считали труд приписных менее выгодным, чем наемный, поскольку кроме оплаты собственно труда приписных, вынуждены были нести дополнительные издержки [10. С. 191].

По всей видимости, рубеж XVIII–XIX вв. был своего рода точкой бифуркации, когда были возможны различные варианты развития привлечения к труду, однако после многочисленных дискуссий 15 марта 1807 г. вышел указ о непременных работниках, заменивший категорию приписных крестьян, обязанных ограниченное время работать на заводе, рабочими, прикрепленными к заводу постоянно. Введение еще большей степени закрепощения и фактически исчезновение наемного труда можно объяснить прежде всего тем, что сама институциональная система на макроуровне (крепостничество) не способствовала развитию наемного труда. Первоначально использование принудительного привлечения к труду (XVIII в.) было вызвано объективными обстоятельствами и не является единственной причиной последующего упадка промышленности в первой половине XIX в. Отказ от развития институтов наемного труда в последний период был обусловлен в первую очередь субъективными факторами — отказом от либеральных реформ со стороны высшей власти.

Библиографический список

1. Аллаярова В. С. Социально-историческая сущность классовых составляющих горнозаводского пролетариата Урала. Препринт. Свердловск, 1990.
2. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика в ретроспективе // *Общественные науки и современность*. 1998. № 4. С. 85–100.
3. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995.
4. Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX в.). М., 2000.
5. Зобов Ю. С. Хозяйство помещичьих крестьян Южного Урала в первой половине XIX века // *Крестьянство Урала в эпоху феодализма*. Свердловск, 1988.
6. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ. М., 2004.
7. Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959.
8. Пихоя Р. Г. К истории приписной деревни Урала в начале XVIII в. // *Крестьянство Урала в эпоху феодализма*. Свердловск, 1988.
9. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
10. Смирнов С. С. Приписные крестьяне Урала в XVIII — начале XIX века. Челябинск, 1993.
11. Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потеряла крах советская экономика? // *Экономическая история*. Обзорные. Вып. 6. М., 2001. С. 120–141.

Nelin Dmitrii Vladilenovich
Candidate of historical sciences

Associate professor of the South Ural state university

THE USE OF FORCED LABOR AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF THE URAL MINING AND METALLURGICAL INDUSTRY IN THE 18TH CENTURY

The paper deals with the problem of the necessity of using forced labor in the mining and metallurgical industry in the Urals in the 18th century. The author indicates that it was necessary for the development of the industry.

Keywords: mining and metallurgical industry, Urals, functioning, forced labor, wage labor.

*О. М. Семерикова**

РАЗВИТИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДЕ ВЯТСКОГО И ПЕРМСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Рассматриваются особенности промысловой деятельности уральских крестьян. На основе статистических данных выявлено, что значительная часть сельского населения была вовлечена в различные формы промыслов. Установлено, что существовало большое число внутренних и внешних факторов, влиявших на доходность земледельческих промыслов и внеземледельческой деятельности. Подробно рассмотрены основные виды промыслов и их поуздовая специфика.

Ключевые слова: промыслы, земство, Вятская губерния, Пермская губерния.

В условиях кризиса традиционной земледельческой практики, неравномерного распределения трудоинтенсивности земледелия в течение календарного года (как следствие, наличия свободного времени), увеличения налогообложения, развития транспортных путей (прежде всего железнодорожных), ориентации товарных отраслей хозяйства на быстро расширявшийся сибирский рынок, в конце XIX — начале XX в. в среде уральского крестьянства дальнейшее развитие получили различного рода промыслы. Под промыслами следует понимать местную и отхожую внеземледельческую деятельность крестьян с целью получения прибыли в свободное от сельскохозяйственных работ время. Существовали различные виды промыслов: фабрично-заводские, земледельческие, кустарные, лесные. При этом наблюдался постоянный рост количества земледельцев, занятых ими. Так, в Котельничском уезде Вятской губернии в 1890 г. 90 % крестьянских дворов занимались подсобной неzemледельческой деятельностью (35879 из 39905).

* Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), olgasemerikova8@yandex.ru.

Таблица 1

**Среднегодовые заработки занятых в промыслах
крестьян Вятской и Пермской губерний в конце 90-х гг. XIX в.,
в рублях на человека**

Губерния	Заработки в промыслах					
	Местных				Отхожих	В среднем в местных и отхожих
	Фабрично- заводских	Земледель- ческих	Прочих	В среднем в местных		
Вятская	101	31	38	44	37	42
Пермская	153	74	40	109	59	97

Доходность промыслов зависела от их характера, вида, типа, места расположения. В табл. 1 [2. С. 100] представлены среднегодовые заработки занятых в промыслах крестьян в конце 90-х гг. XIX в. На основе этих данных можно заключить, что пермские крестьяне во всех видах промыслов получали больше, в среднем разница составила 2,3 раза. Предположим, что это соотношение было немного меньшим, так как, скорее всего, в состав пермских крестьян-промысловиков попало некоторое количество горнозаводского населения. Однако, по нашему мнению, более низкий доход от промыслов у вятских крестьян также был связан с наличием в губернии менее развитого промышленного сектора экономики, большой плотностью населения, слабым развитием местных промыслов у этнических сообществ (в южных черноземных уездах удмуртское население, составлявшее от 20 до 40 % всех жителей, в небольшом количестве нанимало сроковых работников, из-за широко практиковавшегося обычая клановой «помочи» в сельскохозяйственных работах), значительным отхожим промыслом за пределы губернии, а также их уровнем состоятельности (см. табл. 2) [11. С. 82].

Таблица 2

**Показатели доходности промыслов и заработков крестьян
Красноуфимского уезда в конце XIX в.**

Показатели доходности	Группы хозяйств по посевной площади, в дес.					
	до 2	от 2,1 до 5	от 5,1 до 10	от 10,1 до 15	от 15,1 до 20	от 20,1 до 25
Оплата 1 поден- щины, в коп.	30	40	69	61	77	56

Валовый доход от промыслов и заработков на 1 хозяйство, в руб.	87,96	83,17	267,62	170,86	283,58	435,99

Мы видим, что чем крупнее хозяйство, тем выше его промысловый доход. Причиной понижения оплаты 1 поденщины было то, что представители малых дворов, где количество едоков всегда было больше числа работников, а лошадей было мало, «в меньшей степени прибегали к таким промысловым занятиям, в которых требуется приложение силы рабочей лошади». Разница в суммах поденной оплаты и валового дохода от промыслов и заработков объяснялась также и наличием капитала в многопосевных группах, на основе которого можно было организовать кустарную мастерскую с возможностью найма рабочей силы, но без широкого использования в этом деле собственных рабочих лошадей. Так, количество поденщин на 1 рабочую лошадь в среднем по 1 и 2 группе посевных хозяйств было 27 дней, по 3 и 4 группам — 41 день, по 5 и 6 группам — 34 дня.

Основными вариантами неземледельческих заработков были промыслы, ориентированные на получение дополнительного материального дохода из окружающей природы, и кустарные производства. В первом случае крестьяне искали заработок самостоятельно либо нанимались на работу в местах проживания или отхода. Данный вид промыслов был распространен в северных уездах, где благодаря наличию обширных лесных пространств и разветвленной речной сети можно было осуществлять рубку, пилку, вывоз, сплав дров и леса, заготовку древесного угля, смолокурение и гонку дегтя, охотиться, заниматься рыболовством. Однако, даже в южном Уржумском уезде на пилке, возке и сплаве лесных материалов в 1895 г. было занято около 5600 человек. В Верхотурском уезде типичным промыслом являлась заготовка и сбыт кедровых орехов. Рыболовством по преимуществу занимались в Чердынском уезде. Население Соликамского уезда исстари практиковало солеварение. В Вятской губернии было широко распространено производство хвойных масел. Смолокурением занимались практически во всех уездах, но наиболее оно было развито в Уржумском уезде. Охотников на зверя и птицу можно было встретить повсеместно, но в самых крупных масштабах этот

промысел существовал в северных уездах (в Чердынском уезде в 1902 г. насчитывалось до 1200 промысловых охотников в основном из вогулов; в Котельничском уезде звероловством в 1893 г. занималось 1636 человек, главным образом из числа русского населения). Нужно отметить, что не все семьи этих уездов имели возможность пользоваться дарами леса в промысловых масштабах. Например, малосемейные крестьяне, по свидетельству земского деятеля А. А. Шустикова соседней Вологодской губернии, чаще всего не занимались охотой, в отличие от больших семейных. Это было связано с тем, что сезон охоты по времени совпадал с уборкой и молотью хлеба, и семьи с небольшим числом работников не в состоянии были выделить кого-то на этот промысел. Новым родом деятельности для крестьян Шадринского и Яранского уездов в начале XX в., благодаря инициативе местных земств, стала добыча и обработка торфа, который начал использоваться в качестве топлива [13. Т. 11. С. 193, Т. 14. С. 736, Т. 31. С. 428, Т. 45. С. 331, Т. 60. С. 753, Т. 68. С. 906; 7. С. 176].

Под кустарными производствами понимались «местные внеземледельческие промыслы крестьян по обработке сырья с целью получения прибыли при продаже своих изделий на рынке» [3. С. 4]. Их отличие от ремесла состояло в производстве не на заказ, а для сбыта на потребительском рынке. Существовало две категории кустарей: земледельцы и мастеровые, из которых нас интересуют первые. Среда кустарей-земледельцев также была неоднородна, что приводило к процессу имущественного и социального расслоения в деревне, хотя в этот период оно не выходило за рамки спорадического явления. Кустари-земледельцы отличались друг от друга: использованием рабочего времени (некоторые стали заниматься промыслом и в сельскохозяйственный период), происхождением сырья (часть из них работала не только на своем, но и на приобретенном или взятом у скупщика материале), формой организации труда (самостоятельно, в составе артели, товарищества, наем). Тем не менее, общей тенденцией являлось сохранение прочной связи кустарей данной категории с земледелием.

Для обеих губерний было характерно развитие кустарных промыслов преимущественно в среде русского населения. В Пермской губернии лишь татары и башкиры Тулвинского по-речья (Шадринский уезд) активно занимались этим родом деятельности [3. С. 4; 8. С. 126]. Внеземледельческие занятия

башкир Красноуфимского и Оханского уездов в основном сводились к сбыту леса и изготовлению мелких деревянных изделий [1. С. 43]. В Вятской губернии среди удмуртского населения чаще всего были распространены местные кустарные промыслы, носившие национальный колорит (ткани, изделия из дерева, бересты, лыка), что снижало их востребованность на рынке и как следствие уменьшало доход [4. С. 323].

Внешним фактором, стимулирующим развитие кустарных производств, являлись мероприятия земства и правительства, направленные на предупреждение их вырождения в систему наемного труда и обеспечение высоких качеств и конкурентоспособности изделий. В Пермской губернии с 1896 г. существовал институт инструкторов по маслоделению и ткачеству. Повсеместно также были созданы учебно-показательные мастерские: в Сарапульском уезде в 1897 г. это были школа кружевниц, 2 ткацких, 3 столярных и 1 кузнечная мастерские; в 1895 г. в Орловском уезде — 2 столярно-токарные, сапожно-башмачная и ткацкая мастерские, в Яранском уезде было 6 подобных заведений [12. С. 226; 13. Т. 14. С. 738, Т. 43. С. 164, Т. 45. С. 333].

Кризис горнозаводской промышленности Урала в первые годы XX в. повлек за собой складывание кустарных гнезд, центров и немногочисленных районов в заводских волостях. Пермский историк Ю. А. Кашаева, используя картографический метод, установила, что в начале XX в. в Пермской губернии сложилось или находилось на стадии оформления 10 кустарных районов [3. С. 17, 21]. В Вятской губернии кустарные промыслы больше всего были развиты в Вятском уезде, в некоторых волостях Сарапульского и Елабужского уездов (в основном территории, ранее принадлежавшие удельному ведомству) и там, где рядом находились железодельные и оружейные заводы.

На первом месте в уральских губерниях стояла переработка сельскохозяйственного и природного сырья и лишь затем металлические промыслы и промыслы, связанные с искусной ручной работой. Самыми распространенными являлись промыслы по обработке животных и растительных продуктов, производство изделий из дерева, рогожно-кулеткацкий (лычный) промысел, ручное ткачество и плетение кружев, металлообрабатывающие промыслы, производство сельскохозяйственных орудий и машин.

К обработке животных и растительных продуктов относились: кожевенное, скорняжное, деревянное производства, лычный, шерстобитный, вяляльный промыслы, маслоделие, ткачество [13. Т. 14. С. 737; 9. С. 586; 12. С. 243]. Больше количество крестьян в конце XIX в. было вовлечено в кожевенный промысел. Производство изделий из кожи в Вятской губернии возникло первоначально в Слободском, а затем активно развилось в Сарапульском, Вятском, Малмыжском и Нолинском уездах. В Пермской губернии данная отрасль процветала в Кунгурском и Шадринском уездах. В промысле существовала специализация как в обработке материала, так и в изготовлении готовой продукции. В Малмыжском уезде кустарями-кожевниками, помимо традиционных яловых и конских кож, выделывались также козловые и бараньи кожи. Сафьян вырабатывался только в Сарапульском уезде. Сарапульские, нолинские, кунгурские и шадринские кустари занимались шитьем кожаной обуви. В Вятском уезде развивалось изготовление бумажников и портфелей, в с. Волкове Слободского уезда делали кисы (мешки) и красивые плети. В Вятском и Нолинском уездах производились рукавицы.

Шорный промысел (изготовление шлей, уздечек, хомутов, седелок) был развит в Вятском уезде, с. Шарташ Екатеринбургского уезда и в Рождественной волости Кунгурского уезда. Скорняжный и шубно-овчинный промысел процветали в Слободском, Шадринском и частично Вятском уездах. Изготовление меховых рукавиц существовало около г. Котельнича, варег (меховых рукавиц, крытых сукном) — в Слободском уезде. Шерстобитный, вяляльный (пимокатный) промыслы и выделка мерлушчатых мехов (из шкуры ягненка) особенно были развиты в с. Кукарке Яранского уезда и в Шадринском уезде. Маслоделием занимались повсеместно, что было принято во внимание земством, которое в начале XX в. начало активно пропагандировать этот промысел как наиболее доступный и доходный и организацию кооперативного движения. Более всего этот промысел был развит в Нолинском и Шадринском уездах.

Производство изделий из дерева было широко распространено в Вятском уезде и южной части Осинского уезда «благодаря обилию, разнообразию и дешевизне леса». Вятские и пермские столяры изготовляли мебель, сундуки, рамы, ящики и т. п. Особо ценилась на российском и даже международном рынке

исключительная вятская мебель, созданная из капа (шишковатого нароста на стволе, ветвях или корне дерева) и корешка (корней деревьев), этот промысел был основан слободскими мастерами Макаровыми в 20-е гг. XIX в. [6. С. 259] Токарный и посудный промыслы были развиты в Вятском и Нолинском уездах. В Вятском, Уржумском и Елабужском уезде процветали промыслы экипажный и тележный. В Котельническом уезде производили дуги (круто изогнутые деревянные части упряжки, скреплявшая оглобли с хомутом [6. С. 177]) и сани. На всей территории Вятской губернии крестьяне занимались выделкою ложек и спичек. Музыкальные инструменты (гармоники, скрипки, виолончели и др.) изготовлялись преимущественно в с. Богородском, около г. Вятки и имели сбыт по всей России [13. Т. 43. С. 236, Т. 14. С. 738, Т. 45. С. 334].

Рогожно-кулеткацким (лычным) промыслом, то есть изготовлением грубого упаковочного материала и кулей из мочала (вымоченной лубяной части коры молодой липы, разделенной на волокна [6. С. 360]) занимались в тех местностях, где имелось соответствующее сырье: в Вятской губернии — это Елабужский (3392 человек), Нолинский, Котельнический, Сарапульский (9024 человек), южная часть Орловского уезда, в Пермской — Осинский и Красноуфимский уезды.

Ручное ткачество и плетение кружев [13. Т. 68. С. 907, Т. 82. С. 804; 12. С. 244; 5. С. 101] являлись исключительно женскими промыслами. По тяжести и сложности процесса изготовления льняных тканей несколько не уступало мужским занятиям. Речь при этом шла о предварительном уходе за посевами льна (прополке) и обработке растительного сырья на волокно (лен необходимо было мочить, затем расстилать, сушить, мять, трепать и чесать), что полностью ложилось на плечи женщин. Больше всего ткачих было зарегистрировано в Уржумском (1895 г. — 44993 человек.) и Яранском (1902 г. — 58528 человек) уездах. Слобода Кукарка последнего уезда славилась искусными кружевницами. В Пермской губернии кружевной промысел был распространен в заштатном городе Далматове, с. Макарове Шадринского уезда и в с. Рождественском Оханского уезда.

Металлообрабатывающие промыслы и производство сельскохозяйственных орудий и машин были развиты среди горнозаводского населения Пермской губернии. В Вятском крае изготовляли в небольшом количестве лишь сохи и веялки. В

Сарапульском уезде во второй половине 1890-х гг. этим делом занимались 120 человек, в Нолинском — 89 человек [13. Т. 41. С. 325, Т. 56. С. 431].

Особую группу промыслов составляла деятельность крестьян, связанная с отходничеством. В Вятской губернии в 1900 г. в отхожих промыслах было занято 27 % всех, участвовавших в промыслах, в Пермской — 23 %. В 1901–1902 гг. 38 % вятских хозяйств имели отхожие заработки [10. С. 19]. Движение крестьян на заработки осуществлялось в рамках волости, уезда, губернии и даже за ее пределы. Отхожими были земледельческий (в основном в юго-восточные уезды Пермского края) и кустарный промыслы. Популярными были перевозки, подсобные работы в фабрично-заводской промышленности, бурлачество.

Перевозки были развиты в связи с недостатком «искусственных путей сообщения». Выделялись извоз (подсобные заводские и фабричные работы по перевозке металлов, руд, угля, леса и др.) и «ямщина». В Котельничском (1902 г.) и в Слободском (1897 г.) уездах из числа уходивших в отхожие промыслы извозчиков было соответственно 1859 и 7226 человек, ямщиков — 483 и 373 человек; в Сарапульском в 1897 г. и Елабужском в 1888 г. — 3192 и 1752 извозчика. Крестьян, выполняющих подсобные работы, можно было встретить в качестве рабочих на горных заводах, железных рудниках и дорогах, каменно-угольных копях, соляных промыслах. Из Слободского уезда на заработки рудокопами и рудовозами в 1897 г. ушли 1977 и 727 человек соответственно. В Вятской губернии широко был распространен наем в плотники и на пилку леса. В Котельничском (1902 г.), Малмыжском (1885 г.) и Нолинском (1894 г.) уездах из числа уходивших в отхожие промыслы плотников было соответственно 1631, 1696 и 4292 человек, пильщиков — 954, 1517 и 2633 человек. Из Уржумского уезда на заработки в 1895 г. отправилось около 4200 плотников. В состав наиболее развитого отхода входили следующие специальности: дроворубы, рогожники и кулевщики, а также валяльщики и войлочники, сапожники и портные. Бурлачество, как местное так и отхожее (под ним на Урале в конце XIX в. понимались рабочие должности на речном транспорте) было распространено в северных и некоторых южных уездах. Бурлаками в качестве лоцманов, водоливов, матросов и кочегаров чаще всего нанимались работать в летние месяцы по рекам Печоре, Каме, Вятке, Волге и их

притокам. В Нолинском уезде этим отхожим промыслом занималось в 1894 г. 889 человек, в Чердынском уезде в 1902 г. — до 500 человек. Из Уржумского уезда в 1895 г. было зарегистрировано 2100 бурлаков [13. Т. 22. С. 593, Т. 14. С. 334, Т. 31. С. 429, Т. 35. С. 476, Т. 41. С. 325, Т. 56. С. 431, Т. 59. С. 374, Т. 60. С. 753, Т. 76. С. 536, Т. 68. С. 907; 2. С. 99].

Библиографический список

1. Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899.
2. История Урала в период капитализма. М., 1990.
3. Кашаева Ю. А. Кустарные промыслы Пермской губернии (конец 1880-х — 1914 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2007.
4. Мартынова М. М. Удмуртская община (буксель) в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 313–324.
5. Набокова О. А. Выращивание и обработка льна крестьянами Пудожского уезда Олонецкой губернии на рубеже XIX–XX вв. // Кижский вестник. № 7. Петрозаводск, 2002. С. 99–107.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1994.
7. Окунев А. В. Роль подсечного земледелия в жизни северно-русского общинника во второй половине XIX — начале XX в. // Рябининские чтения-1995: материалы Международ. науч. конф. Петрозаводск, 1997. С. 175–179.
8. Ольховская Л. В. Связь уральских кустарей и ремесленников с земледелием (по материалам Пермской и Уфимской губерний 1905–1914 гг.). // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале: материалы науч. конф. Свердловск, 1963. С. 126–134.
9. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. V: Урал и Приуралье / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1914.
10. Статистический ежегодник за 1901–1902 гг. Издание Вятского Губстатбюро. Вятка, 1903.
11. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXX: Пермская губерния. СПб., 1903.
12. Урал Северный, Средний, Южный. Справочная книга / Сост. Ф. П. Доброхотов. Пг., 1917.
13. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890–1907). Ярославль, 1992.

Semerikova Olga Mikhailovna
Candidate of historical sciences

Associate professor of Russian history department, Ural federal university named after the first President of Russia B.N. Eltzin

**THE DEVELOPMENT OF COMMERCIAL ACTIVITY AMONG
VYATKA AND PERM PESANTRY AT THE END OF THE 19th
— EARLY 20th CENTURY**

The paper considers the specifics of commercial activity of the Ural peasantry. On the basis of statistics the author revealed that the significant part of the rural population was involved in different forms of crafts. It has been established the existence of many factors which influenced on the yield of agricultural crafts and non-agricultural activities. The author considers in details the main kinds of crafts and their district specifics.

Keywords: crafts, zemstvo, Vyatka province, Perm province.

*Н. В. Суржикова**

РОССИЙСКИЙ ПЛЕН И РОССИЙСКОЕ БЕЖЕНСТВО 1914–1918 гг. КАК ФАКТОРЫ РЕКОНФИГУРАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРАНИЦ**

Статья посвящена проблеме влияния российского плена и российского беженства периода Первой мировой войны на актуальный и перспективный рисунок социального пространства. Опыт плена и беженства рассматривается как частный случай социального конструирования, принципы которого задавались целым рядом факторов и акторов.

Ключевые слова: Первая мировая война, плен, беженство, социальные группы, социальные различия, социальные трансформации, лиминальность.

Что является основой социальной стратификации общества? Насколько крепки границы тех областей, которые формируют актуальную социальную географию? Зависима ли она от сиюминутной политической конъюнктуры или предопределяется долгосрочными многофакторными процессами? Какие социальные параметры из множества социальных параметров первичны для системы социальных таксономий, а какие вторичны? Является ли социальная память препятствием для успешных социометрических экспериментов или она способна их блокировать? В поисках ответов на эти и другие вопросы представляется весьма полезным сместить оптику исследования с изучения относительно стабильных социальных образований на изучение их нерегулярных, в чем-то аномальных альтернатив. Распознавание нормы посредством обследования отклонений от нее как метод не требует глубоких теоретических экскурсов, будучи хорошо известным не только естественным, но и гуманитарным наукам. При этом сразу подчеркну, что в нашем случае речь идет не о пресловутых маргинальности и девиантности, которые статистически присущи едва ли не любым локально-темпоральным

* Суржикова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), snvplus@mail.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

средоточиям социального. Здесь и сейчас во главу угла поставлена проблема периодического появления на авансцене истории таких групп, коллективность которых диктуется экстремальными, экстраординарными условиями, со всей наглядностью экспонируя неустойчивость общепринятого социального порядка.

Примером нестабильного общества, оказавшегося в прямой зависимости от актуальных конкретно-исторических условий, с полным правом можно считать российское общество периода Первой мировой войны. Как бы она не трактовалась современными исследователями — как первая тотальная война [11; 17; 18; 19], как общеевропейская гражданская война [15] и т.д., и т.п. — Первая мировая стала действенным инструментом социальной инженерии, показав потенциал войны и как способа социальной мобилизации, и как средства социальной демаркации, и как фактора социальной дестабилизации.

Одним из последствий Первой мировой войны стало развитие таких социальных институтов, как плен и беженство. При этом порядка 7 млн беженцев [5. С. 72–75] и 2 млн военнопленных [16], оказавшихся на территории России, стали серьезной проверкой на прочность не только для довоенных институтов и систем медицинского, продовольственного, жилищного и пр. обеспечения. Что не менее важно, плен и беженство стали вызовом для традиционных, обыденных социальных границ.

Процесс этот, однако, обладал определенной динамикой. Его отправной точкой стал прежде всего тот вызов, который плен и беженство бросили привычным отношениям населения и территории. Позже З. Бауман напишет по этому поводу: «Чужак подрывает пространственный порядок в мире, координацию между <...> совместным существованием друзей и удаленностью врагов. Его существование — угроза надежности классических географических границ как универсального инструмента упорядочивания мира» [8. С. 74; 23. С. 72].

Действительно, для подданных государства, накануне войны уступавшего по абсолютному числу всех внутренних и внешних мигрантов (10,2 млн человек) только Великобритании, но явно проигрывавшего многим странам Европы в подвижности населения на душу этого самого населения [9], беженцы и пленные с их стремительными перемещениями были значительно больше, нежели просто неудобство. В частности, беженцы, чье движение на Восток страны приобрело признаки массового исхода

к середине 1915 г., воспринимались «оседлым» большинством не иначе, как стихийное бедствие, закономерно «аллитерированное» посредством таких «эпитетов», как вереница, поток, лавина, наводнение, потоп, река и т.п.:

«<...> Беженцев скорбный *поток*
Плещет на север, восток;
Искры последнего света
Прячутся в тень лазарета;
Слышит притихший народ
Вопли сирот...
Холодом веет средь лета!» [6];
«Словно набат,
Вести гремят:
«Беженцы! Беженцы! Беженцы!»
Горе людское *безбрежное*
Серой *рекою* ползет:
Целый народ
Едет, идет <...> » [3];
«По дорогам, лесам, от селений сожженных,
От разрушенных храмов, измятых полей,
В даль идут *вереницы* худых, огорченных,
Утомленных людей <...>» [1];
«<...> Бросил народ свои нивы старинные,
Немцу оставил лишь пепел, да дым,
Тронулись беженцы *лентою длинною*
Прочь от врага, направляясь к своим <...>» [14].

Пленные иностранцы, ставшие для провинциальной России обыденностью одновременно с беженцами, и вовсе трактовались обывателями как прямая угроза их относительно благоустроенным замкнутым миркам. «Да что это начальство-то думает, ведь они, пленные, всех нас здесь погубят, перебьют, сожгут наши дома, а потом и скроются. Разве можно на них надеяться, ведь они наши враги и нехристи» — роптали жители деревни Верхние Чермоды Осинского уезда Пермской губернии, обнаруживая свои страхи или, как минимум, опасения [12].

Не будет преувеличением сказать, что «благодаря» пленным и беженцам пространство — как географическое, так и социальное — уплотнилось, а его контуры изменились. Больше того, плен и пленные, а тем паче беженство и беженцы, дискредитируя идею принадлежности места человеку и человека

месту, напрямую способствовали превращению всевозможных движений и передвижений в универсальный феномен, а самих мигрантов — в фактор, ведущий к стиранию сначала географических, а затем и социальных границ.

Вторгаясь в сферу границ социального мира, пленные и беженцы тут же обнаруживали их «мягкость» и проходимость, что метафорически точно выразил один из наблюдательных современников, Ю. Константинов, в стихотворении «В вагоне»:

«Мерно, четко, крепко, звонко
Ударяет сталь о сталь,
И в нахмуренных потемках
Встала серая печаль.
Бледный свет в углу вагона,
Давит, душит темнота, —
И огонь то умирает, то внезапно оживает...
Поезд мерно выбивает
«Тра-та, та-та, та-та-та...»
Кто я? Что я? Где я? Я ли
В мире стонов и речей,
В плаче рельс и лязге стали
Мчусь в безмолвии ночей?..
Мерно, четко, крепко, звонко
Ударяет сталь о сталь,
И соседка-незнакомка
Прячет взоры под вуаль...
Кто я? Что я? Где я? Здесь ли,
Где печаль и темнота...
А огонь то умирает,
То внезапно оживает...
Поезд мерно выбивает
«Тра-та, та-та, та-та-та...» [10].

Без места, без дома, без имущества, без дохода, без профессии, без семьи, пленные и беженцы лишались всякого социального положения, оказавшись вне сословий, вне классов, вне любых групп, чей статус, стабилизируя общественные связи, делает поведение его носителей предсказуемым для окружающих. Асоциальные применительно к регулярной системе социальных иерархий, пленные и беженцы с их «пленностью» и «беженскостью» стали символом неопределенности, объединяя в себе признаки и диффузной формы социальности, и нисхо-

дящего социального перемещения, и социальной мутации одновременно.

При этом плен и беженство являли собой не просто своего рода социальный лифт. Стационарным российским обществом пленные и беженцы трактовались как внешние по отношению к нему образования, как своеобразные группы эксклюзии, характеризовавшиеся состоянием *лиминальности*, — «зависания» человека между состояниями «уже не...» и «еще не...». Мысленные обобществление и геттоизация мигрантов позволяли членам принимающего коллектива поддерживать иллюзию очевидности пленных и беженцев и прозрачности их социо-правового статуса, что, в свою очередь, обеспечивало видимость стабильности и управляемости происходящего в пространстве беженства и плена. Однако за этой иллюзией принимающее сообщество упустило из виду тот факт, что в условиях, когда беженцы и пленные так до конца и не стали принадлежностью новой для них среды, эта среда, постепенно обживавшаяся «лиминантами», стала принадлежать им и претерпела благодаря им некоторые изменения.

Во-первых, плен и беженство поставили под сомнение вековые гендерные стереотипы. Метаморфоза, приключившаяся с ними, выражалась, с одной стороны, в демаскулинизации, феминизации мужчин, часто оказывавшихся беспомощными перед лицом предложенных пленом и беженством обстоятельств, а с другой — в маскулинизации, дефеминизации женщин, в условиях утраты мужского плеча бравших на себя несвойственные им заботы по содержанию хозяйства и семьи. Иначе говоря, пока плен и беженство формировали целый ряд требований на специфические женские обязанности, многие из которых не имели прецедентов в имперской России, «сильный пол» лишался части своего символического капитала, потерпев личное поражение в войне (=пленные) или растеряв свою семью и имущество (=беженцы). Мужчина-беженец, равно как и военнопленный, в рамках общественного дискурса в лучшем случае представлялся в роли заложника действий противника, но, превратившись тем самым в невинную и пассивную жертву, он «мало чем отличался от своего женского двойника» и фактически «был лишен своего социального пола» [24. С. 117, 118]. В этой связи трудно не согласиться с П. П. Щербининым, подметившим, что отнюдь не большевистская революция 1917 г., а

именно Первая мировая война катализировала процессы женской эмансипации, создала предпосылки для самореализации россиянок, внесла перемены в сознание общества по отношению к женщине и ее социальному назначению [22].

Во-вторых, плен и беженство продемонстрировали стремительность порожденного ими процесса депрофессионализации, разрушив всякие иллюзии, связанные с социо-профессиональными основами общественного устройства. «<...> Чем может заняться старик или старуха 55–60 лет? Дома — на родине — они были только управителями или распорядителями <...>» [2], — сигнализировала пресса о положении беженцев, в то же время отмечая: «Беженцы, проживающие в крупных городах, иногда еще находят работу, но вся масса их, расселенная в местечках и глухих деревнях, лишена возможности найти какой-нибудь заработок» [7]. Что касается плена, то для большинства обезоруженных вражеских военнослужащих он оказался связан с очевидной профессиональной деградацией. Так, из 2196 пленных, занятых к началу 1918 г. на Усть-Сылвицком (Коноваловском) лесоразделочном заводе на Урале, узкоспециальным трудом были заняты только 294 человека, или 13,4 %, в то время как остальные узники войны оказались «приспособлены» к малоквалифицированным работам по заготовке древесного горючего, не требовавшим длительной профессионализации¹.

Запущенный пленом и беженством процесс нивелирования социальных различий, сформированных прежним родом занятий пленных и беженцев, при этом активно работал на зарождение в их среде новых социальных иерархий, определявшихся большей или меньшей подготовленностью вынужденных мигрантов к неквалифицированному труду. «...Лопата уже приросла к моим рукам. Это ведь работа соответственно моим специальностям, потому что я раньше был преподавателем гимназии во Львове и ассистентом археологического института», — грустно шутил военнопленный Исидор Кардаш, отправленный на ремонт путей Пермской железной дороги на ст. Лысьва. «Мои мужики меня ненавидят, потому что я «барин», а русские думают, что я за какое-то преступление наказан тяжелой горной работой. Уже год как я переносю все лишения и оскорбления ежедневно с одной и другой стороны, и надежды на какую льготу или спасение нет. Я все Вам это пишу потому,

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 26–26 об.

что мне это ужасно больно и нравственно угнетает, иногда до сумасшествия. Я всю жизнь жил только книгой и имел дело только с высокообразованными лицами, а сейчас должен слушать капризных и властолюбивых мужиков. Почему же это так? Нужна ли моя мука кому-нибудь?..», — вопрошал несчастный, чья профессия до войны гарантировала ему достойное место в обществе, а в плену стала настоящим проклятием...² Актуализируя или не актуализируя социо-профессиональный капитал мигрантов, плен и беженство экспонировали, что он не являлся сдерживающим фактором для процессов социомобильности и как основа формализации тех или иных общественных групп имел значение лишь до некоторой степени.

В-третьих, плен и беженство обнаружили тенденцию конвенционализации такого признака социальной демаркации, как этничность. Более того, её роль в пространстве плена и беженства стала столь велика, что по сути сокрушила любые попытки презентации пленных и беженцев как особых социо-правовых групп. Этнизация плена и этнизация беженства, превращая, казалось бы, объективные и в чем-то биотически детерминированные признаки мигрантов в социально значимые, оказались при этом векторно разнонаправленными процедурами. Применительно к пленным они были запущены «сверху», посредством деления узников войны на представителей «дружественных» народностей и народностей «враждебных». «Этнизация» российского плена, осуществлявшаяся под флагом панславизма и ставшая, по словам А. Рахамимова, «самой известной главой» его истории [26. С. 115], дала, однако, несколько неожиданные результаты. Зароненные властями зерна неравноценного отношения к пленным иностранцам в зависимости от их этнической прежде всего проросли в виде активизации деятельности в России всевозможных славянских организаций, работа которых лишней раз показала, что «славянский мир» единства на самом деле не составлял, а если и составлял, то только в смысле единства множественностей и разнообразий, на которых выстраивались множественные и разнообразные социальности.

Процессы «национализации» беженства зрели главным образом изнутри, в конечном итоге позволив латышам, полякам, евреям и др. прийти к чувству национальности, к осознанию единого национального целого: «Для многих беженство было унижающим опытом, сопровождавшимся потерей прежнего социального статуса. Перед

² РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 32. Л. 163–164.

лицом такого уравнивающего всех ощущения для многих беженцев принадлежность к определенной нации часто была единственным средством для того, чтобы отличить себя от остальных» [25. С. 194]. Именно это, что характерно, предопределило наличие у поляков, латышей, евреев и др. нерусских беженцев более высокого уровня социальных притязаний и более высокого уровня их социальной компетенции. Консолидация на этнокультурной платформе, в частности, позволила нерусским беженцам, успешно конкурировать на рынке социальных благ с русскими беженцами, куда менее сплоченными и организованными: «Московские газеты приводят цифры ассигнований национальным комитетам в Москве: еврейскому комитету — 39 тыс. (берем круглые цифры), литовскому — 75 тыс., латышскому — 183 тыс., польскому комитету — 439 тыс., а еще польскому обывательскому комитету 29 тыс. по г. Москве и 69 тыс. для уездов, и, наконец, обществу попечения о русских беженцах — 12 тыс. рублей <...> размер кредита на русских беженцев так ограничен сравнительно со сметами других национальных комитетов и так малозначителен сам по себе, что, разумеется, допускает помощь лишь в самых скромных размерах <...>» [13].

Характерно, таким образом, что процесс социального конструирования, частным проявлением которого можно считать попытки коллективизации в рамках воюющего общества таких групп, как пленные и беженцы, шел непросто. Универсальных основ для успеха этих попыток практически так и не было создано, что вполне логично: «Нельзя предполагать, что обладание общими признаками — статусом «перемещенных лиц» — автоматически наделяло чувством общего опыта, не говоря уже о том, что оно вызывало совместные действия» [24. С. 205]. По сути, пленные и беженцы так и остались весьма аморфными группами без определенного места в обществе, ситуативно находившегося — а чаще не находившегося — в рамках импровизационной по своему характеру политики. При этом складывается впечатление, что неопределенность социального статуса пленных и беженцев, несмотря на то, что они действительно драматизировали социальную ситуацию в стране, в какой-то момент перестала восприниматься как проблема. Более того, эта проблема превратилась в благо, позволяя «лепить» из пленных и беженцев то, что требовалось, и разыгрывать их как козырную карту в различных межгрупповых играх, битвах и пр.

Плен и беженство, таким образом, продемонстрировали, как можно разрушить старые социальные перегородки, реконфи-

гурировать рисунок общественных связей в зависимости от тех или иных актуальных для общества задач, вопреки социальному обычаю и социальной памяти. Очевидно при этом, что и «пленность», и «беженскость» как продукты социальной инженерии напрямую способствовали развитию государственного интервенционализма. Вероятно, по этой причине кто-то усмотрит в российском плене и российском беженстве 1914–1918 гг. безусловную связь с большевистским/советским социальным проектом, и это не будет слишком большим допущением³. Между тем экспансия государства на территорию социального не являлась исключительной преференцией России начала XX в. «Значительное ускорение этим тенденциям во всех европейских и атлантических странах придали последствия Первой мировой войны. Независимо от идеологических ориентиров, которых придерживались правительства этих стран, силы и возможности государства для вмешательства в общественную жизнь и ее перестройки невероятно выросли в двадцатом столетии», — подметил в этой связи Д. Ширер [21. С. 11], оснований не согласиться с которым совсем не много. Сообразно с этим и плен, и беженство, порожденные Первой мировой войной, вполне позволительно трактовать как пролог к мощнейшим, по сути, системным, трансформациям российского социума 1917–1922 гг., в рамках которых вопросы «кто мы?», «с кем мы?», «или мы сами референтная модель?» коснулись всех и вся, визуализируя незавершенность процессов формирования коллективной и групповых идентичностей эпохи модерна. Более того, пленные и беженцы, эта разноязыкая коалиция чужаков, внося сумятицу в и без того разбалансированные регистры социальных различий, вообще поставили под сомнение саму идею их очевидности и исчисляемости, а вместе с нею — и идею относительно гомогенных и стабильных социальных групп.

Библиографический список

1. Беженцы // Известия Ананьевского Уездного Земства. 1915. 28 дек.
2. Беженцы в Ярославле // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 36–37 (25 сент. — 2 окт.). С. 10.

³ Эту проблему — проблему преемственности этно-социальной политики в царской и Советской России/СССР — обозначили, в частности, Н. Верг и П. Холквист, решая ее, однако, несколько по-разному. См. подробнее: [4; 20].

3. Беженцы! Беженцы! Беженцы! // Зауральский край. 1915. 23 авг.
4. Верт Н. Депортации населения на российском и советском пространстве (1914 — конец 1940-х годов): военное насилие, социальная инженерия, этно-историческое «изъятие» // Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 195–233.
5. Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.
6. «Все об одном» // Зауральский край. 1915. 22 авг.
7. Голод среди беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1917. № 49–50 (12 февр.). С. 12.
8. Гусев А. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. Т. 8. № 2. 2009. С. 72–79.
9. Кабузан В. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. № 4(18). С. 82–93.
10. Константинов Ю. В вагоне // Зауральский край. 1915. 30 сент.
11. Магадеев И. Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16.
12. Пленные в деревне // Пермская земская неделя. 1916. 12 июня.
13. Положение русских беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 30–31 (15–21 авг.). С. 15.
14. Привет беженцам // Земская неделя (Казань). 1916. 21 февр.
15. Сергеев Е. Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 3–15.
16. Суржикова Н. В. К вопросу о численности военнопленных Первой мировой войны в России и на Урале // Россия в войнах начала XX века. Доклады науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 282–305.
17. Фёрстер Ш. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы: материалы Междунар. интернет-семинара. М., 2005. С. 11–28.
18. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век. 1914–1991. М., 2004.
19. Ходнев А. С. «Великая война» в зарубежной историографии: концепция тотальной войны // Преподавание истории в школе. 2000. № 10. С. 16–20.
20. Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 139–179.
21. Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. М., 2014.
22. Щербинин П. П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1–2. С. 57–71.

23. Bauman Z. Modernity and ambivalence. Cambridge, 1991.
24. Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis, 1999.
25. Gatrell P. Der Krieg, die Flucht und die Nation. Das Flüchtlingsdrama im Zarenreich und die Folgen, 1914–1920 // Osteropa. 2014. Bd. 64. H. 2–4. S. 185–196.
26. Rachamimov A. POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. New York, 2002.

Surzhikova Natal'ya Victorovna
Candidate of historical sciences

Senior researcher of the Institute of history and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences

RUSSIAN CAPTIVITY AND RUSSIAN REFUGEEEDOM OF 1914–1918 AS FACTORS OF SOCIAL BOUNDARIES RECONFIGURATION

The paper deals with the influence Russian captivity and Russian refugeedom of World War I exerted on the actual and perspective pattern of social space. Experience of captivity and refugeedom is regarded as a special case of social engineering which principles were preset by a number of factors and actors.

Keywords: World War I, captivity, refugeedom, social groups, social differences, social transformation, liminality.

*А. В. Чевардин**

СТАТУС ПОЛЬСКИХ ГРАЖДАН В СССР В 1939–1945 ГГ.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с изменениями политико-правовых и социальных статусов основных этнических групп, населявших территорию довоенной Польши: собственно поляков, украинцев, евреев, белорусов, в годы Второй мировой войны (1939–1945). Проанализированы факторы, игравшие ключевую роль в данных трансформациях, выявлены важнейшие последствия рассматриваемых процессов.

Ключевые слова: Вторая мировая война, история Польши, социальный статус, польские граждане.

Как известно, статус — это положение, занимаемое лицом в социальной системе. Статус зависит от многих показателей: уровня культуры и образования, доходов, престижности профессий, а также от близости к власти. В каждом полиэтничном государстве складывается, по сути, иерархия этнических статусов: представители титульной нации оказываются наверху, этнические меньшинства, как правило, внизу. Однако статус также зависит от международной политической обстановки, а также событий, в которые вовлечено конкретное общество. Примеры постоянных изменений социального статуса этносов на протяжении продолжительного периода времени (1939–1945 гг.) можно найти, изучая развитие многонационального довоенного польского общества.

Как известно, территория польского государства в сентябре 1939 г. была занята армиями двух государств. Западная, наиболее развитая половина, досталась нацистской Германии. Восточные территории Польши вошли в состав Советского Союза (так называемая Западная Украина, Западная Белоруссия, Виленщина). Таким образом, восточные территории (по-польски — кресы) находились под властью Варшавы около двадцати лет: с 1920 по 1939 г.

Эта земля создавала множество хлопот польской администрации. Во-первых, для нее была характерна довольно от-

* *Чевардин Алексей Валерьевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург, Россия), alexchevardin@gmail.com.

стала экономика традиционного типа, диссонировавшая на фоне хозяйств более развитых районов, таких как Познаньщина, Мазовия. Во-вторых, это был полиэтничный край. Здесь проживали украинцы, поляки, белорусы, евреи, русские и др. Этнотипы прежде всего делились по религиозному признаку: христиане-католики, христиане-православные и иудеи. Традиционно по этому принципу происходила иерархизация населения данных земель. Любой человек, принимая католичество, практически автоматически повышал свой социальный статус, признавая себя поляком. Также существовала другая альтернатива — перейти в греко-католики (униаты). По такому принципу происходила полонизация элиты на территории современной Украины и Беларуси в XV–XVIII вв.

Пережившая три раздела, получившая независимость Польша, зажата между Германией и Советской Россией, была заинтересована в стабильности и лояльности со стороны местного населения. Этому мешало то обстоятельство, что в восточных воеводствах поляки составляли численное меньшинство.

С начала 1920-х гг. польские восточные территории активно заселялись этническими поляками — так называемыми осадниками. Благодаря такой политике Варшава достигала двух целей: получала лояльных граждан на восточных рубежах, с одной стороны, и решала вопрос аграрного перенаселения южных и западных регионов — с другой. Но данные процессы шли в разрез с интересами местных жителей, у которых эта земля как раз изымалась.

Следует констатировать, что действительно полноправными хозяевами на данных территориях чувствовали себя этнические поляки, а также лица, официально ставшие ими в межвоенный период. Карьера человека зависела не только от профессиональных навыков, но и от лояльности к польской власти, знания польского языка, а также от пожелания признать себя поляком. Теперь для этого уже не нужно было переходить в католицизм или униатство. К примеру, этнический украинец Гевусь Дмитрий Иванович в 1923 г. «официально принял польскую национальность», чтобы продолжить свой карьерный рост в администрации своей деревни. В 1940 г. это обстоятельство стало главной причиной его депортации вместе с семьей на Урал¹.

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 41859. Л. 126, 138.

Остальные, нетитульные этнические группы так или иначе были ущемлены в правах. Именно это обстоятельство привело к тому, что в 1939 г. Советский Союз относительно легко смог включить эту довольно обширную территорию в свои границы.

Межэтнические отношения на данной территории усугублялись двумя вопросами: польско-украинским и еврейским. Польско-украинский вопрос имел свою давнюю историю. Однако он усугубился открытым вооруженным противостоянием между украинцами и поляками в 1918–1919 гг. Полякам удалось захватить территорию самопровозглашенной Западно-Украинской республики, хотя позиции украинского национализма среди местного населения были весьма сильны на всем протяжении межвоенного периода. Об этом свидетельствуют террористические акты и другие мероприятия Организации украинских националистов (ОУН).

Еврейский вопрос также был для Варшавы непростым. Помимо бытового антисемитизма, царившего на данных территориях, возникали новые проблемы. После смерти Ю. Пилсудского, со второй половины 1930-х гг., наблюдалось ощутимое влияние идей нацизма. «Мода» не покупать товары у евреев, не сидеть с евреями за одной партией и т. д. докатилась и до польского государства, в котором проживала самая большая иудейская диаспора мира. В связи с развитием идей антисемитизма, евреи не только почувствовали себя еще более ущемленными, но и понесли значительные экономические потери.

Представители еврейской молодежи чувствовали себя маргиналами в польском обществе, потому все более симпатизировали идеям социализма и коммунизма. Именно в исследуемых районах работали наиболее массовые коммунистические организации Польши: КПЗУ (Компартия Западной Украины) и КПЗБ (Компартия Западной Белоруссии).

Польское правительство видело в этом еще большую опасность, чем украинский национализм. Украинских националистов поддерживала Германия, границы которой находились далеко от ареала расселения украинского народа. Еврейское же население проживало у границ с Советским Союзом, в связи с чем еврейская коммунистически настроенная молодежь могла стать так называемой пятой колонной в случае войны с Советским Союзом.

То, чего опасались поляки, произошло в сентябре 1939 г. Лица, принадлежавшие к нетитульной нации, устроили ан-

типольские акции и бунты. К примеру, еврейский мятеж в г. Скидель под Вильно, жестоко подавленный польской армией. Украинские националисты, как известно, стреляли в спину польским воинам, отступавшим под давлением немецкой армии в сторону венгерской границы. Так, к примеру, получил свое ранение генерал В. Андерс в сентябре 1939 г.

После прихода в сентябре 1939 г. Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, статус основных этнических групп довольно ощутимо изменился. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. все бывшие польские граждане, находившиеся к 1–2 ноября 1939 г. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии провозглашались равноправными гражданами СССР. Однако, как и в любом другом обществе, в реальности стала формироваться новая иерархия этнических статусов: украинцы и белорусы стали представителями титульных наций, затем следовали евреи. Лояльность новым властям необходимо было доказать добровольным принятием советского паспорта и вступлением в коммунистическую партию.

Внизу иерархии оказались представители польского этноса. Если до 1939 г. на территории «восточной Польши» господствовал польский язык, то после этой даты в школах стали изучать русский, украинский и белорусский языки. Из элиты общества были исключены практически все этнические поляки. Многие из них стали «врагами советской власти и советского народа». Исключение составляли коммунисты, такие, например, как В. Василевская.

Следует отметить, что польское правительство, оказавшееся в эмиграции, признало незаконным переход населения в советское гражданство. Для лондонского правительства В. Сикорского поляки, украинцы, белорусы, евреи оставались польскими гражданами.

Известно, что на территории Польши за 1939–1945 гг. было репрессировано советскими органами безопасности около 500 тыс. человек. Большая часть из них, около 320 тыс. человек, была депортирована «вглубь СССР» в 1940–1941 гг. В их числе порядка 200 тыс. человек составляли этнические поляки [1. С. 15.]. При этом следует отметить, что национальность не являлась формальным критерием применения репрессий. Только на территории Свердловской области в 1940–1941 гг. в спецпо-

селках НКВД проживало около 27 тыс. «бывших польских граждан». Большинство репрессированных лиц не хотели либо не успели поменять польский паспорт на советский, а значит, формально оставались гражданами Польши.

Прошло около двадцати месяцев, и статус граждан довоенной Польши вновь был изменен начавшейся Великой Отечественной войной. Летом 1941 г. в г. Лондоне был подписан договор, превративший польское эмигрантское правительство благодаря в союзника в борьбе с гитлеризмом. Тогда И. Сталин согласился, что граждане довоенной Польши, находившиеся в тюрьмах, лагерях и спецпоселках СССР, являются польскими гражданами, и распорядился их освободить из мест заключения. В ходе амнистии каждому поляку выдавалась справка о том, что он является бывшим польским гражданином и направляется на место постоянного жительства в один из городов в глубоком советском тылу. Такие люди должны были получить вид на жительство в СССР для иностранца.

В 1940–1941 гг. на территории Советского Союза поляки официально организуют сеть польских представительств для помощи своим гражданам. Система опеки подчинялась непосредственно польскому послу в СССР С. Коту. В тот период была воссоздана иерархия, существовавшая в Польше до прихода советской власти. Бывшая польская элита возглавила локальные объединения граждан в большинстве мест их компактного расселения. К примеру, бывший судья из города Владимир-Волынский Войцех Пасынкевич стал доверенным лицом польских граждан в поселке Озерное Режевского района Свердловской области. Бывший начальник отдела контроля доходов управления железной дороги в г. Катовице Юзеф Рашка стал главой польской диаспоры в Красноуральске. С воссозданием прежней структуры социальной иерархии польских граждан вернулись и прежние межэтнические проблемы, усугубленные крайне тяжелыми условиями жизни бывших репрессированных, многие из которых оставались в местах недавней ссылки — в бывших спецпоселках. Снова поляки не доверяли украинцам, украинцы — евреям и т. д. Об этом свидетельствуют уголовно-следственные дела на бывших польских гражданах. Многие этнические поляки, памятуя об отношении национальных меньшинств к приходу в Польшу Красной армии, считали их предателями. С другой стороны, украинцы и евреи не могли забыть притес-

нений со стороны представителей титульной нации до сентября 1939 г.

Сотрудники НКВД нередко собирали компрометирующий материал на польских граждан следующим образом. К примеру, если необходима была информация по поляку, обращались к украинцам и евреям. Доказательства того можно увидеть в делах на жителей поселка Озерки Таборинского района, где местные сотрудники НКВД в 1943–1944 гг. «создали» польскую и украинскую антисоветские группы именно по национальному признаку². Впоследствии все фигуранты этих дел были реабилитированы.

В период коренного перелома в Великой Отечественной войне ситуация вновь резко изменилась. В марте 1943 г. внезапно началась так называемая паспортизация — полупринудительное наделение бывших польских граждан советскими паспортами. Не согласных с этим арестовывали за нарушение правил временного проживания и регистрации. Многие работники упраздняемой системы опеки как раз в этот момент были репрессированы как польские шпионы и антисоветски настроенные элементы.

Из-за разрыва дипломатических отношений между СССР и польским эмигрантским правительством в связи с так называемым Катынским делом, в 1943 г. посольство Республики Польша было ликвидировано, прежняя сеть доверенных лиц упразднена. На ее место пришел подконтрольный Москве Союз польских патриотов (СПП). Важнейшую роль в этой организации играли польские евреи. К примеру, свердловскую областную организацию СПП возглавлял магистр права, выпускник Варшавского университета Мойзеш Хигрин. Там же стали работать Юзеф Гурвиц, Стефан Розмарин, Хоне Шмерук и др. польские ашкенази [2. С. 171.]. Таким образом, этносоциальная иерархия в среде выходцев из Польши изменилась до неузнаваемости.

В 1945 г., уже после окончания войны с Германией, советско-польская комиссия решала вопрос о том, кому из «бывших польских граждан», находившихся на территории СССР в годы Второй мировой войны, следует отправиться в Польшу. Была достигнута договоренность о том, что в Польшу могут вернуться лишь этнические поляки и евреи. Украинцы и белорусы должны остаться в СССР. Репатриация в основном прошла в

² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 41859, 48121.

1945–1947 гг. Уникальность ситуации заключалась в том, что репатриированные поляки не могли вернуться на свою малую родину, так как она осталась в границах СССР. Поэтому они заселяли присоединенные к Польше западные земли или эмигрировали в США, Аргентину, Израиль.

Таблица 1

Статус граждан довоенной Польши в СССР в 1939–1945 гг.

Советская сторона	Этапы, гг.	Польская сторона
По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. все бывшие польские граждане, находившиеся к 1–2 ноября 1939 г. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии являются гражданами СССР	1. 1939 — 1941	Все, проживавшие до 31 августа 1939 г. на территории Польской республики, — польские граждане
Сделано изъятие из вышеназванного Указа. Советское правительство стало считать польскими гражданами всех поляков — выходцев из Польши	2. 1941– 1943	Все, проживавшие до 31 августа на территории Польской республики, — польские граждане
Была проведена паспортизация выходцев из Польши — все стали советскими гражданами, зачислены в категорию эвакуированного населения	3. 1943– 1945	
Согласно советско-польскому соглашению от 6 июля 1945 г. польскими гражданами признаны выходцы из Польши — поляки и польские евреи. Они имели право на оптацию и последующую репатриацию из СССР.	4. 1945– 1946	Согласно советско-польскому договору от июля 1945 г. польскими гражданами признаны выходцы из Польши — поляки и польские евреи. Они имели право на репатриацию.

Библиографический список

1. Гурьянов А. Справка о репрессиях против поляков и польских граждан в СССР 22 февраля 1996 года // Дорога на Восток. Документальная хроника из жизни поляков в Оренбургской области (1937–1955 гг.). Оренбург–М., 2006.

2. Чевардин А. В. Евреи в польских общественных организациях на Среднем Урале в 1941–1946 гг. // Тирош. Труды по иудаике. Вып. 11. М., 2011. С. 171.

Chevardin Alexey Valer'yevich
Candidate of Historical Sciences

Associate professor of Department of history and social and political sciences,

**URAL STATE FOREST ENGINEERING UNIVERSITY STATUS
OF POLISH CITIZENS IN THE USSR IN 1939–1945**

The article studies the problems connected with the changes in political-legal and social statuses of the main ethnic groups inhabited the territory of prewar Poland: Poles, Ukrainians, Jews, Belarusians, during the Second World War (1939–1945). The author analyses the factors, which played the key role in these transformations and reveals the most important consequences of considered processes.

Keywords: Second World War, history of Poland, social status, Polish citizens.

*Н. В. Мельникова**

**ФОРМИРОВАНИЕ «АТОМНОЙ ОБЩНОСТИ» В СССР:
СОЦИАЛЬНЫЕ АКТИВЫ, «ФИЛЬТРЫ»
И КОНТУРЫ СТРАТИФИКАЦИИ****

В статье предлагается взгляд на атомную военно-промышленную корпорацию СССР как социальную профессионально-территориальную общность. Рассмотрены активы (ценные качества), социальные «фильтры» включения в «атомную общность» и пределы их действия. Выделены некоторые маркеры и основные слои социальной стратификации общности.

Ключевые слова: атомный проект СССР, социальная «атомная общность», закрытые атомные города, стратификация.

Существует ряд теоретических концепций социальной стратификации советского общества, разработанных как зарубежными, так и отечественными социологами [о концепциях см., например: 24. С. 274–312], и относительно небольшое количество социологических и исторических изысканий на эту тему, написанных, в основном, западными авторами [см., например: 5, 6, 12, 14, 26, 27, 28]. Среди тем преобладают исследования номенклатуры, элит, рабочего класса, колхозного крестьянства, научно-технической интеллигенции. В целом же вопрос о социальной структуре и социальной стратификации в СССР остается открытым. Для осмысления социальной природы советского общества требуются как исследования частных случаев, так и крупные обобщения, без которых невозможно адекватное понимание современных социальных процессов, что актуализирует историко-социологический анализ прошлого.

Одним из таких case-study, способствующих, в конечном итоге, восстановлению природы целого, может стать изучение социального института атомно-оружейного комплекса СССР как одной из ведущих отраслей отечественной промышленности, начиная с послевоенного периода до сегодняшнего дня.

* Мельникова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), melnatvik@mail.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14–18–01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

Складывание комплекса шло в рамках реализации советского атомного проекта, действенное начало которому было положено распоряжением Государственного комитета обороны СССР «Об организации работ по урану» (28 сентября 1942 г.) [20. С. 269–270]. Первой структурой, в которой берет истоки «атомное сообщество», можно считать научную лабораторию Ленинградского физико-технического института, обозначенную номером 2. Лаборатория в составе 10 сотрудников под руководством профессора И. В. Курчатова была создана в августе 1943 г. [19. С. 382]. С нее началось формирование кадрового потенциала будущего ядерно-оружейного комплекса, который первоначально олицетворял всю атомную отрасль.

За 1940–1950-е гг. оформилась своеобразная социальная профессионально-территориальная общность, объединенная производственной направленностью (создание атомного оружия), системой ценностей, образом жизни. Ее образовывали как ученые, непосредственно работавшие над урановой проблемой в научных институтах АН СССР и различных наркоматах/министерствах («ядерное научное сообщество» по В. П. Визгину [2. С. 327]), так и работники научных центров по разработке ядерных боеприпасов и промышленных комбинатов по их производству, а также жители закрытых атомных городов. «Атомная общность» заняла особое место в политике, экономике СССР, в культуре труда и общественных отношений.

Институционально это была закрытая система: процесс организации всех работ по созданию отечественного атомного оружия был строго засекречен. Исследования, предприятия, места их расположения, оборудование, объемы, финансовые затраты, кадры, численность — все это составляло государственную тайну. Основным активом (по Д. Груски [25. С. 6]), позволявшим стать частью системы, был человеческий ресурс: знания, компетентность, мастерство, опыт. Сам Игорь Васильевич Курчатов, стоявший на вершине стратификационной пирамиды «атомной общности», был выбран именно по этим признакам.

Еще до начала Великой отечественной войны, А. Ф. Иоффе, отвечая на вопрос секретаря Президиума АН СССР П. А. Светлова о состоянии проблемы использования внутриатомной энергии урана, подчеркнул, что «общее руководство всей проблемы в целом, следовало бы поручить И. В. Курчатову как лучшему [знатоку — *Н.М.*] вопроса, показавшему на строи-

тельстве циклотрона выдающиеся организационные способности» [1]. Когда в 1942 г. встал вопрос о научном руководстве работами по урану, тот же А. Ф. Иоффе, отклонив свою кандидатуру, вновь назвал фамилию И. В. Курчатова и добавил фамилию А. И. Алиханова. Несмотря на широкую известность А. И. Алиханова, члена-корреспондента Академии наук СССР, люди, которые так или иначе участвовали в подборе научного руководителя проекта, остановили свой выбор на И. В. Курчатове. Судя по воспоминаниям (пока единственном доступном нам источнике, из которого мы можем почерпнуть информацию о процессе и критериях отбора), свою роль при этом сыграли не только научный и организаторский потенциал ученого, но и харизматические качества его личности. На В. М. Молотова он, «молодой и никому еще не известный», произвел «хорошее впечатление» [23. С. 81], уполномоченному ГКО по внедрению научных достижений в военное дело С. В. Кафтанову импониروвали энергия И. В. Курчатова и его преданность делу [13. С. 8], заместителю С. В. Кафтанова профессору С. А. Балезину — скромность и обаяние: «Вот бывает так — приходит человек и навсегда всех вас очаровывает» [4. С. 20]. Справедливости ради, следует сказать, что богатые личные ресурсы И. В. Курчатова было решено укрепить ресурсами почетными: «Хотелось бы, чтоб человек, назначенный руководить таким делом, обладал крупным именем, обеспечивающим высокий авторитет» [13. С. 8]. В 1943 г., минуя звание член-корреспондента, он был избран академиком АН СССР по специально выделенной для него вакансии (после индивидуальных бесед членов Комиссии ЦК ВКП(б) по выборам в Академию наук почти со всеми академиками физического отделения) [21. С. 39]).

В последующие два года к работам привлекались «исключительно талантливые», «выдающиеся» и «видные» ученые, «специалисты и тонкие знатоки», «лучшие в Союзе знатоки», «имеющие глубокие познания», «исключительно способные и умелые» работники, «блестящие» инженеры [8. С. 162–163; 9. С. 325; 10. С. 329; 18. С. 284]. Установка на поиск наиболее талантливых и квалифицированных специалистов в своих областях сохранилась и тогда, когда началась массовая мобилизация кадров для основных объектов атомных производств. Были разработаны анкеты ведущих (преимущественно ученых) и прочих работников, позволявшие отследить профессиональ-

ные достижения (и их динамику), личные моральные качества (изучались по характеристикам и отзывам), материальное положение (оклад, нормы снабжения, жилплощадь и коммунальные удобства), семейный статус (с указанием количества иждивенцев) [17. С. 121]. Все данные проверялись КГБ. Нельзя было войти в систему просто по собственному желанию (хотя бы потому, что набор не афишировали), но и отказаться от участия отобранному было невозможно. В качестве мобилизующих средств выступали традиционные «кнут и пряник»: завлекали обещаниями интересной работы, должностных перспектив, материальных благ; угрожали исключением из партии или комсомола, забирали паспорта, вынуждая тем самым соглашаться.

Если говорить о социальных «фильтрах», пол не был тем критерием отбора, который препятствовал или облегчал вхождение в систему. Однако сложившиеся практики свидетельствуют, что в этом вопросе были свои особенности. В отношении половой принадлежности можно отметить превалирование мужчин среди ученых атомного проекта (но это общая тенденция в научной среде, требующая самостоятельного освещения) наряду с преобладанием женщин в радиохимических подразделениях секретных атомных предприятий и среди служащих закрытых городов. Например, на первом в нашей стране заводе по производству плутония (производственное объединение «Маяк», г. Озерск) женщины, в первую очередь химики техники-технологи, составляли более 60 % от общего числа инженерно-технических работников [16. С. 41]. Объяснить это можно тем фактом, что именно женщины в годы войны в большинстве могли получать образование, и гипотезой, что женщин по какой-то причине привлекала профессия химика (что может стать отдельной темой для размышления). В целом же, подчеркнем, что при комплектовании кадров закрытых городов для благоприятной социальной и брачно-семейной обстановки старались поддерживать пропорциональное количество одиноких мужчин и женщин.

Возрастной «фильтр» не жестко, но все-таки действовал на уровне различных слоев общности участников атомного проекта. Ставка была сделана на относительно молодые кадры. Например, в год выхода распоряжения «Об организации работ по урану» (1943 г.), с которого началось активное вовлечение учёных в атомный проект, А. И. Курчатову, А. П. Алек-

сандрову, А. И. Лейпунскому было по 40 лет, А. А. Бочвару — 41 год, А. И. Алиханову, Ю. Б. Харитону, З. В. Ершовой — по 39, К. И. Кикоину, Л. Д. Ландау, Л. А. Арцимовичу, М. О. Корнфельду — по 34–35 лет, Я. Б. Зельдовичу, Г. Н. Флерову, И. Я. Померанчуку — по 29–30 лет, А. Д. Сахарову — 23 года. Из «старших товарищей» наиболее возрастным был А. Ф. Иоффе (63 года), другие были моложе: В. Г. Хлопин — 53 года, П. Л. Капица — 49 лет, И. Е. Тамм — 48 лет, Н. Н. Семенов — 47 лет. Конечно, этот подсчет несколько условен, поскольку некоторые из перечисленных выше специалистов вошли в проект годом-двумя позже, однако здесь видна тенденция предпочтения молодых когорт, которую более четко можно проследить, анализируя социально-демографические характеристики населения закрытых атомных городов. Специфический отбор привел к тому, что средний возраст взрослых трудоспособных граждан (формировавших постоянное население), которые приезжали в первое десятилетие существования пяти закрытых городов Урала (1945–1955 гг.) составлял около 25 лет, во второе десятилетие — 27 лет. Наиболее старшей по возрасту была группа инженерно-технических работников, имевших средний возраст 29 лет. В целом в структуре городского населения доминировала возрастная группа от 18 до 39 лет, составляя на рубеже 1950–1960-х гг. около 50 % [15. С. 106].

Определенными социальными «фильтрами» включения в число резидентов атомного проекта были национальность, социальное происхождение, членство в ВЛКСМ или КПСС, судимость, нахождение в плену или на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны, проживание в пограничных районах, прибалтийских республиках и за границей, наличие родственников за рубежом¹. На практике эти «фильтры» действовали не столь строго, как этого следовало бы ожидать, исходя из серьезности задачи и общего подхода к делу как сугубо секретному государственному мероприятию.

Основанный на изучении данных пяти закрытых атомных городов Урала анализ национального состава специалистов-«атомщиков», показал, что по национальному составу среди них преобладали представители славянских этносов, составляя в среднем до 83 % от всей референтной группы [16. С. 43]. Что же касается «пятого пункта», бывшего препятствием во многих

¹ ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 5. Л. 97; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 6. Л. 26–30.

сферах жизни в «период борьбы с безродными космополитами», то среди ученых, занятых в атомном проекте, было «непропорционально большое число евреев» [22], хотя процент этот еще никем не подсчитан. Конечно, для представителей НКВД/КГБ или партийных функционеров отметка «национальность — еврей» была особым маркером, априори свидетельствующим о неблагонадежности [11. С. 173–175]. Однако, если потенциал того или иного человека был необходим для достижения конечной цели, присутствие в его анкете «пятого пункта» не мешало стать участником атомного проекта. Такая же практика существовала в отношении партийности: считалось что беспартийным аполитичным сотрудникам нельзя доверять [см., например: 7. С. 467–468], но на деле беспартийными были большинство из научная верхушка проекта в большинстве своем была беспартийной, как и рядовые его участники, составлявшие население закрытых атомных городов. Например, на Урале в период формирования этих городов доля беспартийных (58 %) уверенно превышала долю коммунистов и комсомольцев (42 %) [16. С. 43]. И другие «фильтры», перечисленные выше, «срабатывали» не всегда. Видимо, сказывалась и нехватка рабочих рук после разрушительной войны, и человеческий фактор — невнимательность работников отделов кадров атомных производств при просмотре анкет. Так на секретные объекты могли попасть имевшие родственников за границей, судимые, алкоголики, «ведущие разгульный образ жизни»². Однако уже на местах включался следующий барьер — это проверки первого и режимного отделов, которые выявляли случаи нарушения, брали под контроль потенциально опасных резидентов или выселяли их из закрытого города, выводя за рамки социальной общности. Таким образом, распространенное в закрытых городах представление о населении как об «отборных людях» имело под собой реальные основания.

Складывающаяся социальная «атомная общность» обладала своим, сложносоставным ядром, которое включало наиболее ярких выразителей сущностных свойств общности. Ядро выдвинулось как по властным, так и по меритократическим основаниям. Руководители формирующейся отрасли (Л. П. Берия, Б. Л. Ванников, М. Г. Первухин) были преимущественно формальными властными лидерами. Ученые и руководите-

² ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 17, 29.

ли научных организаций и производственных предприятий (И. В. Курчатова, Ю. Б. Харитон, И. К. Кикоин, К. И. Шёлкин, Е. И. Забабахин, Е. П. Славский, Б. Г. Музруков, Д. Е. Васильев и другие) сочетали властные и меритократические позиции. Эти харизматические личности воспринимались как исключительные, наделенные особыми качествами. Вызывая эмоциональную самоотдачу, они обеспечивали доверие и подчинение «периферии», «цементируя» всю общность. Те, кто составляли ядро, задавали точки координат, на которые ориентировалась социальная «периферия» «атомной общности», перенимая их ценности, нормы, установки, стереотипы поведения, мотивацию: интерес к преодолению трудностей, творческий характер работы, напряженный труд, добросовестность, инициативность, готовность к риску, работа любой ценой. Они были носителями главной установки — на укрепление обороноспособности страны, — установки, которая формировала понимание необходимости создания отечественного ядерного оружия в максимально короткие сроки и высокое чувство ответственности за результаты труда.

Ключевыми фигурами социального ядра «атомной общности» были ученые, проводившие исследования в области ядерной физики, а также химики, математики, конструкторы, металлурги и другие специалисты, участвовавшие в разработке атомного оружия. Они были элитой этой социальной общности, в том смысле, что представляли собой верхний ее слой, занимая ведущие позиции по профессиональным, экономическим показателям и даже по властным критериям, принимая решения и обладая возможностью влиять на принятие решений политическими деятелями.

Ядерное научное сообщество не было однородным. Главными в проекте считались физики-теоретики, которые выдвигали идеи, обеспечивая работу всех остальных. Именно физики теоретики давали задания математикам, которые «рассчитывали» идею, экспериментаторам, в ходе эксперимента определявшим схему заряда, конструкторам, призванным воплотить в жизнь теоретическую модель. Основными активами, на основании которых выстраивалась иерархия, были человеческие ресурсы (знания, мастерство) и информация (доступ к секретным документам, степень владения полнотой информации, позволяющая представить масштаб всех работ).

Ядерное научное сообщество транслировало выработанный им ядерный этос, принимаемый и перенимаемый «периферией»: разработка атомного оружия морально допустима и даже необходима, если она ведет к предотвращению ядерной войны и ядерного омницида [З. С. 271].

Социальная «периферия» «атомной общности» сосредоточилась, главным образом, в закрытых атомных городах. Она может быть показана в виде «концентрических кругов», расходящихся от ядра и отражавших разные уровни приближения к процессу разработки и создания атомного оружия, включенности в производство и соответственно с этим — разные функциональные роли и особую социальную стратификацию.

В первый, наиболее приближенный «круг», входили работающие на секретных атомных объектах (по разработке ядерных зарядов, по производству делящихся материалов и ядерных боеприпасов). В дискурсе закрытых городов четко прослеживается мысль: «Убери завтра объект и остальным здесь делать будет нечего». По отношению к головному предприятию город находился в подчиненном, зависимом и, как правило, в сравнительно менее выгодном положении, что проявлялось в совокупности параметров, являвшихся маркерами социального благополучия (заработная плата, магазины, детские учреждения, жилищные условия и т.п.). Безоговорочное главенство атомных предприятий как смыслообразующих вело к формированию более высокого социального статуса у его работников, нежели у всех остальных горожан.

В свою очередь, работающие на градообразующем предприятии иерархизировались на основании полноты непосредственного участия в производстве атомного оружия. Чем более секретной и одновременно рискованной, более ответственной (и более высокооплачиваемой) была работа, тем она была престижнее и желаннее. В итоге те, кто работал в основных цехах и отделах, занимали более статусные позиции, чем те, кто работал во вспомогательных подразделениях. Обслуживающий персонал предприятия занимал более низкую ступень, чем обе вышеназванные категории.

Другим критерием, на основании которого выстраивалась стратификация, была профессиональная принадлежность. Уровень образования и образованности, качество жизни, обладание желанными благами (деньги, квартира, машина, дача)

возносили на высшую ступень научных и инженерно-технических работников. Эти профессиональные позиции воспринимались как предельная степень социального развития, возможная в условиях работы и жизни в закрытом городе. Причем они воспринимались таковыми как работающими на градообразующих предприятиях, так и неработающими.

По властным и меритократическим основаниям внутри страты научных и инженерно-технических работников выделялась референтная группа, которую образовывали местные руководящие научно-инженерные кадры. Для них было характерно сочетание высокого официального статуса (обеспеченного включением в номенклатуру отрасли) и неформального лидерства в своих коллективах. Последнее обуславливалось не только знаниями, опытом и деловыми качествами руководителей, но и тем, что в силу своего должностного положения они решали широкий круг вопросов, связанных не только с производством, но и с проблемами быта, самочувствия работников и психологического климата в коллективах.

Следующий, более отдаленный от ядра слой «периферии» «атомной общности», составляли остальные жители закрытых атомных городов, которые не работали на градообразующем предприятии и должны были обслуживать трудящихся комбината, долгое время не рассматриваясь как самостоятельная ценностная единица.

На границе «атомного сообщества» находились маргинальные группы — заключенные, военные строители, военнослужащие, имевшие свои специфические стратификационные пирамиды. Термин «маргинальные» употреблен в данном случае в том смысле, что в массе своей это были временные резиденты по отношению к основным социальным группам. Они участвовали на определенных этапах строительства (как заключенные и военные строители) или проходили сугубо военную службу, либо не задерживаясь в системе, либо оставаясь жить и работать в закрытых городах и тем самым образуя переходную группу (в наименьшей степени это касалось заключенных, которых выселяли из городов).

При всей этой многослойной структуре, разнообразных профессиях и позициях, а также разных социальных статусах люди, по сути, насильственно включенные в огосударственный институт корпоративного типа, тем не менее прочно иден-

тифицировали себя с ним. Образую «атомное сообщество», они ощущали себя не просто частью населения на особом положении, но частью единой исключительной системы, выполнявшей особую миссию. Они выработали свою субкультуру, в рамках которой социальное ранжирование выстраивалось на основании человеческих ресурсов, личных качеств и талантов, а интересы и ценности элиты были как никогда близки «массам».

Библиографический список

1. Атомная эра: вклад Академии наук: Электронный ресурс. URL: <https://www.ras.ru/atom/3dc4bd79-d28f-4863-ad05-fa8a175c8c49.aspx> (дата обращения — 15.08.2014).
2. Визгин В. П. Понятие ядерного сообщества — ключ к пониманию социокультурных особенностей советского атомного проекта // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: Годичная науч. конф. М., 2004. С. 326–328.
3. Он же. Этнос ученого-ядерщика: истоки и формирование (1940–1950-е гг., на материале истории советского атомного проекта) // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 261–276.
4. Володин Б. Рассказ профессора Балезина // Химия и жизнь. 1985. № 6. С. 16–20.
5. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
6. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
7. Докладная записка о состоянии работы с кадрами на объекте тов. Зернова П. М., 20 ноября 1950 г. // Экстремальные состояния Льва Альтшулера / сост.: Б. Л. Альтшулер, В. Е. Фортов. М., 2011. С. 464–474.
8. Записка И. В. Курчатова Л. П. Берии об ученых, привлечение которых необходимо для работ по проблеме // Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. Ч. 2. М., 2002. С. 162–164.
9. Записка И. В. Курчатова М. Г. Первухину о необходимости привлечения к работам Л. Д. Ландау и П. Л. Капицы // Атомный проект СССР... Т. I. Ч. 1. М., 1998.
10. Записка И. В. Курчатова М. Г. Первухину о привлечении к работам П. Я. Глазунова, В. И. Спицына и В. В. Фомина // Атомный проект СССР... Т. I. Ч. 1. М., 1998.
11. Илизаров С. С. «Свои чужие». Из истории социальной стратификации советской научной элиты // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: годичная науч. конф. М., 1999. С. 170–176.

12. Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917–1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996.
13. Кафтанов С. В. По тревоге // *Химия и жизнь*. 1985. № 3. С. 6–10.
14. Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2002.
15. Мельникова Н. В. Закрытые города Урала: своеобразие социально-демографических процессов (конец 1940-х — 1960-е гг.) // *Этнодемографические процессы на Севере Евразии: сборник науч. трудов / отв. ред. И. Л. Жеребцов. Вып. 2. Сыктывкар, 2005. С. 105–113.*
16. Она же. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006.
17. Основные сведения для обследования ведущих работников / *Материалы из архива РНЦ «Курчатовский институт» // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 120–124.*
18. Письмо И. В. Курчатова Уполномоченному ГКО по науке С. В. Кафанову о помощи Г. Н. Флерову в связи с его болезнью // *Атомный проект СССР... Т. I. Ч. 1. М., 1998.*
19. Приказ № 86 по Казанской группе ЛФТИ об организации Лаборатории № 2 // *Атомный проект СССР... Т. I. Ч. 1. М., 1998.*
20. Распоряжение ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану» // *Атомный проект СССР... Т. I. Ч. 1. М., 1998.*
21. Смирнов Ю. Н. Курчатов и власть // *Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 1. С. 31–52.*
22. Тектинер А. Участие евреев в защите СССР // *Заметки по еврейской истории: Сетевой журнал еврейской истории, традиций, культуры. 2013. № 5. Электронный ресурс. (дата обращения — 18.08.2014).*
23. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
24. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.
25. *Social Stratification. Class, Race and Gender in Sociological Perspective / ed. by David B. Grusky. Oxford, 2008.*
26. Teckenberg W. Die soziale Struktur der sowjetischen Arbeiterklasse im internationalen Vergleich. Auf dem Wege zur industrialisierten Standesgesellschaft? Munchen, Wien, 1977.
27. *Understanding Soviet Society. Edited by M. P. Sacks & J. G. Pankhurst. Boston, 1988.*
28. Yanowitch M. *Social and Economic Inequality in the Soviet Union: Six Studies. White Plains. N. Y., 1977.*

Melnikova Natalya Victorovna
Candidate of historical sciences

Senior researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences

**FORMING OF THE «NUCLEAR» COMMUNITY IN THE USSR:
SOCIAL ASSETS, «FILTERS» AND CONTOURS OF THE
STRATIFICATION**

The article offers a view on the nuclear military industrial corporation of the USSR as a social professional and territorial community. The author describes some assets (valuable qualities), social «filters» of inclusion into the «nuclear» community and limits of their force. Certain markers and main stratum of the community's social stratification are analysed.

Keywords: nuclear project of the USSR, social «nuclear» community, closed nuclear towns, stratification.

2. СОЦИАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 94(470)«17»

*А. С. Криворучко**

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ КАРТИНЕ ОБЩЕСТВА В УТОПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДВОРЯНСКИХ АВТОРОВ КОНЦА 50–60-Х ГГ. XVIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. СУМАРОКОВА И М. М. ХЕРАСКОВА)**

Рассматривая утопические произведения дворянских поэтов и публицистов А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова, автор статьи попытался выявить характерные для конца 50–60-х гг. XVIII в. взгляды представителей интеллектуальной элиты на идеальное государство и общество. Учитывая активизацию общественной мысли в эти годы, которые были связаны с событиями внутривосточного характера, представляется, что в сочинениях дворянских авторов с особой концентрацией отражены взгляды на то, каким должно быть государство и какие люди в нем могут проживать.

Ключевые слова: история России, вторая половина XVIII в., русская литература XVIII в., социально-политическая мысль в России XVIII в., сословия, монархия, российское дворянство, идеальное государство.

Puiffent tous hommes fe fouvenir qu'ils font freres!

Нума, или Прорцветающий Рим

XVIII в. является крайне важным периодом для истории российского дворянства. Именно к тому времени можно отнести складывание самосознания дворян как единого сословия, чему способствовала внутренняя политика правительства и представления о благородстве, проникавшие из европейской соци-

* *Криворучко Анастасия Сергеевна*, аспирант, младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), anastasiya.kr.1992@gmail.com.

** Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14–18–01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

ально-политической мысли. Как результат, к середине XVIII в. можно констатировать появление авторов, писавших от имени дворянства и к дворянству о различных проблемах социального устройства, включая проблему идеального государства и общества. Наиболее ярко данная тема отражена в ряде утопических произведений дворянских авторов, из которых прежде всего следует выделить А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова. Именно они на рубеже 50–60-х гг. XVIII в. занимались активной общественной деятельностью, стараясь с помощью издания первых частных печатных журналов распространить свои идеи. Ими начинает формироваться литературный собирательный образ идеального государства, в котором не было пороков и недостатков, присущих современному им миру.

Прежде всего следует обратить внимание на А. П. Сумарокова. Он, выросший в дворянской среде, получивший начальное образование вместе с детьми Нарышкиных у известного сербского педагога И. А. Зейкана, а потом продолживший его в Шляхетном кадетском корпусе [6. С. 185], был одним из первых, кто создавал предназначенную для публики из высшего света литературу, призванную доносить его идеи. Происхождение и несомненный талант позволили А. П. Сумарокову занять прочное место в литературном мире XVIII в.

Одним из центральных вопросов, который занимал А. П. Сумарокова и отразился в его утопических произведениях, был вопрос формы государственного правления. Его идеалом была монархия: «Монархическое правление, я не говорю деспотическое, есть лучшее» [8. С. 229]. Свою приверженность монархии как наилучшей форме правления Сумароков доказал в утопическом сочинении «Сон щастливое общество», опубликованном в последнем номере журнала «Трудолюбивая пчела». В данном произведении идеальным сумароковским государством руководит мудрый и справедливый монарх: «Страна сия обладаема великим человеком, которого неусыпное попечение, с помощью избранных ево помощников подало подвластному ему народу благоденствие» [9. С. 739]. При этом важную роль при монархе играет такой правительственный орган, как Государственный совет [2; 9. С. 741].

Ведя рассуждение о различных социальных группах, А. П. Сумароков особое внимание уделил духовенству. В утопическом обществе священнослужителей «светские почитают их безмерно», в то время как священнослужители «в светские дела

они не под каким видом не вмешиваются, а науки, благочестие, просвещением почитают» [9. С. 741]. Более того, духовенство ассоциировалось у автора с философами-стоиками, что лишний раз должно было подчеркнуть его добродетель [9. С. 740].

Также А. П. Сумароковым в обществе выделялись люди, должности которых напрямую были связаны с государственным управлением. В гражданской сфере — это «судьи» и «писцы». Первые должны были честно исполнять свои обязанности: «за малейшие взятки лишается судья и чина своево и всево имения» [9. С. 743], а последние пишут коротко и ясно [9. С. 742]. Что до военных порядков, то сумароковский военачальник должен был начинать свою карьеру с низших степеней, то есть с солдатских, а «остроумие и великое знание сверх того ему необходимы: первое для скорого проницания, а второе для благоразумнаго расположения ево предприятий» [9. С. 746].

Так же не менее важным представляется и его взгляд на традицию замещения должностей. В идеальном обществе они передаются по достоинствам, и «не имеют тамо люди ни благородства, ни подлородства, и преимуществуют по чинам данным им по их достоинствам, и столько же права крестьянской имеет сын быть великим господином, сколько сын перьваго Вельможи» [9. С. 743]. На первый взгляд может показаться, что А. П. Сумароков отрицал сословное общество. Однако представляется, что автор «Сна» не стремился к разрушению границ между сословиями. Таким образом он скорее хотел подтолкнуть самих дворян к получению образования, а также приобретению чинов через добросовестную службу.

Показательно, что описав положение монарха, духовенства, государственных служащих и военных, во «Сне» автор фактически не говорил о купцах, крестьянах и других неблагородных. Скорее всего, это можно объяснить тем, что А. П. Сумароков в своей утопии обращался прежде всего к тем, кто мог ее прочесть и как-то использовать ее принципы в реальной жизни.

Более подробную картину идеального государства и общества мы встречаем в другом утопическом произведении А. П. Сумарокова — так называемом «Другом хоре ко превратному свету», написанному по случаю карнавала «Торжествующая Минерва». Как писал Г. А. Гуковский, «в начале 1763 года в Москве, где в это время находились после коронации [Екатерины II — А.К.] двор и правительство, было устро-

ено грандиозное по тем временам народное театрализованное зрелище» [3. С. 169–170]. А. П. Сумароков принимал участие в организации торжества, целью которого было прославить новую императрицу — Екатерину II. «Маскарад должен был представить, — согласно Г. А. Гуковскому, — народу в лицах и образах те общественные пороки, против которых намерено было <...> вооружиться правительство» [3. С. 170]. Специально к этому событию А. П. Сумароковым был написан «Другой хор ко превратному свету»¹, названный литератором «утопией» и «сатирой на российскую современность» [3. С. 175]. Местом действия произведения было «заморское» государство, где есть место каждому слою общества, живущему счастливо в своем государстве.

Характеризуя государственных служащих, А. П. Сумароков, в частности, отметил:

«Дьяк там цуками не ездит,
Дьячихи алмазов не носят <...>
За нос там судей писцы не водят <...>
За морем подьячие честны,
За морем писать они умеют» [7. С. 279].

Здесь же мы находим упоминание и о благородных слоях, отличием которых являлись образование:

«Все дворянски дети там во школах,
Их отцы и сами учились» [7. С. 280].

Крестьянам в «Хоре» отводилась пассивная роль людей, которых просто не угнетали:

«Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют» [7. С. 280].

Эти строки скорее обращались к господам этих крестьян, призывая их к более гуманному отношению к своим крепостным, равно как и следующие:

¹ Уместно будет упомянуть о дискуссии между П. Н. Берковым и Г. А. Гуковским, развернувшейся в 1935 г. вокруг хора. П. Н. Берков оспаривал авторство А. П. Сумарокова, приписывая его Ф. Г. Волкову и М. М. Хераскову. Исследователь указывал, что в брошюре, посвященной празднику, не было указано имени А. П. Сумарокова. Кроме того, он привел ряд других доказательств своей точки зрения, в том числе и то, что сама фраза из «Хора» «за морем людьми не торгуют» противоречит крепостническим взглядам А. П. Сумарокова, который был против продажи крестьян без земли, но не против крепостничества в целом [1]. Однако Г. А. Гуковский в своих возражениях на статью Беркова привел целый ряд доказательств, которые, по нашему мнению, опровергают точку зрения П. Н. Беркова [5].

«Лучше работающий там крестьянин,
Нежели господин тунеядец» [7. С. 281].

Однако такое сравнение, во-первых, четко указывало на идеальную участь крестьянина — трудолюбиво работать на господина, а, во-вторых, своей целью имело исправление нравов «господ-тунеядцов».

Всего несколько строк было отведено и купечеству, среди которых главной стала, пожалуй, вот эта: «Там купец — купец, а не обманщик» [7. С. 281].

В целом главный принцип организации общества у А. П. Сумарокова был выражен таким образом:

«За морем нет тунеядцев.

Все люди за морем трудятся,

Все там отечеству служат» [7. С. 281].

Очевидно, таким образом, что по сравнению со «Сном» в «Другом хоре» А. П. Сумароковым было представлено больше сословных групп, которые удостоились специальных характеристик (дворяне, подьячие, купцы, крестьяне). Тем не менее адресат сочинения оставался прежним.

При этом можно сказать, что у А. П. Сумарокова для каждого сословия был свой «труд» и «служба». На первом месте в обществе у А. П. Сумарокова находился дворянин — добродетельный человек, роль которого в обществе — это справедливое управление непросвещенным крестьянством. По его мнению, помимо дворян, именно крестьяне составляли вторую основу. И тогда как первые должны были работать головой, руководя всем государством, вторые должны были работать на земле, их удел — физический труд. Но при этом, однако, дворяне не должны были забывать, что все равны как люди, и не должно обращаться с крестьянами как с рабами. В связи с этим уместно будет отметить, что автор «Сна» разводил понятия крестьянина-крепостного и раба: если первый был прикреплен к земле, то второй — к своему покровителю [4. С. 102].

Однако «Другой хор» не был поставлен на сцене карнавала, так как его текст не соответствовал цели праздника — возвеличить Екатерину II. Поэтому произведение было переписано. В итоге зрители увидели «Хор ко превратному свету», в котором вместо злободневных социальных тем был представлен диалог между соловьем и собакой, умеющей только лаять на заморские пороки.

В конце 1740-х — начале 1750-х гг. стала складываться-

ся особая группа поэтов, которая вошла в историю как школа А. П. Сумарокова. Ее лидером называют, как правило, М. М. Хераскова [4. С. 129] — близкого А. П. Сумарокову по взглядам другого представителя дворянства, который воспринял от своего учителя некоторые идеи как в литературном, так и в общественно-политическом планах.

Представления М. М. Херсакова об идеальном обществе ожили на страницах романа «Нума, или процветающий Рим», написанного во время работы екатерининской Уложенной комиссии. На русском языке произведение выдержало несколько изданий: в 1768 и в 1793 гг. вышли отдельные издания романа, а в 1803 и 1809 гг. он был опубликован в составе собрания сочинений М. М. Хераскова.

Главный герой романа — Нума Помпилий — легендарный царь древнего Рима, известный по описаниям Плутарха. Для Хераскова Нума — это образец идеального государя-философа. До своего избрания в римские цари он вел скромной образ жизни, «пахал землю, стерег малое свое стадо» [10. С. 9]. Это должно было подчеркивать его умеренность и добродетельность, а отнюдь не низкое происхождение. По М. М. Хераскову «Нума не всегда был пустынный; природа произвела его не для бедственного и низкого состояния; предки его были знатны, а свойственники цари» [10. С. 10]. В результате за свои большие добродетели он был избран в римские цари [10. С. 12]. Согласно замыслу автора, миссия Нумы состояла в том, чтобы дать начало «сему щастливому государству», в котором «сей народ любезный богам, при самом рождении истребляется; пятидневные его начальники, Сенаторы Римские <...> общее благополучие непрестанно его разрушают» [10. С. 24].

Особым достоинством нового римского царя называлось стремление прислушиваться к своим подданным, так как «достойные Государи не гнушаются советами своих подданных, когда от искренняго сердца они проистекают; а паче от людей в отправлении дел искусившихся» [10. С. 113]. Стоит ли удивляться, что не только вельможи, но и простой народ был счастлив видеть Нуму на престоле: «Когда Нума приближался ко стенам Римским, провождаем Вельможами и воинами, тогда собравшиеся из окрестных мест пастухи и пастушки поспешали во след ему. Нума будет нашим Государем, во-

пияли они» [10. С. 29]. На протяжении всего романа Нума с отеческой любовью и заботой относился ко всему своему народу, вне зависимости от социального происхождения, в том числе и к землепашцам: «Тако Нума привлекает народ свой к землепашеству, от которого зависит благосостояние государства... Рим одевается извне новыми красотоми, которые одна натура во своих недрах имеет, и чувствам подает нежное оживление, награждая прилежного земледельца» [10. С. 155–156].

В идеальном государстве Хераскова все трудились, и «вельможи вместе с земледельцами труды разделяют». При этом назначения во власть производились не столько на основании знатного происхождения, сколько на основании личных достоинств человека. В херасковском Риме и «простолюдины, сияющие многими достоинствами», могли быть вельможами, так как не знатная порода, а только «разум, учение и доброе сердце» давали возможность получить желаемые чины и «подкрепить род». Поэтому «все римляне начали попечение иметь о своих детях, начали приводить их склонности и дарования в лучшее совершенство; ибо предусматривали они, что когда не богатства и не природа, но одни добродетели и способности ко получению высоких чинов были средством, то каждый имел право и надежду учиниться щастливым, только бы имел он разум, знание и доброе сердце» [10. С. 176]. Здесь мы видим явную параллель с творчеством Сумарокова и его идеями утопического государственного строя.

По мысли Херсакова, Нума смог построить практически идеальное государство: «Коль приятно воображению сельское житие и не порочные труды земледельцов! Но какое почтение раждается в сердце нашем, когда представляем низшедшаго Монарха со престола ко упражнениям поселянским; Вельможей оставляющих свою пышность во стенах градских и вместе с земледельцами труды разделяющих!» [10. С. 160]. Однако сам автор романа подтверждал утопичность своего произведения: «Но ежели нет совершенно благополучных обществ на земле, то пусть они хотя в книгах находятся, и утешают наши мысли тем, что и мы со временем можем учиниться совершенно щастливыми» [10. С. 177–178]. В итоге «щастливо то общество, которое незатворенными очами избирает правителя своей воли; которое находит человека достойнаго быть судьей всенародным,

и управлять вождями царства по правилам мудраго отца» [10. С. 47], «щастливы народы благоразумных Государей имеющие, и щастливы Государи послушных воле их подданных имеющие» [10. С. 147].

Итак, можно суммировать, что по общему мнению А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова государству следует быть монархическим и сословным, при том что у каждого сословия будет свое предназначение, своя роль. Вместе с тем подчеркивалось, что чины в таких обществах получались по заслугам, и, говоря об этом, авторы могли даже дойти до отрицания сословного государства. Однако не стоит смотреть на это столь прямо — возможно, таким образом и А. П. Сумароков, и М. М. Херасков пытались лишь утрировать ситуацию для стимулирования дворянства к получению образования и, как следствие, высоких государственных чинов.

Библиографический список

1. Берков П. Н. «Хор ко превратному свету» и его автор // XVIII век. Сборник статей и материалов / под ред. акад. А. С. Орлова. М.; Л., 1935. С. 181–202.
2. Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 110–139.
3. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х годов. М.; Л., 1936.
4. Он же. Русская литература XVIII века. М., 1998.
5. Он же. О «Хоре ко превратному свету» (Ответ П. Н. Беркову) // XVIII век. Сборник статей и материалов / под ред. акад. А. С. Орлова. М.; Л., 1935. С. 203–217.
6. Словарь русских писателей XVIII века. Вып/ 3 (Р–Я) / отв. ред. А. М. Панченко. СПб., 2010.
7. Сумароков А. П. Другой хор ко превратному свету // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 279–281.
8. Он же. Некоторые статьи о добродетели // Полное собрание сочинений в стихах и прозе. Ч. VI. М., 1787. С. 225–263.
9. Он же. Сон щастливое общество // Трудолюбивая пчела: декабрь, 1759. С. 738–747.
10. Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. Изд. 2, переправленное и доп. М., 1793.

Krivoruchko Anastasiya Sergeevna
Post-graduate student

Junior researcher of the Laboratory of Primary research sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltzin

Junior researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences

**THE UNDERSTANDING OF THE SOCIAL PICTURE OF THE
SOCIETY IN THE UTOPIAN WORKS OF THE NOBLE AUTHORS
AT THE END OF THE 1750–1760s (BASED ON WORKS OF
A. P. SUMAROKOV AND M. M. KHERASKOV)**

Considering the utopian works of the noble writers and publicists in the 1750–1760s A. P. Sumarokov and M. M. Kheraskov the author of this article tries to depict the ideal state and society in the views of the intellectual elite of that time. Taking into account the escalation of social thought in that period associated with the events of domestic policy, the noble authors' views on the question touching the state and society had to be reflected with special concentration in their works.

Keywords: History of Russia, the second half of the 18th century, Russian literature of the 18th century, Russian social-politic thought in the 18th century, class, monarchy, Russian nobility, the utopian government.

**ВОСПРИЯТИЕ СТАТУСА СЕЛЬСКИХ СУДЕБНЫХ
ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИИ КОНЦА XVIII В.
(НА ПРИМЕРЕ ИНЦИДЕНТА
В НИЖНЕЙ РАСПРАВЕ ВЕРХОТУРЬЯ)****

Статья посвящена вопросу об определении правового статуса сельского заседателя в созданной «Учреждениями для управления губерний всероссийской империи» 1775 г. судебной системе. На примере нижней расправы Среднего Урала исследуется интеграция сельских заседателей в отправление правосудия, а также их готовность к несению государственной службы.

Ключевые слова: нижняя расправа, сельский заседатель, Средний Урал, судебная реформа Екатерины II, определение правового статуса.

Инспирированные идеями западно- и средневропейского Просвещения «Учреждения для управления губерний всероссийской империи» («Учреждения») от 7 ноября 1775 г. привели к модернизации и рационализации судебной системы и судопроизводства. Этот законодательный акт описывает создание сложной судебной системы, предусматривающей четыре инстанции по вертикали, первые две из которых были представлены сословными судами. Помимо частично осуществленного разделения законодательной и исполнительной ветвей власти, состоялось полное разделение уголовного и гражданского права, а также следствия и судопроизводства. Кроме того, законодатель впервые предусматривал активную и пассивную интеграцию свободного сельского населения в государственную правовую и судебную систему. Сравнительно точные данные по составу судейского аппарата, по судопроизводству, по ходу судебного процесса и процедуре отправления правосудия, а также по формированию системы контроля, превентивных мер и наказания за должностные правонарушения, дают представле-

* Плате Алисе, аспирант, младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), aliceplate@mail.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

ние о том, как в глазах законодателя в идеале должен функционировать суд.

Более того, путем определения прав и обязанностей «Учреждения» дают представление о правовом статусе, который государство в рассматриваемый период было готово предоставить отдельным группам населения. Это представляется особенно значимым в случае свободного сельского населения, в состав которого, согласно закону, вошли *«одноворцы <...>, или черносошные, или государственные крестьяне, приписные к каким не есть местам или заводам»* [16. Т. 20. № 14392. Ст. 335]. Если не учитывать принятие отдельных нормативно-правовых актов, которые демонстрируют попытки реализации некоторых пунктов запланированной Жалованной грамоты государственным крестьянам на локальном уровне, как, например, «Наставление на постановление волостных судов» пермского и тобольского генерал-губернатора Е. П. Кашкина [18. С. 100–104] или указ об «Установлении сельского порядка» от 1787 г., изданный с целью преобразования поселений государственных крестьян Екатеринославской губернии, законодательство Екатерины II по вопросам изменения их правового статуса в итоге не выходило за пределы уставов «Учреждений» 1775 г. [12. С. 23; 15. С. 29].

Вопрос о правовом статусе свободного сельского населения до сих пор мало освещен в специальной литературе. Распространенного в дореволюционной историографии мнения о том, что представители от крестьян и в специально для них созданных судах не смогли защищать свои интересы из-за преобладающего там дворянского элемента [7. С. 126; 11. С. 125], придерживались в своих трудах и исследователи советского периода. Однако, согласно господствовавшему классовому подходу, последние рассматривали вовлечение податного населения в деятельность судебных органов лишь как пустое обещание, а сами «Учреждения» часто оценивались ими как произведение в реальности неосуществимого *«демагогического искусства соблазнения»* [1. С. 490; 9. С. 124; 14. С. 490]. Пессимистическая оценка по данному вопросу встречается и в работах некоторых современных авторов [17. С. 63–64; 19. С. 33–34]. Выразенно ревизионистский взгляд на проблему разделяет, в отличие от многих ученых, челябинский историк права В. А. Воропанов. В своих исследованиях он подчеркивает, что созданные Екатериной II суды для свободного сельского населения функциониро-

вали эффективно, так как учитывали местные и культурные особенности территории. Судебная реформа Екатерины II способствовала интеграции сельского населения в государственную судебную систему и создавала условия для формирования активной позиции в процессе осуществления правосудия [2. С. 149; 3. С. 44–49].

Согласно «Учреждениям» наместник или губернатор по собственному усмотрению имел право на учреждение суда, так называемой нижней расправы, для 10–30 тысяч душ мужского пола [16. Т. 20. № 14392. Ст. 34, 35, 335, 337] в тех уездах, где доля свободного сельского населения составляла не менее 30 % жителей [20. С. 282]. Состав нижней расправы укомплектовывался из назначенного губернским правлением расправного судьи 9 класса (чин — в соответствии с Табелью о рангах) [16. Т. 20. № 14392. Ст. 52], и восьми избираемых сельских заседателей сроком на три года. Двое из них служили в нижнем земском суде, а еще двое — в совестном суде, вследствие чего, в конечном счете, в заседаниях нижней расправы участвовали четыре сельских заседателя [16. Т. 20. № 14392. Ст. 35, 74, 75, 335, 337]. Верхние расправы, то есть суды, которым подчинялись нижние расправы, учреждались в тех губерниях, где на уездном уровне работала, по меньшей мере, одна нижняя расправа [16. Т. 20. № 14392. Ст. 38, 350]. Как и другие суды второй инстанции, верхняя расправа состояла из двух назначаемых судей, которые принадлежали к 7 классу [16. Т. 20. № 14392. Ст. 52], и 10 сельских заседателей, равномерно распределявшихся по обоим департаментам [16. Т. 20. № 14392. Ст. 37, 351]. Как нижняя, так и верхняя расправы в своих функциях и полномочиях практически не отличались от судебных учреждений первой и второй инстанций, созданных для дворянства и городского населения.

В созданном в 1781 г. на среднем Урале Пермском наместничестве нижние расправы были открыты в 11 из 15 уездов, расположенных по обоим склонам Уральского хребта: 4 — в Предуралье, 7 — в Зауралье. Соответственно в центрах обеих областей — Перми и Екатеринбурге — были созданы верхние расправы. В указанные учреждения, согласно законодательству, предполагалось направить 108 сельских заседателей.

В задачи и обязанности названных судов входила защита интересов свободного сельского населения уезда или губернии в сфере гражданского и уголовного права. При этом местному

населению было предоставлено право через своих представителей принимать участие в осуществлении правосудия и таким образом до определенной степени активно влиять на него. Согласно закону свободное сельское население каждого судебного округа было вправе избирать одного кандидата на 500 душ мужского пола сроком на три года. В качестве кандидатов рассматривались *«люди достойные, беспорочные»* [16. Т. 20. № 14816]. Что именно законодательство подразумевало под этим, в самих *«Учреждениях»* сформулировано не было. Вместе с тем критерии выбора для депутата, представлявшего свободное сельское население, перекликались с критериями выбора депутатов Уложенной комиссии, согласно которым кандидат, кроме моральной безупречности и отсутствия судимости, должен быть не моложе тридцати лет, являться главой семьи и владеть земельным участком [8. С. 302]. Кроме изъявленного желания о минимальной грамотности (умение читать и писать) [6. С. 269], других формальных требований к потенциальному кандидату установлено не было.

Как и заседатели судебных учреждений для дворянства и городских жителей, сельские заседатели были присоединены к судейскому аппарату [16. Т. 44. Ч. 2. № 17420. С. 257]. Однако, в отличие от дворянских и городских заседателей в уездных судах и магистратах, которые занимали должности в соответствии с 10 классом [16. Т. 20. № 14392. Ст. 53], должность сельского заседателя не предполагала жалованья, установленного Табелью о рангах. По этой причине сельским заседателям не выплачивалось регулярного жалованья. Правда, за работу в органах суда законодательство в виде вознаграждения закрепило норму о возмещении их расходов в размере 60 рублей в год [16. Т. 44. Ч. 2. № 17420. С. 257]. Кроме того, в качестве компенсации за их деятельность, для сельских обывателей были предусмотрены привилегии: *«пока в должности пребывают, то без суда не коснется до них наказание ни от кого»*. Нормативными актами также формулировалось обещание, апеллировавшее к их чувству чести: *«по прошествии же срока да почнутся они первыми в селениях своих между их равными»* [16. Т. 20. № 14392. С. 58].

Несмотря на то, что государственная власть законодательно определила права и связанные с ними обязанности для каждой группы населения, они не всегда реализовывались на

практике. Не факт, что адресная группа имела желание и, что, кажется не менее важным, была в состоянии осознанно пользоваться предоставленными правами; это, в свою очередь, могло сказаться на их готовности выполнять соответствующие обязанности.

Относительно вопроса, насколько свободное сельское население Среднего Урала было готово сотрудничать с государственной властью, в современной научной литературе существует два взгляда. В. А. Воропанов в своих исследованиях констатирует, что у сельского населения Среднего Урала по причине их происхождения преимущественно из государственных крестьян Европейского Севера страны имелся давний опыт в делах самоуправления и общения с органами государственной администрации, поэтому еще до введения «Учреждений» им был свойственен сравнительно высокий уровень правосознания, что выражалось в готовности к несению обязанностей сельского заседателя [2]. Н. А. Миненко, напротив, подчеркивает, что на Среднем Урале, где крестьянство ко второй половине XVIII в. состояло не только из переселенцев с Европейского Севера, но и из крестьян зоны помещичьего землевладения (регионы Среднего Поволжья), пришедших на Урал в результате колонизационных потоков, произошло объединение крестьянских традиций [12. С. 25, 73; 12. С. 28–32]. При оценке активности сельского самоуправления, Средний Урал, по мнению исследователя занимает особое место, так как ситуация приписных к заводам крестьян, попавших тем самым под давление со стороны горнозаводского управления, помешала развитию самоуправления, вследствие чего их статус, в конечном счете, стал практически равноценен статусу помещичьих крестьян [12. С. 375].

Крайне сложно найти однозначный ответ на вопрос, как воспринималась идея активного привлечения сельского населения к отправлению правосудия на самом деле, насколько в названных судебных учреждениях сельским заседателям было действительно возможно принимать участие в процессе отправления судопроизводства, насколько были выражены их потребности и способности защищать собственные интересы перед судом. Что касается заседателей нижних расправ в Алапаевске, Верхотурье и Екатеринбурге, доказательством их фактического присутствия на месте службы являются подписи

под несколькими документами¹, или, как в большинстве случаев по причине низкого уровня грамотности, проставленный штамп с их инициалами².

На наш взгляд, реальное представление о пользе и незаменимости заседателей как членов присутственного аппарата, а также о том, как они сами относились к своим служебным обязанностям, может дать инцидент, произошедший в 1785–1786 гг. в нижней расправе Верхотурья. В феврале 1786 г. расправному судье Г. Сажину поступило напоминание из областной прокуратуры, в котором указывалось, что в предыдущем году при выписке отпускового свидетельства для сельских заседателей в последнем не была указана дата окончания их отлучки³.

Как показывает ряд документов, зафиксированных в журнале данного суда за 1786 г., проверка вызвала повышенный интерес к вопросу о присутствии заседателей на месте службы. Теперь они должны были письменно фиксировать обязательство о своевременном возвращении из своих домов, куда им разрешалось отлучаться в периоды занятости неотложной сельскохозяйственной работой, а также в связи с праздниками⁴. В случае задержки, вызванной уважительной причиной, как например, заболеванием в родной деревне, практиковалась проверка истинности этого факта с помощью исповеди и принятия святой присяги⁵. Дополнительным надежным доказательством считалось письменное подтверждение этой причины местным должностным лицом⁶. Помимо прочего, важным рычагом дисциплинарного воздействия в таких случаях стали коллективные штрафы. В случае отсутствия одного сельского заседателя к ответственности привлекались все остальные: *«а буде я, Дружинин, на сей срок к своей должности не явится, то буде штраф каждого по десяти рублей»*⁷.

Повышенная активность и принятие дисциплинирующих мер с целью обеспечить присутствие сельских заседателей на месте службы, без сомнения, свидетельствуют о стремлении выполнить все формальные требования, чтобы не рисковать

¹ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 3. Л. 4; Д. 5. Л. 4, 8, 59; Д. 8. Л. 7–9; Д. 12. Л. 3, 6, 10–11; ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 107. Л. 20.

² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 135; Д. 151. Л. 5, 16; Д. 219. Л. 2–4; Д. 349. Л. 8, 10, 12.

³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 71.

⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 75.

⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 71.

⁶ Там же. Л. 102–103.

⁷ Там же. Л. 45.

штрафными санкциями в случае повторной ревизии. К тому же подобная реакция, весьма вероятно, указывает на то, что в данном учреждении прежде не слишком внимательно относились к вопросу о присутствии сельских заседателей, и не исключено, что такая практика сложилась и вовсе по обоюдному согласию всех заинтересованных сторон.

Однако такое поведение сельского населения нельзя считать формой умышленного отказа от несения службы из-за недоверия к представителям государственной власти. Точно также это не обязательно означало, что остальные члены судейского аппарата относились к ним равнодушно или даже с презрением, как это порой представлено в научной литературе [5. С. 1–11; 19. С. 34]. Более вероятной кажется точка зрения, согласно которой обе стороны, по крайней мере в первые годы после вступления в силу «Учреждений» в Пермском наместничестве, испытывали сложности в согласовании требований новых законов с местными условиями. Представляется, что из-за низкого уровня гражданско-правовой культуры большинство сельских заседателей того периода, возможно, и при желании не смогли бы оценить дарованные им права. По той же причине для расправных судей, наверное, было затруднительным восприятие сельских заседателей как полноценных членов присутственного аппарата, которых положено было интегрировать в совместный процесс отправления правосудия.

В исследованных автором к настоящему моменту документах уже упоминавшейся нижней расправы засвидетельствован еще один инцидент, говорящий об использовании одного из сельских заседателей в иных целях. В частности, нами выявлен случай направления сельского заседателя на Ирбитскую ярмарку для покупки канцелярских принадлежностей⁸. Думается, что в этом нельзя увидеть пренебрежительное отношение к последнему, а, скорее всего, компромиссное действие, учитывающее условия действительности. Такой взгляд вовсе не оспаривает мнения о том, что присутствие заседателей в судах вследствие их культурных и социальных связей с жителями деревень и поселков психологически облегчало им доступ к государственно-правовой системе и тем самым в значительной мере способствовало постепенному развитию их правосознания [2. С. 149]. Такое видение, однако, сомнительно потому, что

⁸ ГАСО. Ф. 491.Оп. 1.Д. 111. Л. 74.

в ретроспективной регионе представители сельского населения, особенно в первые годы после применения «Учреждений», осознанно пользовались статусом, предоставленным им законодателем. Именно подобные сомнения, возможно, возникли и у самого законодателя, подвигнув его к внесению в «Учреждения» дополнения о том, что сельские заседатели могли происходить *«из дворян, или ученых людей, или из чиновных людей, или из разночинцов»* [16. Т. 20. № 14392. Ст. 75].

Кроме того, это дополнение указывает на неоднозначную позицию, которую законодатель занимал относительно определения правового статуса сельского заседателя. Согласно закону, последние являлись членами судейского аппарата; причем их ценность, состоявшая в олицетворении двух ключевых элементов (сословность и выборность) административно-судебных реформ Екатерины II, для законодателя носила, скорее всего, символический характер. Несомненным признаком привилегированного статуса сельских заседателей можно рассматривать упомянутое возмещение расходов в размере 60 рублей в год, получаемое ими за несение службы. Таким образом, их позиция четко отличалась от положения служащих канцелярского аппарата. Последние, несмотря на то, что круг их служебных обязанностей был формально определен, получали свое сравнительно низкое жалование лишь из предоставленного каждому учреждению законодателем общего бюджета [16. Т. 44. Ч. 2. № 17420. С. 255–257], который, как показывает журнал нижней расправы Екатеринбург, мог оказаться и ниже рекомендованной законом суммы⁹. С другой стороны, сельским заседателям, проходившим службу в судах первой и второй инстанций, не было предоставлено регулярного жалования; в этом они отличались от дворянских и городских заседателей, которые занимали должности в соответствии с 7–10 классам по Табели о рангах [16. Т. 44. Ч. 2. № 17420. С. 255–257]. Как представляется, в таком решении законодателя финансовые причины играли не меньшую роль, чем политические соображения. Несмотря на наличествовавшую готовность интегрировать свободное сельское население в официальную судебную систему, на предоставление чина представителям крестьянского сословия правительство, в конечном счете, не решилось. Принятие такого, не учитывающего межсословных отношений, шага, как, на наш

⁹ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.

взгляд совершенно правильно отметил А. Б. Каменский, ссылаясь на О. А. Омельченко [10. С. 430], оказалось бы немислимым в условиях России второй половины XVIII в.

Библиографический список

1. Виленский Б. В. Подготовка к судебной реформе 20 ноября 1864 года в России. Саратов, 1963.
2. Воропанов В. А. Практика местного правосудия: государственные суды для сельских обывателей Оренбургской губернии в последней четверти XVIII — начале XIX в. // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 137–160.
3. Он же. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780–1869 гг. Челябинск, 2005.
4. Он же. Власть и население в российской провинции: опыт сотрудничества в губернских органах управления и суда (последняя четверть XVIII в.) // *Научный вестник Уральского академии государственной службы*. 2008. № 3(4). С. 140–146.
5. Гессен В. М. О судебной власти // *Судебная реформа: сборник статей: в 2 тт.* / под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М., 1915. Т. 1. С. 1–15.
6. Готье Ю. В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. М., 1941. Т. 2.
7. Градовский А. Д. Собрание сочинений А. Д. Градовского. Т. 9: Начала русского государственного права. Ч. 3: Органы местного управления. СПб., 1904.
8. Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910.
9. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
10. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVI–II в. (Опыт целостного анализа). М., 2001.
11. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст.: Исторический очерк. М., 1910.
12. Миненко Н. А. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX века. М., 2003.
13. Побережников И. В. Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала XVIII–XIX вв. // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 19–37.
14. Павлова-Сильвянская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II. // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сборник статей*. М., 1964. С. 460–491.
15. Писарькова Л. Ф. Развитие местного управления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // *Отечественная история*. 2001 № 2. С. 25–39.

16. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830.
17. Смыкалин А. С. Судебная система российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XV–XVIII вв.) // Вопросы истории. 2004 № 8. С. 49–69.
18. Суворова Н. Г. Нормативная база крестьянского суда в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вестник Томского университета. № 312 (июль 2008). С. 100–104.
19. Baberowski J. Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a. M., 1996.
20. Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. London, 1981.

Plate Alice

Post-graduate student

Junior researcher of the Laboratory of Primary research sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltzin

**PERCEPTION OF THE RURAL ASSESSORS' LEGAL STATUS
IN RUSSIA IN THE LATE 18TH CENTURY (ON THE EXAMPLE
OF AN INCIDENT TAKEN PLACE AT THE LOWER SUMMARY
COURT OF VERKHOTURYE)**

The article is devoted to the definition of the rural assessors' legal status in the court system founded according to the «Statue of Administration of the Provinces of 1775». The author studies by the example of the lower summary court in the Central Urals to what a degree the rural assessors were integrated into legal proceeding and estimates their willingness to take part in state service.

Keywords: lower summary court, rural assessor, Central Urals, legal reforms of Catherine II, definition of the legal status.

*Д. В. Тимофеев**

**«ЧТОБ НЕ БЫЛИ ЗАКРЫТЫ НИКОМУ ПУТИ ПЕРЕХОДА
ИЗ ОДНОГО СОСТОЯНИЯ В ДРУГОЕ»:
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА****

На основе анализа российского законодательства и материалов делопроизводства первой четверти XIX в. показана условность «свободы перехода из одного состояния в другое» и формирование различных моделей поведения представителей податное население, направленных как на уменьшение внутрисословной конкуренции, так и на присвоение элементов «чуждого» социального статуса.

Ключевые слова: история понятий, сословие, состояние, свобода перехода, социальная история, социальная мобильность, российское законодательство XIX в.

Одной из важнейших характеристик социальной структуры российского общества XVIII–XIX в., во многом определявшей особенности экономического и социально-политического развития страны, было наличие сословной и внутрисословной дифференциации. При этом следует отметить, что само понятие «сословие» на рубеже XVIII — первой четверти XIX в. еще не имело четко определенного значения [10. С. 123–162]. Так, например, составители «Словаря академии российской»¹ объясняли читателям, что «сословие — собрание, число присутствующих где особ» [8. С. 544], или «общество, состоящее из известного числа членов» [7. С. 395], а М. М. Сперанский писал о «законодательном сословии» как группе лиц, причастных к системе обсуждения наиболее важных вопросов [9. С. 23–25].

* Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), dmitrim@yandex.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14–18–01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

¹ Косвенным подтверждением того, что понятие «сословие» еще не рассматривалось в качестве основного при описании социальной структуры общества, является его размещение не в отдельной словарной статье, а в списке понятий, имевших корень «слов».

Одновременно с такой трактовкой понятие «сословие» могло использоваться и для обозначения различных по своему функциональному назначению и уровню «просвещения» категорий населения. В записке «Опыт о просвещении относительно к России» И. П. Пнин упоминал о «гражданском сословии», которое «должно непременно составлено быть из мужей истинно достойных, опытных и благонамеренных, известных обществу сколько по добродетели своему, столько по способностям и усердию» [4. С. 585, 600–622], но, одновременно, предлагал «руководство к просвещению главнейших государственных сословий»: «земледельческого, мещанского, дворянского и духовного». Аналогичное деление общества, выделяя при этом в качестве самостоятельного «купеческое сословие», использовал в черновых «записках для памяти» и Н. С. Мордвинов [1. С. 54].

Однако, наряду с понятием «сословие», для описания *юридически значимых различий*, дифференциации прав и обязанностей российских подданных *основным* было понятие «состояние». Именно «*состояние*», а не «сословие» доминировало в законодательстве и официальном делопроизводстве Российской империи в первой половине XIX в. В данном контексте показательно, что в «Проекте манифеста дополнительного закона о состояниях» подчеркивалось, что «коренными государства нашего законами издревле установлены в нем четыре главные *состояния*: дворянство, духовенство, гражданство и крестьянство» [6. С. 363]. Понятием же «сословие» обозначались различные категории внутри указанных «состояний»: «дворянское состояние» включало в себя «сословие личных» и «сословие потомственных дворян»; «состояние гражданства» — купеческое и мещанское «сословие»; «крестьянское состояние», подразделявшееся на «сословие крестьян казенных» и «сословие крестьян помещичьих» [6. С. 364–366].

Формально на протяжении всего XIX в. власть неоднократно заявляла о возможности перемещения человека в социальном пространстве. В проекте манифеста об установлении закона «О состояниях» необходимость юридического оформления «свободы перехода» обосновывалась следующим образом: «<...> чтоб не были закрыты никому пути перехода из одного состояния в другое, но чтоб переход сей совершался в пределах, законом определенных <...>, дабы таким образом все состояния, не сливаясь одно с другим, но каждое, пользуясь своими правами, действуя своими средствами, и как разные члены одного великого

семейства, помогая одни другому, все соединялись в одном желании: славы и благоденствия любезного отечества Нашего» [6. С. 367]. Обозначенная таким образом идеальная модель предполагала создание четких и понятных правил перемещения человека в социальном пространстве. Однако в действительности *единых правил*, определявших возможность воспользоваться «свободой перехода» *не существовало*.

В первой четверти XIX в. для представителей каждой сословной и внутрисословной группы государство посредством многочисленных указов, манифестов, внутриведомственных инструкций и положений устанавливало особый порядок изменения социальной позиции. Такое положение было обусловлено не только отсутствием кодифицированной системы права и изданием огромного количества нормативных актов, с помощью которых происходила корректировка и дополнение предшествующего законодательства, но и тем, что «свобода перехода» предполагала изменение сферы деятельности индивида, утрату или приобретение каких-либо дополнительных прав, привилегий и обязательств перед государством.

Особое внимание к вопросам юридического оформления «свободы перехода» власть уделяла в отношении так называемых «податных состояний» — купечества, мещанства и крестьянства, так как именно эти категории населения являлись основным источником финансовых поступлений в казну, и, следовательно, государство вынуждено было следить за тем, чтобы любые перемещения подданных в социальном пространстве не приводили к снижению общей суммы налоговых выплат.

Утилитарное отношение государства к «свободе перехода в другое состояние» отчетливо просматривается в законодательстве, регламентировавшем положение купечества. Сохранение фискальных интересов казны являлось основным условием реализации права на переход мещан и государственных крестьян в купечество. Порядок их «записи в новое состояние» был определен указами 24 октября 1804 г., 14 июня 1808 г., 19 августа 1808 г. и 19 августа 1820 г., в соответствии с которыми государственный крестьянин или мещанин, переходивший в купечество, должен был до следующей ревизии платить налоги как по «прежнему», так и по «новому состоянию» [5. Т. XXVIII, 1804. № 21.484. С. 546–547; Т. XXX, 1808. № 23.092. С. 325–326; Т. XXX, 1808. № 23.240. С. 543–544; Т. XXXVII, 1820. № 28.389.

С. 420–423]. Исполнение данного условия предполагало, что крестьянин предварительно получал «удостоверение увольняющего его мирского общества, что на нем никаких поселянских повинностей и недоимок нет». Одновременно с этим необходимо было представить письменное согласие «принимающего градского общества», которое либо соглашалось платить подушную подать за своего нового члена до следующей ревизии по «прежнему его крестьянскому состоянию», либо могло требовать от него соразмерную денежную сумму. Очевидно, что подобные финансовые обязательства существенно затрудняли реализацию демонстративно заявленного властями права на «свободу перехода в другое состояние», так как далеко не у всех, кто заявлял о желании изменить сословную принадлежность, были необходимые денежные средства. Именно поэтому общее количество крестьян, перешедших в мещанство и купечество в период с 1782 по 1811 г., составляло всего около 25 тыс. человек [3. С. 170–177].

Те же из крестьян и мещан, кто имел возможность исправно выплачивать все налоги и подати в переходный период, должны были записаться в одну из гильдий, главным критерием принадлежности к которой был размер объявленного капитала. В манифесте от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» [5. Т. XXIX, 1807. № 22.418. С. 971–979] власть не только подтвердила существовавшее ранее разделение купечества на три гильдии, но и учредила новую внутрисословную категорию «первостатейный купец» [5. ПСЗ. Т. XXIX, 1807. № 22.418. С. 976–977]. В дальнейшем, осенью 1807 г., были повышены пороговые значения «объявленного капитала», необходимого для зачисления в гильдии: претенденты на звание купца первой гильдии должны были объявить о наличии у них 50 тыс. руб., второй гильдии — от 20 тыс. руб., третьей гильдии — 8 тыс. руб. [5. Т. XXIX, 1807. № 22.678. С. 1321]².

В случае невозможности исполнения финансовых обязательств перед торговыми партнерами и государством прави-

² Логическим завершением политики Александра I по юридическому закреплению внутрисословной дифференциации было издание 14 ноября 1824 г. «Дополнительного постановления об устройстве гильдий и торговле прочих состояний», которое вводилось в действие с 1 января 1825 г. [5. Т. XXXIX, 1824. № 30.115. С. 588–612].

тельство предоставляло подданному изменить свою сословную принадлежность. В соответствии с указом 18 апреля 1802 г. «О дозволении купцам и мещанам безуездных городов переписываться в государственные крестьяне», «свобода» трактовалась как возможность перехода по собственному желанию в другое «состояние» в случае, если по каким-либо причинам индивид не мог обеспечить свою семью и своевременно выплачивать все установленные законом налоги [5. Т. XXVII, 1802. № 20.235. С. 107–108]. Тем самым государство заявляло, что любые социальные перемещения должны способствовать достижению «общего блага», а следовательно, одновременно должны быть полезны и государству, и самим подданным, которые теоретически, в рамках податных состояний, могли изменять свою социальную принадлежность в зависимости от уровня материального благосостояния.

Несколько иная логика предоставления «свободы перехода в другое состояние» прослеживается в отношении самой многочисленной группы — частновладельческих крестьян. В отношении данной категории российских подданных «свобода перехода» была связана не только с необходимостью осуществления значительных финансовых выплат самими крестьянами, но главным образом с готовностью помещиков освобождать своих крепостных крестьян и дворовых людей. Решение освободить означало не просто желание помещика, но и его согласие платить подушную подать за «отпущенных на волю» крепостных крестьян до новой ревизии. Бывший крестьянин выплачивал государству только то, что должен был по «новому состоянию» [5. Т. XXXVII, 1821. № 28.577. С. 650–651]. Если же право на «свободу перехода» реализовывал не крепостной крестьянин, а уже «свободный хлебопашец», полностью исполнивший в соответствии с указом 20 февраля 1803 г. все условия с бывшим своим помещиком, то он так же, как мещане и государственные крестьяне подвергался двойному налогообложению до проведения следующей ревизии [5. Т. XXXVIII, 1823. № 29.715. С. 1342–1343].

Наряду с указом 20 февраля 1803 г. [5. Т. XXVII, 1803. № 20.620. С. 462–463], даровавшим помещикам право освобождать крестьян с землей за выкуп, в российском законодательстве было предусмотрено еще несколько вариантов освобождения крестьян, но уже *без согласия их владельцев*. Основанием

для принятия таких решений было предшествующее законодательство, в соответствии с которым крестьяне, чьи предки не были записаны в крепостное состояние до завершения первых двух ревизий (1719 и 1744 гг.), могли стать свободными и перейти в «состояние вольных землепашцев», мещан или купечество. Такая возможность существовала до указа 21 сентября 1815 г., в котором были сведены воедино и скорректированы все существовавшие ранее нормы об «отпуске на свободу» незаконно записанных в крепостные крестьяне людей [5. Т. XXXIII, 1815. № 25.947. С. 283–289]. При этом кроме общих условий было предусмотрено множество обстоятельств, которые учитывали особенности исторического и социально-экономического развития «Великороссийских», «Полуденных» и «Малороссийских» губерний, а также «земель от Польши присоединенных».

Наличие множества противоречащих или частично дополнявших друг друга нормативно-правых актов определило положение, при котором «свобода перехода в другое состояние» имела во многом условный, гипотетический характер. В сложившихся обстоятельствах государство, провозглашая наличие у подданных такого рода «свободы», обозначало лишь идеальную модель социальной организации, которая позволяла бы снизить вероятность возникновения социальных конфликтов и одновременно, обеспечивала бы стабильность финансовых поступлений в государственную казну.

В действительности же характер социальных отношений был намного сложнее и разнообразнее юридически предписываемых норм внутри- и межсословного взаимодействия. Анализ материалов следственных дел и судебных решений, разнообразных жалоб и прошений представителей податных сословий, позволяет предположить, что условность свободы перехода способствовала формированию различных стратегий поведения: от стремления сохранить существующее положение, препятствуя получению аналогичных прав представителями иных сословных групп, до совершения практических действий, направленных на присвоение элементов «чужого статуса».

Первая стратегия прослеживается, например, в действиях купечества. В связи с постепенной активизацией торговой деятельности крестьян на рубеже XVIII–XIX в. представители купечества неоднократно подавали прошения о введении запре-

та на торговлю в городах для крестьян³. В результате указом 29 декабря 1812 г. «О дополнительных правилах для дозволения крестьянам производить разными товарами торговлю...» для крестьян был введен прямой запрет на беспошлинную «продажу несобственных своих произведений», так как право на такого рода торговлю имело мещанство и купечество. Для торговли не своими товарами крестьянин должен был ежегодно заплатить государственную пошлину и получить именное торговое свидетельство [5. ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.244. С. 242–245]⁴. Реакция власти на жалобы со стороны купечества отражена и в нормативно-правовых актах, регламентировавших торговую деятельность мещан. Законодательно им было запрещено вступать в сделки с казной и участвовать в подрядах и откупках. Указом от 23 июня 1819 г. мещанам предписывалось либо вести торг в пределах, предусмотренных ст. 140–144 «Городового положения», либо записываться в гильдии [5. Т. XXXVI, 1819. № 27.852. С. 240–241]. Таким образом, следствием многочисленных жалоб и прошений со стороны купечества стала чрезмерная детализация правил торговли в городах, которая способствовала росту финансовых поступлений и минимизировала вероятность усиления экономической конкуренции между различными социальными стратами.

Вторая стратегия преодоления условности «свободы перехода» была связана с попытками присвоения элементов «чужого статуса». Так, например, на протяжении всей первой четверти XIX в. желание распоряжаться крестьянами негласно выражали не только потомственные дворяне, имевшие на это законное право, но и представители других социальных групп, которые обладали необходимыми для совершения подобных сделок финансовыми ресурсами [2. С. 21–51]. Особенно часто попытки присвоения права обладания крепостными людьми предпринимали состоятельные купцы и так называемые «разночинцы», которые формально после издания указа 12 декабря 1801 г. имели право покупки лишь пустующих земель, но не могли владеть крепостными людьми. Для них использование труда крестьян и дворовых людей было, скорее всего, не столько ин-

³ См., напр.: РГИА. Ф. 1115. Оп. 1. Т. 1. Д. 156.

⁴ Особые правила действовали для торговли крестьян в Санкт-Петербурге: по указу 9 апреля 1804 г. кроме торгового свидетельства необходимо было получить еще и особый билет, в котором указывалось конкретное место и ассортимент товаров, разрешенных к продаже его владельцу [5. Т. XXVIII, 1804. № 21.244. С. 242–245].

струментом получения прибыли, сколько наглядным показателем их состоятельности, своеобразной попыткой «сближения» с труднодостижимым статусом потомственного дворянина, главной привилегией которого было право обладания «крещеной собственностью».

Незаконная продажа крестьян лицам недворянского происхождения могла совершаться под прикрытием перехода крепостного в «услужение», «учение» или «на воспитание» по «верующим письмам». Примером такого рода действий может служить дело статского советника А. Данилова, который 19 марта 1809 г. продал купцу Ф. Бродникову землю, а населявших её крестьян отдал в управление по «верующему письму». В результате Ф. Бродников получил право налагать оброк и «собирать с крестьян всякие помещичьи выгоды», наказывать и отдавать их под суд, в рекруты или на работы. Не спрашивая разрешения А. Данилова или его наследников, он мог продавать, закладывать и отпускать крестьян. Более того, бывший помещик дал письменное обязательство в том, что он не будет оспаривать любые распоряжения своего «доверителя», включая перепродажу имения, или передачу во владение третьим лицам по аналогичному «верующему письму» [5. Т. XXXI, 1811. № 24.547. С. 568–570]. Таким образом купец Ф. Бродников, не имевший законного права обладания «населенными землями», становился фактическим собственником и земли, и крестьян.

Множество случаев нарушения установленного законом запрета владеть крепостными крестьянами лицам недворянского происхождения вызвало достаточно жесткую реакцию власти. 23 октября 1816 г. помещикам было запрещено предоставлять по «верующим письмам» «права на продажу или заклад вверяемого в управление их имения и крепостных людей», а также «отдавать на воспитание, или в учение крепостных помещичьих людей» на срок более пяти лет [5. Т. XXXIII, 1816. № 26.469. С. 1056–1057]. Однако стремление некоторых купцов и разночинцев обладать крепостными было сильнее установленных государством запретов. Даже несмотря на угрозу наложения денежного штрафа в размере от 200 до 500 руб. и принудительного освобождения работников, незаконно отданных лицам недворянского происхождения в «услужение» или «учение» [5. Т. XXXVIII, 1823. № 29.416. С. 906–908], помещики и их «доверители» каждые пять лет составляли новые «прокормеж-

ные и плакатные паспорта», «верющие письма» или контракты на «учение крестьян». Яркой иллюстрацией реального положения дел может служить направленное в Сенат представление Пензенского Губернского правления: «<...> чрез производимые местными Полициями следствия открывается действительное жительство крепостных людей, даже и с семействами их, у разночинцев в течение многих лет, и распоряжение разночинцами сими людьми, свойственное одним только помещикам <...>» [5. Т. XL, 1825. № 30.407. С. 356]. В некоторых случаях, отданные «в услужение» или «учение» крестьяне находились в полной власти разночинцев или купцов несколько поколений подряд, полностью утрачивая какую бы то ни было связь с законным владельцем.

Формально существовавшая в России первой четверти XIX в. «свобода перехода из одного состояния в другое», вследствие утилитарного отношения государства и отсутствия четко прописанной юридической процедуры, имела условный характер, что обеспечивало сохранение структуры общества традиционного типа с минимальной конкуренцией и низким уровнем социальной мобильности. В этих условиях возникали разнонаправленные поведенческие установки. В различных социальных группах постепенно формировалось стремление преодолеть условность свободы перехода посредством неформального приобретения элементов «чужого статуса», или, напротив, желание монополизировать предоставленные им ранее права и привилегии, не допуская их распространения на представителей других социальных страт.

Библиографический список

1. Архив графов Мордвиновых. Т. 9. СПб., 1903.
2. Долгих А. Н. Вопрос о продаже людей без земли в политике российского самодержавия в 1820-х — начале 1830-х гг. // Вехи минувшего: ученые зап. исторического факультета. Вып. 2. Липецк, 2000. С. 29–51.
3. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
4. Пнин И. П. Опыт о просвещении относительно к России // Общественная мысль России XVIII века. Т. 2.: *Philosophyia moralis*. М., 2010.
5. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830.

6. Проект дополнительного закона о состояниях с принадлежащими к нему приложениями // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 90: Бумаги комитета учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. СПб., 1894.

7. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. VI: от С до конца. СПб., 1822.

8. Словарь Академии Российской. Ч. V: от Р до Т. СПб., 1794.

9. Сперанский М. М. Введение уложению государственных законов (1809) (План всеобщего государственного преобразования). М., 2004.

10. Фриз Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000.

Timofeev Dmitrii Vladimirovich

Doctor of historical sciences

Leading researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences

Senior researcher of the Laboratory of Primary research sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltzin

**“...FOR NOT BE CLOSED TO ANYONE THE TRANSITION
FROM ONE CONDITION TO ANOTHER”: THE LAW
AND PRACTICE OF SOCIAL INTERACTIONS IN THE FIRST
QUARTER OF THE 19TH CENTURY**

Basing on analysis of Russian legislation and paperwork material of the 1st quarter of the 19th century the author shows the conditional character of the “freedom of transition from one condition to another” and the forming of different models of behavior of representatives of tax-paying classes aimed to reducing of interclass competition as well as to appropriation of elements of “alien” social status.

Keywords: history of concepts, class, condition, freedom of transition, social history, social mobility, Russian legislation of the 19th century.

ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЦЕХОВЫХ РЕМЕСЛЕННИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В XIX В.**

История ремесленных цехов Санкт-Петербурга XIX в. позволяет проследить динамику не только экономического роста и связанные с этим структурные изменения городского ремесла, но и изменения в социальном положении ремесленников, включая положение женщин-мастериц.

Ключевые слова: цехи, городское ремесло, женщины-ремесленники, мастерские, Санкт-Петербург.

Цитируя авторов XIX в., говоривших о низком социальном статусе женщин на промышленных предприятиях, не следует забывать особый статус цеховых мастеров. Уже в грамоте на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. сказано, что жена умершего мастера наследует его мастерскую и ведет ее дальше. Причем ремесленная управа обязана была предоставить вдове подмастерьев и учеников. Мастер имел право подать ходатайство на определение на полгода в тюрьму подмастерья или ученика, оскорбившего честь его жены или дочери через «запрещенное обхождение» [7. С. 375, 379].

Согласно Городовому положению Петербурга 1846 г., женщины получили право голоса на выборах ремесленного головы, цеховых старшин, членов ремесленной управы и гласных, хотя и с оговоркой: свой голос они могли отдать мастеру, участвовавшему в голосовании. Сами жены мастеров и их дочери, как и прежде, не имели права присутствовать на выборных собраниях мастеров¹.

О повышенном статусе женщины в ремесленном сословии говорит и более высокий процент грамотных среди них (54 %) по

* *Келлер Андрей Викторович*, доктор философии, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), a.v.keller@urfu.ru.

** Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации, договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1281. Л. 9.

сравнению с разночинцами (46 %), мещанами (38 %), крестьянами и солдатами (26 %) в 1869 г. [1. С. 60] И все же, было далеко еще до достижения равных прав между мужчинами и женщинами в ремесле. О положении женщин в ремесленных мастерских известно немного. Авторы XIX в., посвятившие свои труды описанию женского труда в ремесленных мастерских столицы, сообщали о низком социальном статусе женщин-мастериц. Это находило свое выражение в низкой заработной плате, долгом рабочем дне (до 14 часов), отсутствии профессиональных и корпоративных связей, недостаточном профессиональном образовании [11. С. 10–12; 3].

О подчиненном положении женщины в обществе, где по традиции доминировали мужчины, говорит случай, произошедший в 1850 г. с мастерицами макаронного цеха Евдокией Кубовой и Еленой Петровой. Примечательно, что в ходе работы над множеством архивных материалов было обнаружено единственное дело, в котором упоминаются мастерицы² [12. S. 248]. 28 апреля 1850 г. они подали на имя министра внутренних дел Л. А. Перовского³ прошение, в котором жаловались на попытку «монополизации» производства макаронных изделий булочным цехом и просили запретить его булочникам.

Дело в том, что с конца 1830-х гг. булочный цех небезуспешно пытался внести в свой устав все более широкий ассортимент булочно-кондитерских изделий, благодаря чему захватывал сегменты рынка, принадлежавшие мастерам кондитерского и макаронного цехов. Данная ситуация приводила к конфликтам между цехами. При этом важную роль играл, как бы мы сегодня сказали, административный ресурс, а именно — наличие «связей» в городском магистрате, губернском правлении, канцеляриях генерал-губернатора и министра внутренних дел.

При выяснении истинных причин оказалось, что за подавальницами прошения стояло характерное для петербургских цехов интернациональное сообщество, состоявшее из бывшего старшины кондитерского цеха в 1830-х — 1840-х гг. Тобиаса Брангера, старшины макаронного цеха Греппи и купца Алексея Лапина. Ко времени подачи прошения Брангер ничем не рисковал, так как продал в 1850 г. свою кондитерскую и занял место эконома во влиятельном Бюргер-клубе столицы. «Его ненависть к булочникам» была общеизвестна, что побуждало Брангера к

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 846. Л. 1, 4–5.

³ Граф Лев Алексеевич Перовский, министр внутренних дел (23.09.1841–30.08.1852).

недружественным акциям по отношению к ним⁴. Вероятно, он никак не пострадал от этой интриги, которая раскрылась по расследованию, назначенному министром. Прошение Бранжера на имя управляющего канцелярией министерства внутренних дел С. С. Ланского⁵ говорит о том, что он имел возможность нейтрализовать негативные последствия данного происшествия, обращаясь к непосредственным чиновникам в аппарате министра. Тем более что известно успешное противостояние кондитерского цеха булочному, когда первому удалось в 1840-х гг. с помощью медицинской полиции и гласных ремесленного отделения городской думы закрыть несколько булочных, в том числе и немецких, в центре города, что было неслыханным делом. По словам мастериц, Бранжер, Грешпи и Лапин принудили их поставить подписи под данным прошением. В этом случае мастерицы сыграли роль прикрытия, оказавшись субъектами маанипуляции.

О числе мастериц в ремесленных мастерских в первой половине XIX в. нет точных статистических данных. Принято считать, что во второй половине XIX в. наблюдалась возрастающая тенденция найма женщин на предприятия обрабатывающей промышленности Санкт-Петербурга, на которых в 1869 г. они составляли 25,2 % от общего числа занятых, а в 1885 г. — уже 31,4 % [6. С. 26]. Эти цифры близки к указаниям Н. Женнина о соотношении в 1858 г. женского и мужского труда среди ремесленников — соответственно в 22 % и 78 % [3. С. 526].

Что касается традиционных ремесленных мастерских цеховых мастеров, то и здесь, хотя и в меньшей мере, наблюдалась названная тенденция. Регулярная регистрация женщин-мастериц в традиционном цеховом производстве велась предположительно с 1847 г., после введения годом ранее нового городского положения Петербурга, что позволяет определить положительную тенденцию в росте числа занятых лиц женского пола. Так, в 1866 г. число мастериц в русских цехах составляло примерно 6 % от общего числа цеховых ремесленников, в 1884 г. — примерно 13 %, а в 1891 г. — примерно 17 % [12. S. 491–498, 513], что говорит о росте значения мастериц в русских цехах, не в последнюю очередь благодаря развитию белошвейных мастерских по пошиву дамского белья и

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 846. Л. 1, 4–5.

⁵ Граф Сергей Степанович Ланской, министр внутренних дел (20.08.1855–23.04.1861). Исполнял обязанности министра внутренних дел в 1851 г., по случаю отсутствия графа Л. Перовского. [9. С. 71].

платья⁶. При этом очевидны структурные изменения ремесленных мастерских, средняя величина которых уменьшается среди булочников и кондитеров с четырех занятых человек на одного мастера в 1866 г. до 1,5 в 1873 г. [12. S. 500].

Этот факт можно было бы истолковать как рост сферы услуг, в которой ремесленные мастерские, или, как бы их сегодня назвали, предприятия малого и среднего бизнеса, стремились к уменьшению расходов за счет более дешевого женского труда с одновременным сокращением числа занятых лиц. И это на фоне роста общего числа занятых в булочном и кондитерском цехах, объединенных ранее в один, в период с 1866 по 1873 гг. с 2047 до 3581 или на 75 % [12. S. 501]. Уменьшение средней величины булочных цеховых мастеров можно отнести также на счет увеличившейся конкуренции со стороны крупных хлебопекарен, таких, например, как пекарни Филиппова, использовавшие паровые машины [8. С. 177–189]⁷.

Все было бы относительно просто в интерпретации событий, подтверждающих общепринятую точку зрения на экономическое развитие столицы, если бы не кризис 1873 г. После «Черной пятницы» 9 мая на Венской фондовой бирже произошел обвал бирж в Европе и США, что привело к затяжному международному финансовому кризису, вызвавшему всеобщий экономический спад в том числе и в России 1870-х гг. [5. С. 78–79]. Но ожидаемого окончательного вытеснения небольших булочных, а также пекарен при мелочных лавках, не входивших в цеха, через крупные производства и продолжения негативного тренда в сокращении средней величины хлебопекарен не происходит: их средняя величина стабилизируется. Они прекрасно сосуществуют с крупными булочными и хлебопекарнями, удовлетворяя потребности разных слоев населения, прежде всего проживавшего в шаговой доступности. Более того, традиционные булочные и хлебопекарни нашли ресурсы для своего развития и роста.

Последствия финансового кризиса достигли ремесленников Петербурга к 1876 г., но реакция ремесла на него оказалась

⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1281. Л. 9.

⁷ И. М. Филиппов состоял Поставщиком Двора Его Императорского Величества с 1855 г. В 1864 г. он открыл свою первую булочную в Петербурге, на Невском, 45; другая находилась в доме на Невском, 142 [цит. по: 10. С. 177–189]. Из его рассказов известно, что благодаря развитию железных дорог, продукция его московских пекарен ежедневно доставлялась не только в Петербург к царскому двору, но ранее еще с зимними обозами на сани в глубоко замороженном виде в Сибирь: в Барнаул или в Иркутск, где «подавались на стол с пылу, с жару» [2. С. 354–355].

неоднозначной. В то время как относительно стабильная доля женского труда у булочников, составлявшая до 1875 г. примерно 6 %, стала сокращаться и составила к 1891 г. примерно 3 %, в остальных ремесленных мастерских цеховых мастеров доля женщин, напротив, значительно выросла примерно с 6 % в 1866 г. до 17 % в 1891 г. [12. S. 512–513]. При этом количество мастеров в булочном цехе выросло за тот же период более чем в два раза у вечноцеховых и на 11 % — у временноцеховых, что превышало темпы роста по сравнению с другими цехами. Рост числа подмастерьев и учеников в булочном цехе опережал рост числа мастеров, за счет чего происходило незначительное укрупнение средней булочной или пекарни: если на одного мастера в 1874 г. приходилось в среднем по два подмастерья и ученика, то в 1891 г. — 2,6 [12. S. 504]. Общее число членов булочного цеха увеличилось за этот период на 1/3. И хотя мастерам булочного цеха удалось переломить негативный тренд, средняя величина мастерских по цехам была значительно выше и колебалась в 1866 г. до 1891 г. от трех до четырех сотрудников на одного мастера.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что с резким ростом крупной промышленности Петербурга булочный цех, как и все цеховое ремесло, переживал глубокую трансформацию, но не прекращал своего роста. Ремесленники, занятые изготовлением хлебобулочных изделий, старались приспособиться к изменившимся условиям и найти свою нишу, не в последнюю очередь благодаря механизации и машинизации производства с помощью появившихся к концу века компактных дизельных моторов. Вопрос, ответ на который еще предстоит найти, почему в статистиках ремесленной управы у вечноцеховых мастеров булочного цеха нет ни одного ученика, а только подмастерья? Возможно потому, что в сословии вечноцеховых ремесленников существовала семейственная преемственность, где сын, как правило, наследовал дело отца и, скорее всего, не выводился в статистиках как член семьи. Небольшой процент учеников приходился также, начиная примерно с 1860-х гг., на приходящих учеников, живших в школах-интернатах, но он был несущественным.

Напротив, у временноцеховых мастеров наблюдалось большое количество учеников, что заставляет сделать два предположения. Либо они активно брали на себя обязанность обучения

учеников ремеслу, чтобы готовить для себя квалифицированные кадры, либо они нещадно эксплуатировали детский труд. Говоря о специфике булочного цеха, не следует также забывать, что в его составе насчитывалось 14 видов ремесленников: пекарей белого хлеба (булочников, пекарей ситного хлеба и выборгско-булочное ремесло), саечников, калачников, пирожников, макаронников, кондитеров, пряничников, конфетчиков, кухмистеров, официантов, колбасников или горчичных мастеров.

Обращаясь к изложенным статистическим выкладкам и говоря о женском труде в цеховом ремесле, следует помнить, что жены ремесленников принадлежали к сословию и также учитывались в статистиках. Они могли быть учтены наряду с женами умерших мастеров, наследовавших последним и ведущих мастерскую дальше. Поэтому о реальном участии женщин в производственных процессах можно говорить только приблизительно. Если посмотреть на исключительно мужское кузнечное ремесло, то там тоже имела, хотя и гораздо меньшая, чем в булочном, доля женщин, а именно: в 1866 г. на 70 мастеров приходилось 64 человека мужского и 6 женского пола среди вечноцеховых и на 231 мастера — 223 души мужского и 8 душ женского пола среди временноцеховых ремесленников. В 1891 г. эта пропорция составляла соответственно 142:11 и 521:35. Среди подмастерьев и учеников наличествовали лица исключительно мужского пола, что и следовало ожидать [12. S. 508–509].

Говоря о женском труде в ремесле, следует также упомянуть о петербургских белошвейных мастерских, обшивавших не только петербургских модниц, но также сбывавших свою продукцию по всей России, не в последнюю очередь благодаря франчайзингу известной в Петербурге американской корпорации «Зингер», занимавшейся производством швейных машинок и давшей сильный толчок развитию швейного и пошивочного ремесла столицы. Не удивительно, что среди ремесленников Петербурга встречалось много иностранных имен, ведь помимо иностранных немецких цехов, многие члены русских цехов имели нерусские корни. Так, на мануфактурной выставке 1861 г. премию получила некая цеховая мастерица по производству корсетов Гюссон [10. С. 76].

Очевидно, что экономический спад 1870-х гг. и последовавший за ним стремительный промышленный рост 1880-х и 1890-х гг. привели к дальнейшей трансформации городского ремесла,

но уже по иным принципам, сказавшимся и на спросе женского труда в этом сегменте экономики. Если доля женского труда в булочном цехе неуклонно росла вплоть до 1875 г., то во время кризиса, а затем с началом промышленного роста конца 1870-х гг. эта пропорция стала сокращаться, в то время как в остальном цеховом ремесле доля женского труда увеличивалась. Возможно, с началом более жесткой конкуренции со стороны крупного промышленного производства в условиях индустриализации, женский труд в булочных и хлебопекарных заведениях цеховых мастеров перестал быть конкурентным преимуществом, что привело к структурным изменениям, нашедшим свое выражение в том числе и в гендерной стратификации цехового ремесла Петербурга.

Не останавливаясь на женском вопросе в ремесле, можно с уверенностью сказать, что кризис и стагнация 1870-х гг. и последовавшее затем бурное развитие крупной промышленности Петербурга не поставили крест на цеховом ремесле, но дали новые импульсы к его дальнейшему развитию.

Библиографический список

1. Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Кн. 2. Ч. 3. С. 33–85.
2. Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 2010.
3. Женин Н. Еще несколько слов о наших ремесленниках // Атеней, журнал критики, современной истории и литературы. Ч. 6. М., 1858. С. 519–526.
4. Карнович Е. П. О развитии женского труда в Петербурге. СПб., 1863.
5. Мошенский С. З. Рынок ценных бумаг Российской империи. М., 2014.
6. Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Т. 2. Л., 1924.
7. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 22.
8. Рогатко С. А. Выдающиеся продовольственные предприниматели России. М., 1999.
9. Русский биографический словарь, изданный Императорским Русским Историческим Обществом / под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. СПб., 1914. Т. 10.
10. Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 г. СПб., 1862.

11. Ханьков В. Н. К вопросу о женском труде в России. М., 1899.
12. Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Frankfurt a. M., 2002.

Keller Andrei Viktorovich

PhD, senior researcher of the Laboratory of Primary research sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltzin

**GENDER STRATIFICATION ON THE EXAMPLE OF GUILD
CRAFTSMEN OF SAINT-PETERSBURG IN THE 19TH CENTURY**

The history of craft guilds of Saint-Petersburg in the 19th century allows to follow the dynamics not only of economic growth and the structural changes of the town craft connected with it, but also the changes in the social position of craftsmen in the whole and of craftswomen in particular.

Keywords: craft guilds, town craft, craftswomen, artisans, Saint-Petersburg.

**ПОЛОЖЕНИЕ ПРИХОДСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ДУХОВЕНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В XIX — НАЧАЛЕ XX В.**

В статье представлена попытка проанализировать соответствие юридически задекларированного и реально сложившегося социального статуса провинциального приходского духовенства Российской империи в XIX — начале XX в.

Ключевые слова: духовенство, семья священника, юридическое положение, социальный статус, общественная роль.

Приходское духовенство в Российской империи занимало особое место в социальной структуре и жизни общества в XIX — начале XX в. В православной Российской империи приходское духовенство должно было выполнять ряд общественных функций. Поскольку Церковь в империи легитимировала абсолютную власть монарха, всячески подтверждая его статус «помазанника Божьего», приходское духовенство должно было поддерживать эту идею в мировоззрении своих прихожан путем проповедей и наставлений. При этом самому священнослужителю следовало выступать каноном поведения в общественной и личной жизни.

Целью данного исследования является анализ соответствия юридически задекларированного и реально сложившегося социального статуса провинциального приходского духовенства Российской империи в XIX — начале XX в. Научный интерес представляет использование отдельных аспектов повседневной жизни семьи приходского священника как своего рода маркеров в определении соответствия между официальным и реальным положением духовенства.

Историография данного исследования может трактоваться неоднозначно. Существует значительное количество работ профессиональных историков, посвященных положению духовенства в обществе Российской империи. Однако эти работы носят позитивистский характер и относятся к церковной историографии XIX в. Из таковых следует особо выделить работы

* *Захарченко Евгений Юрьевич*, аспирант исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Харьков, Украина), evgen.zaharchenko@yandex.ua.

П. Знаменского [1], в которых положение духовенства в указанный период было представлено наиболее полно. В целом же, за исключением работ П. Знаменского, многочисленные труды по истории Русской Православной церкви и ее духовенства касались указанной проблематики достаточно схематично и не ставили проблему соответствия реального и номинального статуса приходского духовенства в обществе Российской империи. Положение духовного сословия в Российской империи в целом, особенно его кризис второй половины XIX в., рассматривается рядом таких современных исследователей, как Г. Фриз [14, 16], Т. Леонтьева [4], А. Скутнев [12] и др. Источниковой базой исследования послужил репрезентативный комплекс законодательных актов и актовых материалов [7, 13], источников личного происхождения [10], материалов духовной периодики [2, 3, 8, 11].

Анализируя проблемы социального статуса, следует определить границы данного понятия. Опираясь на работы О. Шкаратана, под социальным статусом следует понимать место или позицию индивида, соотносимое с положением других людей, это место индивида в иерархически организованной общественной структуре, которое дает возможность человеку влиять на общество и получать посредством него привилегированные позиции в системе власти и распределения материальных благ. Социальные статусы — это структурные элементы социальной организации общества, обеспечивающие социальные связи между субъектами социальных отношений [15. С. 54–55].

Оформление социального статуса приходского православного духовенства в общественной структуре Российской империи происходило на рубеже XVIII–XIX вв. В результате изменений в законодательной базе государства духовенство получило свои сословные права и привилегии и превратилось в полноценную закрытую корпоративную группу. По мнению современного российского исследователя Б. Миронова, духовенство стало вторым привилегированным сословием в Российской империи [6. С. 114]. Таким образом, если представить сословную иерархию имперского общества, то духовенство занимало вторую ступень после дворянства и находилось выше по своему социальному статусу, чем мещанство и крестьянство. Однако насколько этот официально задекларированный социальный статус соответствовал реалиям повседневной жизни общества православной России XIX в.?

Систему социальных коммуникаций и ограничений, которыми были связаны православные приходские священнослужители вместе с членами своих семей можно представить в виде «треугольника», вершинами которого были «Государство» (светская власть), «Церковь» (Священный Синод и епархиальная власть) и «Паства» (верующие, прихожане). Оказавшись внутри этой конструкции, приходское духовенство вынуждено было соответствовать запросам каждой из названных вершин треугольника. Причиной такого положения духовенства в общественно-институциональной структуре Российской империи было смешение традиционного, греко-римского и церковного права в официальном законодательстве относительно духовных лиц с одной стороны и естественное развитие народной религиозности и приходской жизни в крестьянской общине с другой. Этот феномен обозначил диссонанс между реальным и официальным социальным статусом провинциального православного приходского духовенства и его юридическим положением с точки зрения законодательства Российской империи.

Показательно, что в основном юридическом своде, который непосредственно регулировал права и обязанности священнослужителей — Уставе духовных консисторий [13] — соответствующие нормы были помещены в четвертый раздел второй главы «Епархиальное управление». На наш взгляд, этот факт ярко иллюстрирует противоречивость социального статуса приходского духовенства. В церковной иерархии над духовенством довлело слишком большое количество вышестоящих звеньев для того, чтобы оно ощущало свою привилегированность и элитарность. Вот как Устав духовных консисторий определяет статус белого духовенства: «Священно- и церковнослужители <...> в служении Церкви и в образе жизни своей должны поступать по правилам церковным и законам гражданским, которыми определяются обязанности епархиального начальства в управлении подчиненным ему духовенством [13. С. 30]. Именно объединение юрисдикции гражданских законов и церковных правил над священнослужителями изначально заложило проблему размытости социального статуса духовенства в Российской империи.

С другой стороны, молодой пастырь, который только что был рукоположен в священнический сан и определен в сельский приход, оказывался в принципиально новой для себя среде кре-

стьянской общины. О неоднозначности взаимоотношений между паствой и священником и об особенностях коммуникации между ними в сельских приходах размышляет современная исследовательница В. Макарова [5]. В частности, она делает вывод, что священник был вынужден подчиняться местным традициям и стереотипам поведения, принятым в общине между пастырем и паствой. Новоприбывший священник должен был путем прохождения определенного «обряда инициации» войти в число «своих» в общине. Процесс этот происходил в ходе знакомства священнослужителя со своими верующими через угощение и совместное вкушение пищи, распитие алкогольных напитков. Распитие спиртных напитков священником вместе со своими прихожанами, часто заканчивавшееся сильным опьянением первого, с точки зрения церковных правил было недопустимо для представителя белого духовенства. Однако, как отмечает исследовательница, отказ от выпивки грозил священнику прослыть «гордым» среди прихожан, которые в отместку могли не прийти ему на помощь при сборе урожая, а иногда и не посещать церковь [5. С. 79]. Таким образом, не смотря на официально обозначенное в законодательной системе империи места духовенства как «второго привилегированного» сословия, которое находилось выше крестьянства по статусу, священнику требовалось соответствовать его запросам и специфическим представлениям о пастырской службе и поведении.

Причина такой общественно-коммуникационной коллизии и нарушения принципов взаимоотношений с точки зрения сословной иерархии заключалась в источниках материального обеспечения бюджета семьи приходского священника. Закрепленный на законодательном уровне социальный статус духовенства не был подкреплён соответствующим его положению материальным обеспечением. Исследование формирования семейного бюджета приходского духовенства сопряжено с рядом трудностей в связи с большим многообразием спектра источников доходов и расходов семьи священника в зависимости от епархии и прихода, в которой служил отдельно взятый пастырь. Проблема материального обеспечения приходского духовенства стала популярной темой для полемики как в духовной, так и в светской печати начиная с 50-х гг. XIX в. Основной проблемой обсуждения был вопрос о том, должен ли священник взимать плату за отправляемые обряды со своих прихожан,

необходимо ли оставить земельные наделы в пользовании священнослужителя.

Впервые на проблемы материального обеспечения клира приходских церквей на законодательном уровне обратила внимание императрица Екатерина II, установив строгие размеры оплаты за каждый проведенный священником и причтом обряд. Также были установлены и нормы разделения оплаты между священно- и церковнослужителями. В период царствования Александра I размеры оплаты были увеличены практически вдвое, однако и это не решило проблемы [11. С. 503]. Эпоха Великих реформ Александра II вновь обострила эту дискуссию. Характерная позиция приходского провинциального духовенства в отношении данного вопроса отразилась в статье одного из авторитетных священников Харьковской епархии о. Лащенкова. Так, в местном церковном журнале он писал: «Народ хотя и платит деньги за таинство и другие требы <...> но нравственным чутьем понимает, что такой порядок неестественен...» [3. С. 50].

Другой весомый источник пополнения бюджета семьи приходского священника, особенно территорий средней полосы России, это земельный надел. Семье священника для удовлетворения своих нужд полагалось 33 десятины земли. 30 десятин составляли обрабатываемые угодья, а 3 десятины использовались для заготовки сена. Сам факт возможного владения земельным наделом, особенно в первой половине XIX в., указывает на привилегированный характер статуса приходского духовенства. В этом аспекте священнослужитель наравне с дворянином мог выступать собственником земли. Однако если у представителей дворянства к земле были прикреплены крепостные крестьяне, которые обрабатывали землю, то духовные лица не имели права владеть землей, за которой были закреплены крепостные, и тем более не могли владеть самими крепостными крестьянами. Эта ситуация заставляла священника самому заниматься земледелием в свободное от церковной службы время или же, наоборот, выполнять свой святоотеческий долг в свободное от сельскохозяйственных работ время. Еще в конце XVIII в. публицист И. Посошков в своей книге «О скудости и богатстве» провел яркую параллель между крестьянином-земледельцем и священником, который вынужден обрабатывать земельный участок в поисках средств к пропитанию своей семьи. «<...> У нас на Руси сельские священники живут

за счет своей работы и не чем от крестьян не отличаются. Мужик за соху, и поп за соху, мужик за косу, и поп за косу, а церковь святая и духовная паства остаются в стороне <...> если в поле ему не идти, то голодному быть» [9. С. 34].

Сельскому священнику необходимо было находить контакт со своими прихожанами не только в силу своего духовного сана и святоотеческой миссии, но и с целью привлечения помощи крестьян во время сбора урожая. Именно поэтому для священника было так важно войти в круг «своих», как указывает В. Макарова [5. С. 77]. Резюмируя данный сюжет, можно сказать, что приходской священнослужитель в сельской местности по статусу не просто не соответствовал положению «второго привилегированного» сословия, а во многом был зависим от своих прихожан, коими являлись крестьяне, находящиеся на официальной лестнице общественной иерархии ниже его самого.

Таким образом, официальный социальный статус провинциального приходского духовенства, который был закреплен в законодательной базе Российской империи, не соответствовал реальному положению вещей. Если рассматривать понятие «социальный статус» как место, которое дает человеку возможность влиять на общество и получать посредством его привилегированные позиции в распределении материальных благ, то духовенство в представленной выше схеме «социально-институционального треугольника» общества Российской империи вынуждено было отвечать на общественные вопросы всех трех субъектов данной системы, при этом не имея возможности обратного влияния ни на одного из них. Приходское провинциальное духовенство зависело от своего епархиального начальства, использовалось государством в целях укрепления общества и было вынуждено подстраиваться под традиции крестьянской общины, дабы не потерять отдельные источники дохода для пропитания своих семей.

Библиографический список

1. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873.
2. Крыжановский Е. Очерки быта малороссийского сельского духовенства в XVIII веке // Руководство для сельских пастырей. 1861. № 39. С. 129–148.
3. Лащенко О. Об улучшении быта духовенства // Духовный вестник. 1862. № 9. С. 47–61.

4. Леонтьева Т. Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.) // Социальная история: Ежегодн. М., 2000. С. 34–56.
5. Макарова В. Ю. «Он хотя и выпивает, но не упивается»: отношение крестьян к пьянству священников // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб., 2006. С. 70–85.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
7. Никольский А. Е. Новые духовные законы. Полное руководство в 3-х частях. М., 1879.
8. Пономарев О. По вопросу о средствах содержания сельского духовенства // Руководство для сельских пастырей. 1861. № 39. С. 451–466.
9. Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве. М., 1951.
10. Розанов А. И. Записки сельского священника: Быт и нужды православного духовенства. СПб., 1882.
11. Семевский В. И. Сельский священник во второй половине XVIII века // Русская старина. 1877. № 88. С. 501–538.
12. Скутнев А. В. Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. — 1917 г.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2005.
13. Устав духовных консисторий. СПб., 1843.
14. Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 121–162.
15. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.
16. Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.

Zaharchenko Evgeniy Yurievich

Postgraduate student of the Department of History of Ukraine at the Faculty of History, V. N. Karazin Kharkiv National University

POSITION OF THE PROVINCIAL PARISH CLERGY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

The article represents an attempt to analyze the correspondence between the legally declared and actually existed social status of the provincial parish clergy of the Russian Empire in the 19th — early 20th century.

Keywords: the clergy, the priest's family, legal position, social status, social role.

*Е. Ю. Литвинец**

**ОТНОШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕГО УРАЛА К РАБОТЕ ОРГАНОВ ПРАВОСУДИЯ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА)**

В статье рассматривается отношение различных групп населения Среднего Урала к органам правосудия в период, предшествовавший революции 1917 г. В основе работы — анализ прошений и жалоб в Екатеринбургский окружной суд. Делается попытка оценить эффективность работы судебной системы и уровень правовой культуры граждан.

Ключевые слова: история Урала, правосудие, правовая культура, сословия, Екатеринбургский окружной суд.

В последнее десятилетие в науке наблюдается повышенный интерес к изучению социокультурных явлений, связанных с правом. Во многом это предопределено активными попытками реформирования российской правовой системы, выявляющими глубочайшие проблемы российской правовой культуры ментального уровня. Разрешение этих проблем требует анализа исторического прошлого: объяснения закономерностей развития правовой культуры и нигилистического отношения граждан к легитимным социальным нормам.

Важнейшим этапом строительства гражданского общества в стране стали реформы Александра II, особенно судебная реформа, наиболее радикальная, новаторская и технически обеспеченная из всех Великих реформ. Вопрос влияния судебной реформы 1864 г. на развитие социальных отношений, взаимоотношений обывателей и государства, изучен достаточно слабо, однако подавляющее число исследователей сходятся в том, что она привела к росту уважения к закону, внесла определенный заряд гуманизма в социальные отношения, изменила отношение к производству [1,9]. Общество пореформенного периода развивалось под воздействием реформаторского заряда, и даже контрреформы

* *Литвинец Елена Юрьевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург, Россия), woodstock24@yandex.ru.

Александра III не могли остановить это движение. Однако данный процесс неравномерно охватывал различные слои населения: трансформация происходила разными темпами в зависимости от социальной (сословной) принадлежности, а также места проживания (город/село/губерния). Эта тенденция постепенно сглаживалась, но к 1917 г., в сущности, не изменилась. Проявлениями этой тенденции стали огромный интерес среди всех слоев общества к суду, рост доверия и авторитета судебной власти. Это фиксировали газеты, мемуары, фольклор [2, 4, 9]. Архивные источники также отражают данный процесс.

В настоящей статье изучена такая составляющая общественного мнения в отношении местной судебной системы, как протесты населения (жалобы, прошения). Основным источником послужили материалы Канцелярии Екатеринбургского окружного суда, созданного в результате судебной реформы 1864 г. и торжественного открытого 1 сентября 1874 г¹. Его компетенция распространялась на 5 уездов: Екатеринбургский, Верхотурский, Камышловский, Ирбитский и Шадринский. Рассмотрение архивных материалов позволяет определить специфику правовой культуры региона, охарактеризовать данное явление с точки зрения социального статуса его носителей. Цель статьи — анализ отношения различных групп населения Среднего Урала к деятельности судебных органов на этапе формирования гражданского общества. Дореволюционный период (1908–1916 гг.) в качестве временных границ исследования выбран неслучайно. Это сравнительно мирный, стабильный этап XX столетия, наступивший после революции 1905–1907 гг. и предшествующий революционной катастрофе 1917 г.

Первая русская революция вызвала негативные изменения в правовой культуре населения и определенную дегуманизацию правосознания. Проблема негативных проявлений правового сознания в кризисные, переломные периоды истории уже рассматривалась некоторыми исследователями [5]. Речь идет об «одичании» нравов, девальвации человеческой жизни, распространении «культы жестокости», нарушений не только норм закона, но и норм морали. Некоторые исследователи вполне обоснованно говорят о цикличности истории российского права, в основе развития которой — соотношение общественного и индивидуального. Пореформенная Россия до 1917 г. в рамках

¹ ГАСО. Ф 11. Оп. 1.

этой теории укладывается в одну из фаз, характеризующуюся проявлением идеалов индивидуализма и многообразия взглядов. При этом идея государственности как основная уступает место гуманистическим и демократическим духовным построениям [6. С. 48].

Близость к столицам, западным границам России ускоряла темпы данного процесса. Безусловно, Урал — это специфический регион, исторические, географические и социально-экономические особенности которого накладывали отпечаток на правовое сознание его жителей. Состав населения (большое количество ссыльных, промышленных рабочих) обуславливал его особую политизированность и активность. Кроме того, в начале XX в. на Урале происходил значительный рост населения. Так, согласно статистическим данным, в 1858 г. Пермская губерния насчитывала 2,04 млн жителей, в 1897 г. — 2,9 млн, в 1910 г. — 3,9 млн [8. С. 4; 11. С. 41]. При этом Средний Урал отличался невысокими темпами урбанизации: численность городского населения в 1910 г. не превышала 5,4 % от общего числа жителей региона (Екатеринбургский уезд — 10 %, Россия в целом — 14,2 %).

Распространенная точка зрения о высокой преступности в регионе также подкрепляется статистическими данными. Так, в 1912 г. в Пермской губернии на 100 тыс. населения приходилось 190 осужденных общими и мировыми судами (14 место по данному показателю среди 73 губерний и областей Российской империи) [12. С. 16]. В пореформенный период отмечается рост числа судебных заседаний, о чем свидетельствует таблица 1.

Таблица 1

Сведения о числе состоявшихся сессий Екатеринбургского окружного суда с участием присяжных, 1878–1911 гг.²

	1878	1884	1910	1911
Екатеринбург	-	-	118	133
Шадринск	-	-	51	54
Камышлов	-	-	38	37
Ирбит	-	-	24	21
Нижнетагильский завод	-	-	60	65
г. Верхотурье	-	-	17	28
Богословский завод	-	-	11	19
Алапаевский завод	-	-	23	24
Всего	256	288	342	381

² ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 121–123; 14. С. 181.

Однако параллельно с развитием преступности возрастала и правовая активность населения. Важнейшим показателем данной тенденции стало количество гражданских дел и поступления в казну судебных пошлин (средняя ценность исков составляла ежегодно 1 млн. руб.)³. Их рост происходил повсеместно по России, что объяснялось развитием гражданских, в частности, имущественных правоотношений. И это — несмотря на низкие доходы значительной части населения, тем более что треть истцов и участников гражданских разбирательств в Екатеринбургском окружном суде пользовалась правом бедности, заключавшимся в том, что лица, не обладавшие достаточными средствами для ведения дела, освобождались от уплаты судебных издержек⁴. Право бедности значительно сокращало судебные поступления в казну, как и то, что удовлетворение истца, получившего исполнительный лист, нередко происходило без содействия исполнительных органов судебной власти (судебных приставов)⁵.

Отметим также, что бедное население имело право на бесплатную юридическую консультацию, которая работала в Екатеринбурге в 1907–1915 г. при участии магистратуры и прокуратуры суда. В первый же год существования консультации было дано 743 юридических совета, причем контингент обратившихся состоял преимущественно из крестьян (50 %) и мещан (35 %) [14. С. 191].

Крестьяне — подавляющее большинство населения Пермской губернии (95 % по данным переписи 1897 г.) и Среднего Урала в частности (к примеру, они составляли 91 % населения Екатеринбургского уезда). Затем, лишь лица городских сословий несколько выделялись своей численностью, причем среди них преобладающим элементом были мещане (более 90 %), все остальные сословные группы были крайне малочисленны и в общей сложности составляли меньше 1 % населения [8. С. 7, 44–45]. С 1900 г. отмечался существенный рост преступлений, совершенных крестьянами⁶. Большинство из них составили преступления против личности (убийства, телесные повреждения и др.), во многом, обусловленные чрезмерным пристрастием горнозаводского и сельского населения к спиртным напиткам.

³ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 181.

⁴ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 183.

⁵ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 184.

⁶ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1, 2.

Однако значительной тенденцией представляется и увеличение количества преступлений против собственности частных лиц (кражи, мошенничества, поджоги и пр.), что говорит о проникновении имущественных отношений в деревню. Распад общинных связей, очевидно, вел к ослаблению общественного контроля над поведением человека. Модернизационные процессы коренным образом меняли многовековой образ жизни крестьян, их поведенческие и ментальные стереотипы. Однако, как уже отмечалось, они разрушали и привычные схемы правового поведения.

Б. Н. Миронов указывает на примечательный факт: до судебной реформы 1864 г. население России было более или менее удовлетворено приговорами судов [7. С. 62]. После 1864 г., когда началась реализация судебной реформы, произошел значительный рост протестов по всем инстанциям, включая окружные суды. Как считает Б. Н. Миронов, это во многом было связано с появлением в числе подсудимых общих судов крестьян (в 1913 г. в России на их долю приходилось 80 % дел), которые не знали законодательства и привыкли к суду по обычному праву [7. С. 64]. Получается, что обычное право входило в противоречие с законом: правовое сознание общества не соответствовало законодательству и носило следы обычного права.

Думается, что данная тенденция присутствовала и на Урале, но неправильно будет умалять роль других факторов, среди которых — преобразование обыденного правосознания в гражданское (в значительной степени, этому способствовало внедрение гласности в судебную практику: открытые судебные заседания вызывали огромный интерес среди всех слоев населения, особенно в провинции, в связи со скудостью впечатлений провинциальной жизни), раскрепощение, рост образовательного и культурного уровня населения, появление адвокатуры. Проведение судебной реформы 1864 г., публичность судебной практики способствовали правовому просвещению граждан, внедрению в общественное сознание представлений о равенстве всех перед законом независимо от сословной принадлежности.

Рассмотрим такой компонент судебных протестов, как частные прошения и жалобы о неправильном суде в Екатеринбургский окружной суд (ЕОС), собрание которых сохранилось в

фонде его канцелярии⁷. Документ представлен данными только за 1911 г., подобные дела за другие периоды в описи найдены не были. Возможно, они хранились в фонде Съездов мировых судей — апелляционной инстанции, работавшей на Среднем Урале в 1870–1917 гг. и состоявшей из трех судей Верхотурского, Ирбитского и Екатеринбургского уездов. Однако архив Съезда Екатеринбургского уезда в Государственном архиве Свердловской области за указанный период также не был обнаружен. Стоит отметить, что речь идет не о стандартных формах судебного протеста — апелляциях и кассациях (согласно реформе 1864 г. апелляционной инстанцией для мировых судов являлись мировые съезды, а для окружных судов — судебные палаты), а о протестах, характеризовавших ведение самого судебного процесса, прежде всего — скорость работы судей, профессионализм следователей и судебных приставов. Таким образом, предметом частного обжалования являлся не приговор по существу, а определение суда по отдельным вопросам, возникавшим при рассмотрении дела.

Дореформенное судопроизводство института частного обжалования не знало, и их упоминание в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. имело целью предотвращение «уничтожения всего производства и состоявшегося уголовного приговора» [10. С. 340]. М. В. Духовской выделял следующие виды частных жалоб: а) требующие немедленного исправления (о мерах пресечения, об обеспечении иска, о неправильном исполнении решения); б) не имеющие отношения к существу дела (взыскание за неявку свидетеля); в) приостанавливающие или тормозящие дело (промедление, отказ в принятии жалобы) [3. С. 401]. В свою очередь Устав уголовного судопроизводства 1864 г. частные жалобы и протесты разделял по следующим предметам: 1) по определению подсудности дела; 2) по допущению преследования прокурорской властью вместо частного обвинения или наоборот; 3) по принятию мер для воспрепятствования подсудимому уклоняться от следствия и суда; 4) по принятию мер к обеспечению иска о вознаграждении за вред и убытки [13. С. 318–319].

Жалобы и протесты на частные определения окружного суда подавались в тот же суд в двухнедельный срок со времени объявления частного определения частного определения или,

⁷ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 39.

если оно не было объявлено, то со времени приведения его в действие. Жалобы на медленное ведение дела можно было приносить в течение всего его производства [13. С. 319].

Подавляющее большинство дел, представленных в архиве канцелярии ЕОС — это просьбы ускорить дело, включая меры по исполнению определения судебными приставами (около 60 % дел), и 8 дел (15 % от общего числа) — просьбы ускорить судебный процесс судьями. Последним уделялось особое внимание, так как в случае выявления нарушений они должны были рассматриваться судебной палатой в публичном заседании. Длительность такого затянувшегося дела в среднем составляла 1–1,5 года. Просьбы быстрее рассмотреть дело чаще всего поступали от обвиняемых, которые находились в тюрьме либо лишались паспортов в ожидании начала судебного процесса. В таком случае требовалось объяснение от судьи участка. В некоторых случаях ведение дела затягивалось на 3–4 года, что судьями объяснялось появлением новых обстоятельств, таких как процесс против следователя, указания потерпевшими новых обвиняемых, отсутствие необходимых сведений, неявка свидетелей и т.д. Показательный пример, рассматривавшийся Казанской судебной палатой — дело о крестьянине Соломенникове, обвиненном в краже, которое вели три (!) следователя⁸. Следователь Стемлинский допросил обвиняемых и заключил их в тот же день под стражу, после чего не осуществлял никаких следственных действий в течение 7,5 месяцев, вплоть до сдачи следственного участка другому следователю Николаеву. Следователь Николаев, в свою очередь, 3,5 месяца не прикасался к данному делу, вплоть до передачи его следователю Остроумову. После разбирательства оказалось, что Стемлинский уже давно живет в Варшаве, работая чиновником, а Николаев сослался на большую загруженность, так как получил «в наследство» от предыдущего следователя 166 дел, по которым не проводилось следственных действий, причем половина из них — на 1904–1905 гг. Это позволяет сделать вывод о том, что по немалому количеству затянувшихся процессов жалобы просто не подавались, и длительная тяжба многими гражданами воспринималась как нормальная ситуация. Объяснение можно также найти в чрезмерной загруженности следователей суда, вследствие высокого уровня преступности, который существо-

⁸ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 39. Л. 12–23.

вал на Среднем Урале. Об этом уже давно писали местные газеты: «Замученные непосильной работой, судьи и прокуроры превращаются в чиновников-ремесленников, авторитет которых в обществе ничем не отличается от авторитета всякого телеграфиста, писаря, акцизного надсмотрщика» [14. С. 180]. Фактически на одного следователя приходилось в год 125 дел. Б. Н. Миронов отмечает, что задержание преступников и следствие — главная причина остановки дел. Типичные недостатки — низкая эффективность и оперативность следствия, что связано с нехваткой персонала и его перегруженностью [7. С. 60].

Однако медленность взысканий и приведения приговоров в исполнение вызывали гораздо больше негативных реакций среди населения. Жалобы на личные действия судебных приставов должны были приноситься председателю того судебного места, при котором они состояли, а тот, в свою очередь, вправе был сделать приставу замечание, выговор и даже подвергнуть его аресту до 7 дней [10. С. 68]. Между тем в рассмотренном архиве документов одобных случаев выявлено не было. Подавляющее число подобных жалоб признавалось необоснованными. В некоторых случаях виной была бумажная неразбериха (сохранились материалы дел, в которых терялись исполнительные листы и даже деньги, выдаваемые по ним), длительное наведение справок. Основная же причина — ошибки самих истцов и обвиняемых. Часто они не интересовались ведением дела, не получали повесток и игнорировали вызовы в суд, не являлись за подписью и т.д., вследствие чего дело закрывалось. Многие прошения, например, жалобы о неправильной описи имущества, или ее незаконности, были просто результатом незнания. В архиве сохранилось несколько жалоб екатеринбургского крестьянина на то, что пристав тянет дело уже 6 лет, хотя истцу неоднократно объяснялось, что дело приостановлено по причине невыдачи им денег на поездку пристава для продажи описанного имущества⁹. Как оказалось, крестьянин высылал деньги для поездки пристава для описи имущества должника и был уверен, что оплатил все, но в этот раз речь шла о поездке для продажи, а не описи имущества. Данный пример показывает, что финансовый вопрос был значительной причиной затягивания судебных процессов. Немало ошибок было связано с уплатой гербового сбора, оплатой судебных пошлин марками и пр.

⁹ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 39. Л. 59–77.

В целом, судя по архивным материалам, авторитет у судебных приставов в обществе был невелик. Об этом свидетельствуют и просьбы передать исполнительный лист с деньгами от пристава полицейским, и указания на то, что приставы советуют обвиняемым, как уклониться от взысканий. Сохранилась и интересная жалоба на пристава Макарова, который в описи написал, что истец пьян¹⁰. Суд однако не нашел в этом оскорбления.

В целом складывается впечатление, что в спорах местного населения и исполнительных судебных органов ЕОС вставал на сторону последних и в 99 % случаях был удовлетворен их объяснительными. Как уже отмечалось, тому причиной были правовые ошибки и элементарное незнание правовых норм участниками споров, но в то же время их неведение объяснялось и нежеланием (и ли невозможностью) суда доносить сведения относительно хода дела до общественности. Обращений с целью узнать о ходе дела в общем числе рассматриваемых архивных документов – 6 % от общего количества прошений, включая жалобы на игнорирование прошений судебными органами.

Рассмотрим социальный состав авторов протестов: это позволит проанализировать активность различных групп населения в судебном процессе. Правовой статус личности в Российской империи определялся его социальным положением, что находило отражение в сословной системе. Однако в начале XX в. классификация правового положения личности была настолько неопределенной, что некоторые ученые отмечают наличие в России к тому времени двух «миров»: традиционную систему сословий и неразвитое, но растущее гражданское классовое общество, которое защищала реформистская бюрократия, призванная отвечать на запросы современного мира [15. С. 123]. Исследовав распределение подсудимых по сословиям и видам преступлений, Б. Н. Миронов пришел к выводу об отсутствии льгот у привилегированных сословий: судьба обвиняемого зависела не от социального положения, а от образования, которое позволяло давать толковые объяснения [7. С. 59]. Важнейшим принципом судебной реформы 1864 г. была всеобщность, то есть введение единого суда для всех сословий и равной ответственности всех сословий перед судом. Интересно, что в подавляющем большинстве жалоб в ЕОС истцы вообще не указывали свою сословную принадлежность. В остальных

¹⁰ Там же. Л. 212–217.

прошениях и жалобах отразился социальный состав населения Урала: большинство претензий были написаны крестьянами (40 %). Как уже отмечалось, в какой-то мере это было связано с проникновением имущественных отношений в деревню, а также элементов городской буржуазной культуры.

На втором месте по количеству поданных протестов находились мещане (25 % дел). Качественных отличий этих жалоб от жалоб крестьянства не выявлено: в основном это требования ускорить судебный процесс или его исполнение. На третьем месте по количеству жалоб (18 %) — чиновники, в основном мелких рангов, а также их ближайшие родственники. Лишь одно дело было заведено по просьбе представителя потомственного дворянства — прошение с целью получения наследства, которое было остановлено из-за игнорирования судебных приглашений истцом.

Отдельной группой архива канцелярии ЕОС представляются прошения организаций (чаще всего банковских), отличавшиеся высоким уровнем правопонимания. Они действовали через адвокатов, демонстрируя действительные ошибки суда или приставов. Так, ЕОС были утеряны марки для оплаты вызова свидетелей истца — товарищества «Бр. Макаровы», и суд признал необходимость допроса свидетелей. Жалоба на медлительность пристава со стороны завода привела к тому, что был обнаружен факт потери судебных документов. В третьем случае банк подал жалобу на нотариуса, обвинив его в некомпетентности, и жалоба также была удовлетворена. В случае с рядовыми обывателями, как уже отмечалось, в большинстве случаев жалобы признавались необоснованными, и суд разъяснял их неправоту.

Таким образом, анализ жалоб и прошений в ЕОС, а также социального состава истцов, позволяет оценить правовую активность граждан как недостаточно высокую. Большинство протестов легко объяснялись ошибками и некомпетентностью крестьян и мещан, которых было большинство в общем списке участников процессов. В то же время, преобладание просьб ускорить ведение дел, затянутых на целые годы, позволяет говорить о действительной проблеме судебной системы — волоките. Второй очевидный недостаток суда — неинформативность, провоцировавшая население на подачу прошений. Наконец, существенным минусом российского правосудия начала XX в. являлась финансовая несостоятельность его участников,

а также их нежелание вкладывать материальные средства в судебный процесс. Очевиден и ярко выраженный утилитаризм в понимании закона и суда. Наибольшее число претензий среди всех групп населения вызывала работа исполнительных судебных органов — приставов, что говорит не только о недостаточной авторитетности этой судебной ветви на Среднем Урале, но и свидетельствует о значимости не самого судебного процесса, а его решения.

Однако даже с учетом всех изъянов правовой культуры граждан нельзя недооценивать деятельность реформированных в 1864 г. судебных органов. Она стала импульсом для переосмысления роли суда. Практика обжалований способствовала росту числа обращений к услугам судебных органов. Гласный, доступный, равный для всех суд стал залогом масштабных трансформаций правовой жизни общества.

Библиографический список

1. Большакова О. В. Судебная реформа 1864 г. и формирование правовой культуры в дореволюционной России: обзор англоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 5: история. М., 2000. № 1. С. 7–23.
2. Демичев А. А. Образ суда в дореволюционном российском анекдоте. Н. Новгород, 2007.
3. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910.
4. Екатеринбургская неделя. 1880. № 3, 8, 9, 14.
5. Карлеба А. В. Деформация правосознания населения России и борьба с противоправными проявлениями в условиях Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
6. Мигущенко О. Н. Генезис правового сознания как основа эволюции правовой культуры // Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора. Ч. 1. Россия и Запад: истоки политической и правовой культуры. Великий Новгород, 2006.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб, 1999. Т. 2.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 31.
9. Попова А. Л. Судебная реформа 1864 года и развитие гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 89–100.

10. Российское законодательство X–XX веков. М., 1991. Т. 8.
11. Статистический ежегодник России 1913 (год десятый). СПб., 1914. Т. 1.
12. Статистический ежегодник России 1915 (год двенадцатый). Петроград, 1916. Т. 4.
13. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1866. Ч. 2.
14. Усманов Р. Р. Основные этапы становления и развития адвокатуры на Среднем Урале (1874–1997 гг.) // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 175–225.
15. Хойман С. Е. Взгляд на правовую культуру предреволюционной России // Советское государство и право. 1991. № 1. С. 121–127.

Litvinets Elena Yurievna
Candidate of Historical Sciences

Associate professor of Department of history and social and political sciences, Ural State Forest Engineering University

**ATTITUDE OF DIFFERENT SOCIAL GROUPS OF THE MIDDLE
URALS POPULATION TO THE WORK OF JUSTICE
IN PRE-REVOLUTIONAL PERIOD (BASED ON THE MATERIALS
OF YEKATERINBURG DISTRICT COURT)**

The article is devoted to the issue of the attitude of various groups of the Middle Urals to justice in the period preceding the Revolution of 1917. At the heart of the work is the analysis of petitions and complaints which were considered by Ekaterinburg District Court. The author made an attempt to evaluate the effectiveness of the judicial system and the level of legal culture of citizens.

Keywords: history of the Urals, justice, legal culture, class of Russia, Ekaterinburg District Court.

*Т. А. Кискидосова**

ГОРОДСКОЙ КОСТЮМ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается процесс трансформации городского костюма Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Автор показывает, что постепенно в городах на смену традиционной одежде пришел общеевропейский стиль, а модная одежда перестала быть прерогативой высших слоев городского общества.

Ключевые слова: город, Восточная Сибирь, горожане, костюм, социальный маркер, сословия.

Во второй половине XIX — начале XX в. в модернизирующемся российском обществе костюм являлся социальным маркером, отражавшим степень трансформации тех или иных сословных слоев в новые страты классового общества. По костюму городского обывателя можно было определить его сословный статус, материальное положение, возраст, занятия, национальность. Как правило, изменения в социальной среде сказывались непосредственно на внешнем облике человека, приводили к смене костюма. Современные исследователи отметили, что процессы урбанизации, индустриализации и социокультурные изменения в обществе пореформенной России способствовали вытеснению сословного костюма общегородским [2. С. 33–34; 7. С. 16; 8. С. 190; 10. С. 98–99].

В середине XIX в. внутри городского сообщества Восточной Сибири существовали определенные социальные градации имущественного и статусного порядка. Социальный статус горожанина легко определялся одеждой. Костюм являлся своего рода социокультурным разделителем. Одежда купца отличалась от одежды рабочего или служащего. Модная одежда была для высших слоев городского общества социальным маркером, указывающим на их высокий социальный и имущественный статус. «Чиновничество себя держало выше других, — вспо-

* *Кискидосова Татьяна Александровна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия), tak_74@mail.ru.

минала жительница Красноярска А. А. Тарасова, — барыни и барышни ходили в шляпах и одевались по моде, мужчины ходили в сюртуках и цилиндрах, а небедные могли позволить себе купить перчатки»¹. Изысками в одежде отличались дочери и жены богатых купцов, золотопромышленников и чиновников. Как правило, местные женщины из богатых семей одевались достаточно дорого и стремились не отставать от столичных модниц. Платье состоятельных дам отличалось дорогой тканью, модным покроем, искусной работой портного, необходимыми украшениями. Несмотря на то, что костюмы горожан Восточной Сибири были схожи с костюмами жителей других российских городов, современники выделяли некоторые особенности. Обыватели Енисейска из среды золотопромышленников придавали внешнему виду огромное значение. Например, считалось, что состоятельным дамам неприлично выходить на улицу в шерстяном, а не шелковом платье. Когда приехавшая в Енисейск А. Баркова появлялась на прогулке в кисейном или ситцевом платье, то все смотрели на нее с удивлением и осуждением. Считалось, что дама из высшего общества, должна была дорого одеваться. А. Баркова вспоминала: «Приглашая меня на свадьбу, мать невесты покорнейше просила надеть все мои бриллианты и вообще одеться понаряднее, заявляя, что желают свадьбу сделать парадную» [1. С. 175]. В Енисейске в период золотопромышленного бума «вчерашний конюх или нарядчик, как только начинал богатеть, надевал сюртук поверх рубахи или блузы, становился приличным джентльменом и плясал кадрили в общественном собрании» [6. С. 18].

Продвигать модные тенденции в одежде и постоянно обновлять свой гардероб считалось уделом хорошо обеспеченных горожан. По мнению Ю. М. Гончарова, в сибирских городах при отсутствии богатых помещиков, дворянство, которое большей частью относилось к чиновникам часто не располагало значительными средствами для того, чтобы стать законодателями мод среди горожан. Носителями модных тенденций в одежде были преимущественно представители купеческого сословия. В свою очередь, костюм сибирского купечества, особенно повседневный, по крою не отличался от одежды мещан или крестьян. Представители купечества заимствовали какие-либо элементы одежды у высших слоев общества, или их наряд мог иметь крестьянское происхождение, но

¹ КККМ. О/ф. 7886/109. Л. 34.

соответственно отличался стоимостью и качеством [З. С. 168–169].

В 1850–1870-е гг. мещане были несколько ограничены в праве носить ту или иную одежду. Например, женам и дочерям из мещанских семей запрещалось появляться в общественных местах в дамских шляпках. По внешнему виду мещане ничем не отличались от крестьян². В то же время мещане среднего достатка в отличие от крестьян носили более дорогую одежду, при пошиве одежды они использовали широкий ассортимент разнообразных тканей. Зажиточные мещане могли себе позволить фраки и сюртуки, а их жены одевались как первостатейные чиновницы [4. С. 202–203]. И. Ф. Парфентьев описал наряд зажиточных мещан: «Степан Яковлевич постоянно носил белый галстук с вышитыми концами, жилет на «пике», халат разноцветной материи, а супруга его Марья Ермолаевна одевалась в шелковое платье и косынку»³. В последующие годы в сибирских городах постепенно сформировался своеобразный городской стиль, который наиболее ярко проявился в мещанской и купеческой одежде. Крестьянина, оказавшегося в городе, можно было определить по традиционной деревенской одежде, манерой причесываться и носить разнообразные аксессуары. Нередко происходило смешение городского платья и деревенской одежды, что было свойственно рабочим, недавним выходцам из крестьян [З. С. 163–165].

К концу XIX — началу XX в. сложился пиджачный костюм, который впоследствии мало подвергался изменениям. Пиджак благодаря его прямому силуэту не так плотно прилегал к телу, как сюртук. Свободные, не стеснявшие движения пиджаки, способствовали созданию нового образа современного мужчины, открытого и доступного всему новому. Пиджачный костюм стал демократичной одеждой, его носили дворяне, чиновники, разночинная интеллигенция, мастера. Пиджак являлся повседневной одеждой для представителей буржуазии и интеллигенции и выходной — для рабочих [7. С. 17]. Цены на мужские костюмы различались, зависели от ткани, модели, сложности кроя, производителя и т.д. Например, в 1913 г. в красноярской закройной мастерской универсального магазина П. И. Гадалова фракционный костюм стоил от 30 до 40 руб., сюртучный — от 28 до 30 руб., жакетный — от 26 до 30 руб., пиджачный — от 16 до 20 руб., пиджак и жилет из альпака — от 10 до 14 руб.⁴

² КККМ. О/ф. 7886/111. Л. 1.

³ КККМ. О/ф. 7886/231. Л. 175.

⁴ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4814. Л. 14.

Перемены коснулись и женского костюма. В городах Восточной Сибири до конца XIX в. женская одежда сохраняла традиционность при переменчивости мужского костюма. В зависимости от использования тканей платье или костюм подразделялись на простые и сложные. Простые шили из одной дорогой или дешевой ткани, сложные — из нескольких видов ткани (например, шерсти, бархата и атласа). У сложных туалетов было важно подчеркнуть достоинство каждого вида ткани [5. С. 270]. Следует учитывать, что новшества моды приходили в провинциальные города с некоторым опозданием. Так, например, в начале 1890-х гг. обеспеченные дамы Красноярска носили платья с пышными, заложенными в складки юбками, хотя трен давно вышел из моды и в столичных городах такой наряд выглядел бы смешным.

Вообще модные тенденции, предлагаемые в те времена столичными и зарубежными журналами мод, редко приживались в провинциальных городах России. Женщины отдавали предпочтение одежде простого кроя, доступной по цене ткани, несложности отделки и удобству туалета. Л. Ю. Фефилова пришла к выводу, что в конце XIX в. в провинциальных городах Урала и Сибири стилистика модерна, популярная в Петербурге и Москве, так и не была признана местными жительницами. В костюме дамы заменили геометрическую четкость линий более простыми и естественными формами. Женщины не хотели принимать сложность кроя, они не спешили слепо копировать журнальный костюм, но придерживались стилистики модерна и сохраняли основные идеи женственности. Также чуждой для большинства горожанок стала идея изнеженной и рафинированной дамы и реализующая этот образ стилистика Востока. В начале XX в. с переменой привычного ритма жизни изменилась форма женского костюма. Модным стал костюм, который с одной стороны, был изящным, а с другой, удобным в повседневной жизни [7. С. 21]. Костюмы с длинными пиджаками и узкими юбками, сшитыми из мужских тканей, теперь больше соответствовали образу эмансипированной женщины [9. С. 175]. Женский костюм получил распространение в мелкобуржуазной и интеллигентской среде. Женщины, получившие образование и профессию, занимавшиеся трудовой и общественной деятельностью, стремились иметь строгий и деловой внешний облик. В Иркутске в моду вошли деловые костюмы с прямым силуэтом и большими буфами на руках. На прямых юбках появилась плиссировка⁵.

⁵ Музей г. Иркутска. Тамм Л. Р. Записки иркутянки: Рукопись. Л. 44.

В прохладную погоду зажиточные горожанки носили накидки, душегрейки, епанчи и т.д. Пожилые женщины отдавали предпочтение ротондам и тальмам. Демисезонные пальто шили из шерстяных или драповых тканей. Обычно дамское пальто шили из тканей темных расцветок с небольшим бархатным воротником и прямыми рукавами, в качестве подклада использовали сатин, шелк, ситец или материал на вате⁶.

В Сибири с длительными и холодными зимами особое место в гардеробе горожан занимала верхняя зимняя одежда. Шубы и шинели шили из разнообразных мехов. Дорогие меха являлись показателем состоятельности хозяина шубы. У богатых горожан имелись собольи, енотовые, песцовые, лисьи шубы. Обыватели среднего достатка довольствовались мехом куницы или белки. Небогатый мещанин надевал беличью хребтовую суконную шубу, подпоясанную пекинским кушаком и бобровую шапку. Бедняки носили овчинные и заячьи шубы, тулупы, армяки или полушубки. Зажиточные горожане имели не одну шубу, что было в порядке вещей, поскольку данная одежда считалась одной из нарядных и статусных. Одна шуба предназначалась для «выхода», другая — «санная» — была рассчитана на выезд в дальнюю дорогу и представляла собой теплый тулуп. В нарядной шубе ходили в церковь и в гости, выезжали на прогулки. Такую верхнюю одежду шили из енота или песцовых лапок, из синего сукна с капюшоном и широким полубархатным воротником и т.д. И. Ф. Парфентьев описал, как он справил себе модную зимнюю шинель: «Понадобилось пять шелковых платков, а бобровый воротник мне дала матушка с дозволения родителя. Сукно я выбирал с А. Г. Тонконовым в лавке Белова. Когда портной сшил мне шинель, все вокруг заинтересовались»⁷.

Зимняя одежда у женщин, также как и мужчин, определяла имущественное положение и социальный статус. В зимнее время у женщин была либо меховая шуба, либо зимнее пальто с воротником из скунса, соболя, выхухоля и т.д. Дамы из высших слоев общества носили шубки из горносталя, соболя и т.д. Зимнее пальто богатой мещанки выглядело следующим образом: крытое черным атласом, подклад из лисьего меха, рукава

⁶ Там же. Л. 45.

⁷ КККМ. О/ф. 7886/231. Л. 206.

оторочены мехом соболя. Менее обеспеченные городские обывательницы обычно носили пальто с подкладом на овчине⁸. У мещанок получил распространение казак, представлявший тип верхней одежды, полудлинный, прилегающий к талии с застежкой впереди по косой линии. Подол и борта казака обшивались мехом⁹.

Набор мужской обуви включал в себя: сапоги, меховые унты, валенки, ботинки, полуботинки, штиблеты, туфли и т.д. В России XIX в. самой распространенной и внесословной обувью были сапоги. Их носили представители разных сословий: дворяне, купцы, рабочие и т.д. Основным отличием было только качество сапог [2. С. 29]. Подобно одежде обувь также являлась показателем респектабельности ее хозяина. Следовательно, дорогую обувь могли позволить себе купить зажиточные слои населения, а дешевой обувью довольствовались менее обеспеченные слои городского населения. Повседневная обувь горожанок Восточной Сибири была разнообразной: кожаные сапожки с застежкой впереди или сбоку на многочисленных пуговицах, туфли и ботинки с тупыми или полукруглыми носками, с прямыми или широкими каблуками; туфли с рантом для делового костюма¹⁰. Вся модная дамская обувь была обязательно с каблуком, высота и форма претерпевали изменения с течением времени. Особым шиком у городских дам считались кожаные ботинки. К концу XIX в. большой популярностью пользовались ботинки из черного хрома на высоком французском каблуке с узкими длинными носами, высоким голенищем и на шнуровке¹¹. У богатых иркутянок к вечернему платью полагались туфли-лодочки с узкими носками на французском каблуке «рюмочкой». Эти туфли специально шили из тонкой кожи — лайки или шевро¹². В непогоду женщины натягивали на ботинки калоши, в холодную погоду фетровые или шерстяные боты на теплой подкладке. В морозы женщины носили катанки розового цвета с различными рисунками или пимы черного цвета, подшитые кожей¹³.

Т. О. Волобуева отметила, что в городах существовали одновременно различные комплексы костюмов, в том числе соче-

⁸ МРКМ. О/ф. 7059 (59).

⁹ КККМ. О/ф. 10040-3. Ф. 2523.

¹⁰ Музей г. Иркутска. Тамм Л. Р. Записки иркутянки: Рукопись. Л. 44.

¹¹ МРКМ. О/ф. 6965. 9138/2-3.

¹² Музей г. Иркутска. Тамм Л. Р. Записки иркутянки: Рукопись. Л. 44.

¹³ Там же. Л. 46.

тавшие элементы традиционной и общеевропейской одежды. В то же время при всем многообразии городских костюмов наблюдалась устойчивая тенденция вытеснения традиционного платья. Подобное вытеснение линейно двигалось от наиболее обеспеченных социальных групп к среднеобеспеченным, далее доходило до малообеспеченных слоев населения [2. С. 32]. Контрасты в одежде являлись показателем социального неравенства и способствовали формированию соответствующей модели поведения в обществе. В конце XIX — начале XX в. модный костюм перестал быть маркером привилегированных слоев общества и стал доступным для более широких слоев населения. В основном одежда представителей разных социальных групп стала различаться стоимостью материала и качеством изготовления.

Библиографический список

1. Баркова А. И. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник 1887 г.: Приложение к «Восточному обозрению» 1887 г. СПб., 1887. С. 168–186.
2. Волобуева Т. О. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX — начале XX в. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 29–35.
3. Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). Барнаул, 2004.
4. Город у Красного яра. Документы и материалы по истории Красноярского края второй половины XIX в. Красноярск, 1986.
5. Суслина Е. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003.
6. Уманьский А. А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888.
7. Фефилова Л. Ю. Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX — начала XX в. по фотоматериалам Урала и Сибири: автореф. дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2007.
8. Фефилова Т. Ю. Костюм горнозаводского Урала как социокультурное явление: дисс. ... канд. культурологи. Екатеринбург, 2006.
9. Чалтыкьян Д. История костюма с древности до XX в. М., 2011.
10. Яхно О. Н. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX — начале XX в.: дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2002.

Kiskidosova Tatyana Aleksandrovna
Candidate of historical sciences

Senior researcher of the Khakassian research institute of language, culture and history

**THE COSTUME OF TOWNSPEOPLE IN THE EASTERN SIBERIA,
THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY
AS A MARKER OF SOCIAL IDENTITY**

The article discusses the process of transforming of the urban costume of Eastern Siberia in the second half of the 19th — early 20th century. Gradually, in the cities the traditional dress was replaced by pan-European style. The author concludes that the fashionable clothing has ceased to be the prerogative of the upper strata of urban society.

Keywords: city, Eastern Siberia, the townspeople, costume, social marker, class.

*Е. В. Каменская**

**«МНЕНИЕ НАС — РАБОЧИХ, ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ОДНО»:
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
В ПРОПАГАНДИСТСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
КАМПАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-Х —
НАЧАЛА 1970-Х ГГ.**

В статье на примере внешнеполитических пропагандистских кампаний второй половины 1960-х — начала 1970-х гг. рассматриваются проблемы социальной стратификации советского общества, мобилизации общественной поддержки деятельности советского руководства.

Ключевые слова: советская пропаганда, СССР, социальная стратификация, внешняя политика СССР, советская пресса.

С самого начала своего существования советское общество было четко разделено на три социальные группы: рабочий класс, крестьянство и интеллигенция. Это было зафиксировано во всех официальных документах и сохраняло свою актуальность до конца существования СССР. При этом в одной группе (рабочих или крестьян), оказывались достаточно разные по статусу люди: от рядовых работников до крупных начальников. Под интеллигенцией также понимался очень широкий круг населения: научные работники, инженеры, агрономы, учителя, врачи [1. С. 91]. Кроме того, выделялись такие специфические общественные группы, как молодежь, женщины, пенсионеры (включая ветеранов труда и войн) [1. С. 92]. Отдельно взятый человек в структуре общества воспринимался не столько как личность, сколько как представитель определенного слоя.

Пропагандистский аппарат учитывал различия между социальными группами в своей работе. Наглядным примером тому служит газетная пресса советского периода, отличавшаяся потрясающим разнообразием ориентированных на разную аудиторию изданий. Рабочая газета «Труд», деревенская «Сельская жизнь», молодежная «Комсомольская правда»; «Красная звезда» для военнослужащих, «Литературная газета» для интелли-

* *Каменская Екатерина Владимировна*, старший преподаватель кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия), ekam82@yandex.ru.

генции — все имели свою газету. И это не считая массы специализированных профессиональных газет, таких как «Медицинская газета», «Учительская газета», «Советская индустрия» и т. д.

Направляя идеологический сигнал конкретному слою, власть ждала ответной реакции, показывающей, что информация «сверху» усвоена. При этом «импульс поддержки» также должен был идти ото всех общественных групп, в сумме давая единодушное одобрение советским народом решений советского руководства. Данный элемент взаимоотношений власти и общества имел ритуальный, обязательный характер. Рассмотрим вопрос о важности социальной стратификации в советском обществе с позиции власти на примере пропагандистских внешнеполитических кампаний второй половины 1960-х — начала 1970-х гг. Следует оговориться, что данные кампании включали в себя публикации официальных материалов и журналистских статей в прессе, распространение необходимой информации по радио и телевидению, обсуждения на партийных собраниях, организацию лекций и политинформаций по той или иной проблеме. В предлагаемой статье будет рассмотрен такой элемент этих кампаний, как партийные собрания. Источниковой базой стали отчеты горкомов и райкомов КПСС о ходе партийных собраний, а также материалы отчетов, опубликованные в прессе. Территориальные рамки исследования ограничены Свердловской областью, однако анализируемые кампании имели аналогичную структуру и механизм проведения по всей стране, незначительно отличаясь в разных регионах.

Партийные собрания, посвященные различным международным проблемам, являлись частью советской повседневности. Поводом для них в рассматриваемый период становились разнообразные события. Во-первых, межгосударственные конфликты как внутри социалистического лагеря (конфликты с Китаем, Чехословакией и др.), так и с участием капиталистических и развивающихся стран (война во Вьетнаме, Ближневосточный конфликт). Во-вторых, кризисные ситуации внутри отдельных стран, к примеру, события 1968 и 1970 гг. в Польше. В-третьих, внешнеполитическая деятельность руководства СССР (переговоры с зарубежными странами, подписание международных договоров и т. д.).

Структура отчетов о партийных собраниях была однотипна: вначале указывалось их количество, число присутствовав-

ших (по району или городу). Основную часть отчетов составляли речи ведущих докладчиков, число которых варьировалось. В заключении указывались предложения и замечания, высказанные на собрании, а также заданные вопросы. Речи докладчиков не являлись спонтанными, а представляли собой специально созданный по давно устоявшемуся шаблону текст. Его основными элементами были: выражения полной поддержки позиции партии и правительства по рассматриваемому вопросу, обвинения стран-оппонентов (в случае обсуждения конфликтных ситуаций), призывы к самоотверженному труду. Таким образом, выполнялся своеобразный государственный заказ на поддержку обществом решений руководства страны. Необходимо отметить, что в отчетах собраний, в том числе публикуемых в газетах, указывалась должность ораторов, что дает четкую информацию об их социальном положении и позволяет анализировать состав выступавших.

Докладчики на собраниях представляли все основные социальные слои советского общества: рабочих, крестьян, интеллигенцию, молодежь, пенсионеров, женщин¹. Анализ выступлений и в целом структура отчетов позволяют сделать вывод, что для власти социальный статус являлся одной из важнейших характеристик граждан страны. Во-первых, в большинстве случаев в речах четко определялась принадлежность докладчика к какому-либо социальному слою. Делалось это либо в начале речи («Я, рядовая колхозница, доярка...»), либо при переходе к заявлению позиции по обсуждаемому вопросу («Я, как и все рабочие завода...»)².

Во-вторых, абсолютное большинство выступавших говорило не от собственного имени, а от имени всего представлявшегося ими слоя. Постоянно использовалась конструкция «Мы + [название слоя] + [заявление / лозунг / требование]». К примеру: «Мы, учителя, гневно осуждаем антисоветскую политику Мао Цзэдуна и выражаем полное согласие с политикой нашей партии»³. Показательным является использование местоимений: «мы» заменяло «я», «наше» заменяло «мое». Выступление одного человека отражало мнение целой социальной группы.

¹ Необходимо указать, что такая специфическая группа как женщины отчетливо выделяется по содержанию их выступлений, функции их появления в качестве докладчиков. Количество выступающих женщин иногда специально фиксировалось в отчетах.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 79. Д. 139. Л. 1.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 79. Д. 116. Л. 199.

В-третьих, одним из обязательных элементов выступлений на подобных собраниях был призыв внести свою лепту в могущество родины. И здесь каждый выступавший также брал на себя ответственность говорить за всех рабочих, колхозников, учителей и т. д. («Нам, труженикам села, крепить мощь нашей страны необходимо своим трудом»⁴).

Единодушная поддержка решений власти «снизу» шла по схеме «человек — социальный слой — советский народ», при этом первое звено сливалось со вторым. Для перехода на последний уровень в своих речах докладчики в обязательном порядке указывали, что их мнение разделяет все население страны. «Весь коллектив нашего завода вместе со всем советским народом в ответ на клевету китайских руководителей еще теснее сплотится вокруг ЦК КПСС», «Трудящиеся города и района, как и все советские люди, наглядно убедились в изуверских действиях хунвейбинов и воинов НОАК на пограничной территории СССР»⁵ — подобные конструкции выполняли символическую функцию, обеспечивая слияние мнений отдельных групп в одно общенародное мнение.

Отметим, что газетные издания СССР, являясь посредником между властью и населением, также публично показывали мнение своей целевой аудитории. В совокупности создавалась картина всеобщей поддержки внешнеполитической деятельности власти. Так, в ходе обсуждения кризиса в Чехословакии летом–осенью 1968 г. «Красная звезда» регулярно печатала письма военнослужащих с поддержкой решений советского руководства, решения собраний парторганизаций военных частей [2. С. 1; 3. С. 1; 4. С. 1]. В «Литературной газете» в то же время публиковались отчеты с партийных собраний писателей, художников и т. д. [7. С. 1; 8. С. 1]. Названия статей обозначали социальную принадлежность выступающих («Слово советских литераторов», «Слово воздушных бойцов», «Слово тех, кто освобождал Чехословакию») [5. С. 1; 6. С. 1; 9. С. 2].

Анализ состава выступающих также позволяет проследить иерархию социальных и профессиональных групп советского общества. Большинство докладчиков были работниками промышленной сферы. Однако следует учитывать индустриальную специализацию Свердловской области. Следом по частоте

⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 79. Д. 139. Л. 2.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 73. Д. 103. Л. 90; Оп. 79. Д. 139. Л. 5.

выступлений шли работники сельского хозяйства и интеллектуальной сферы. При этом многочисленные служащие любого звена, работники предприятий сферы услуг (химчисток, прачечных, парикмахерских и т. д.) практически не присутствовали среди основных докладчиков. На собраниях выступали представители одного социального слоя, имевшие разный статус: неквалифицированный рабочий — мастер; тракторист — управляющий отделением совхоза. Кроме профессиональной принадлежности значимыми социальными характеристиками также являлись: герой социалистического труда, пенсионер республиканского значения, старый коммунист (к примеру, «коммунист с 1918 г.»).

Огромным авторитетом в советском обществе пользовались участники Великой Отечественной войны, вне зависимости от их социального статуса. Особенно это прослеживалось при обсуждении острых внешнеполитических вопросов, включавших в себя проблемы войны и мира, защиты советских границ, обострения международных отношений. Именно ветераны войны считали себя вправе оценивать сложившееся международное положение, конфликтные ситуации и давать советы относительно внешнеполитического курса СССР. Поддержка действий руководства страны этой специфической группой советских граждан имела важное идеологическое значение, и постоянно подчеркивалась в прессе.

В то же время отчетливо видно, что в зависимости от проблематики собраний некоторые социальные группы представляли большую важность. В ходе кризисов в социалистических странах, в частности, в Польше и Чехословакии, основными адептами контрреволюционных идей, согласно советской пропаганде, выступали интеллигенция и молодежь. Данный факт обуславливал обязательную мобилизацию поддержки действий КПСС именно этими слоями советского общества. Важно было подчеркнуть, что советская интеллигенция и подрастающее поколение являются надежной опорой власти.

На собраниях в небольших городах и селах Свердловской области интеллигенцию представляли в подавляющем большинстве учителя школ. Показательным примером является отчет Каменск-Уральского горкома КПСС об обсуждении информации ЦК КПСС о ходе советско-китайских переговоров в Пекине (1970 г.). При перечислении речей секретарь горкома

указал: «От интеллигенции [выступила — Е.К.] заслуженная учительница РСФСР Копейкина Л. П.»⁶. В свою очередь, речь учительницы содержала ритуальные обобщающие фразы: «Мы, интеллигенция, твердо убеждены, что КПСС и Советское правительство сделают все возможное, чтобы сохранить исторически сложившиеся наши границы на востоке»⁷. Также на собраниях обязательно выступали молодые рабочие или студенты, которые от имени всей молодежи поддерживали официальный внешнеполитический курс КПСС.

Выбор выступающих частично определялся проблематикой собраний. К примеру, на собраниях, посвященных чехословацким событиям 1968 г., регулярно выступали участники освобождения Чехословакии в годы Второй мировой войны. При обсуждении вооруженных столкновений на советско-китайской границе в 1969 г. часто звучали речи военнослужащих Советской армии, проходивших службу на границе с Китаем, либо участвовавших в военных действиях против Японии в 1945 г., а также работников, имевших опыт совместной работы с китайским населением. В целом предпочтение отдавалось людям, имевшим определенное представление о стране-оппоненте или стране-партнере, то есть бывавших там в служебных командировках, туристических поездках и т. д.

Таким образом, партийные собрания второй половины 1960-х — начала 1970-х гг. показывают, что деление советского общества на отдельные группы являлось для власти хорошо освоенным механизмом управления, а для самого населения — привычным способом самоопределения в социальном пространстве. При возникновении кризисных ситуаций, в данном случае на международной арене, власть мобилизовала все основные слои и получала подтверждение их согласия с официальной линией партии. В ходе собраний представители всех социальных групп выражали единодушное одобрение политики партии и правительства. В данном случае вопрос соответствия указанных в отчетах точек зрения советских граждан реальным общественным настроениям отходит на второй план. Именно полученные в ходе собраний одобрительные сигналы «снизу» позволяли власти заявлять в прессе о поддержке всем советским народом тех или иных внешнеполитических решений.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 74. Д. 140. Л. 97.

⁷ Там же.

Важно отметить, что в ходе трансформации советского общества в 1970-х — начале 1980-х гг. подобные практики теряют свое значение.

Библиографический список

1. Брежнев Л. И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду коммунистической партии Советского Союза. М., 1971.
2. Красная звезда. 1968. 20 июля.
3. Красная звезда. 1968. 21 июля.
4. Красная звезда. 1968. 23 июля.
5. Красная звезда. 1968. 22 авг.
6. Красная звезда. 1968. 23 авг.
7. Литературная газета. 1968. 24 июля.
8. Литературная газета. 1968. 28 июля.
9. Литературная газета. 1968. 23 авг.

Kamenskaya Ekaterina Vladimirovna

Senior lecturer, The Ural State University of Economics

**«OPINION OF US — WORKERS ABOUT IT IS THE ONE»:
SOCIAL STRATIFICATION IN PROPAGANDISTIC FOREIGN
POLICY CAMPAIGNS (THE SECOND HALF OF THE 1960S
— EARLY 1970S)**

The paper considers the problems of social stratification of the Soviet society, mobilization of public support of activity of the Soviet leadership (on the example of foreign policy propaganda of the second half of the 1960s — the beginning of the 1970s).

Keywords: Soviet propaganda, USSR, social stratification, Soviet foreign policy, Soviet press.

СПИСОК АББРЕВИАТУР

- АН СССР — Академия наук СССР
Архив СПбФИРИРАН — Архив Санкт-Петербургского филиала
Института российской истории Российской академии наук
ВЛКСМ — Всероссийский Ленинский Коммунистический Союз
Молодежи
ГААОСО — Государственный архив административных органов
Свердловской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАТО — Государственный архив Тюменской области
ГКО — Государственный комитет обороны
ЕОС — Екатеринбургский областной суд
КГБ — Комитет государственной безопасности СССР
КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей
КПЗБ — Коммунистическая партия Западной Белоруссии
КПЗУ — Коммунистическая партия Западной Украины
ЛФТИ — Ленинградский физико-технический институт
МРКМ — Минусинский региональный краеведческий музей
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
- хив
СПП — Союз польских патриотов
США — Соединенные Штаты Америки
УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук
РГИА — Российский государственный исторический архив
ЦДОСО — Центр документации общественных организаций
Свердловской области
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

Научное издание

**ГРАНИЦЫ И МАРКЕРЫ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
В РОССИИ XVII–XX вв.**

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО ВСЕРОССИЙСКОГО
НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Подписано в печать 04.12.2014. Формат 60x84¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. листов 10,7. Тираж 300 экз.

